

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

*«Чтобы по-прежнему снималось
хорошее кино.
И чтобы всем нам в Новом году
было хорошо!»*

О жизни и творчестве художника Леонида Пастернака
читайте на странице 66.

Минувшее

Юрий Осипов «Екатерининские орлы» 4

Рассказ

Владимир Бочаров «Живая модель» 28

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада Репетиция революции
или мятеж? 46

Шедевры

Ирина Опимах Леонид Пастернак.
Судьбы сплетенье... 66

Замечательные современники

Светлана Савицкая Сергей Безруков:
«Я отдаю предпочтение
нравственной чистоте» 78

Житейские истории

Ольга Борисова Поединок 86

Поэзия

Лариса Черникова,
Галина Богачеко,
Ирина Лесная-Иванова,
Александр Куц,
Галина Романова Стихи 93

Это интересно

Виктор Ом «Небесный кровельщик» 100

Алла Зубкова Джузеппе Верди.
Маэстро на все времена 128

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин Постижение любви 108

Детектив

Иосиф Гольман Любовь, химия,
и кредитка депутата 144

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино Сергей Безруков.
Фото взято с сайта актера
<http://sergeybezrukov.ru/>

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 15.11.2016

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« У многих историков и просто думающих людей обычно вызывает удивление тот факт, что огромные деньги на революции 1905 и 1917 годов в России жертвовали богатейшие купцы и промышленники: Четвериковы, Рукавишниковы, Дунаевы, Живаго, Щукины, Востряковы, Морозовы, Мамонтовы и многие, многие другие. Зачем? Чем им-то не угодило российское самодержавие, да так, что его любым способом надо было свергнуть, не особо задумываясь о последствиях?

Светлана **Бестужева-Лада** «Старообрядцы и революция»

« После гибели на дуэли Пушкина, осталось четверо малолетних детей — два мальчика и две девочки. И ни копейки наличных денег. Вдове не было еще и тридцати лет, но она нашла в себе силы жить ради детей. Долги покойного поэта уплатил император Николай I — и не из симпатии к Наталье Николаевне, а из уважения к памяти Александра Пушкина, которого почитал одним из умнейших людей своего времени. Пушкины уехали из Петербурга в свое родовое имение в Калужской губернии.

Денис **Логинов** «Бесенок Таша»

« Когда поступило приглашение на пробы, то я задала вопрос, а почему выбрали меня? Совершенно на нее не похожа, и нет вообще ничего общего. Мне сказали, что внешнее сходство неважно, главное — вы должны убедительно сыграть Галину Брежневу — королеву золотой молодежи того времени.

Беседа Елены **Воробьевой** с актрисой **Дарьей Юрской**

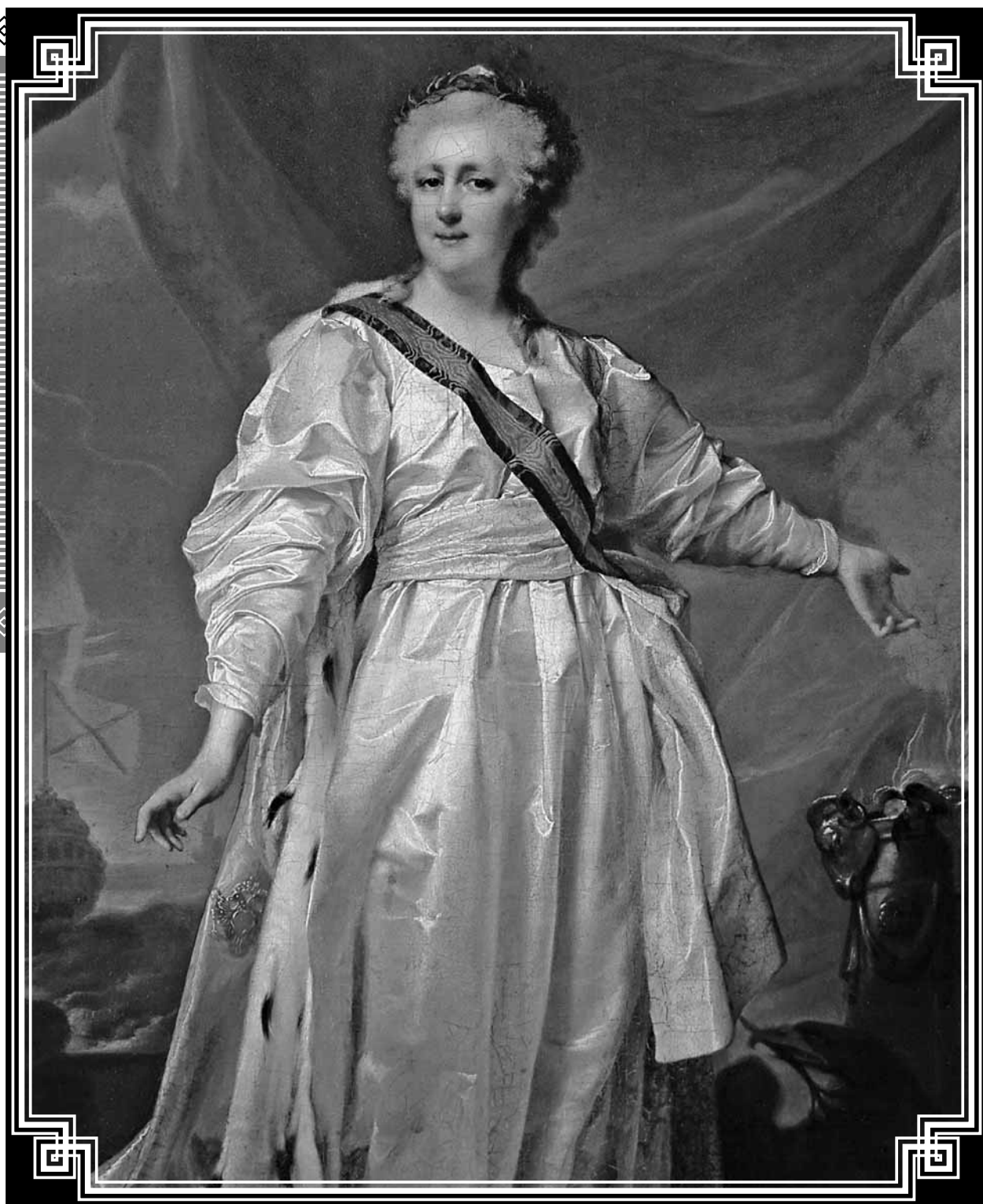
« Но, господа, сколько ж эротики!!!
Плавное движение рук, приподнятая белокурая головка, мгновенно обнаженные плавные линии нежного живота. У мужиков в зале аж дыхание захватило. Безмерно довольная собой, Ольга внимательно посмотрела на судью. Тот ничем не отличался от прочих представителей сильного пола. Блестящий результат!

Детектив Иосифа **Гольмана** «Любовь, химия и кредитка депутата»

Юрий Осипов

«ЕКАТЕРИНИНСКИЕ»

ОРЛЫ»

Попали в честь тогда
Орловы...

А.С. Пушкин

Григорий
Орлов

Алексей
Орлов

Ими восхищались, их боялись, перед ними заискивали. Об их силе и храбрости в гвардии ходили легенды. В бою и в кутежах им не было равных. Они стали ярким порождением блестящего и авантюрного XVIII века. Родоначальником этой семейной линии считается простой солдат, принявший участие в кровавом стрельцком бунте, что заставил едва успевшего вступить на престол молодого Петра срочно возвратиться в Москву из своего знаменитого европейского путешествия с образовательными целями.

По преданию, он пощадил стрельца, которого за удаль и силу товарищи прозвали Орлом. Тот в утро стрельцкой казни якобы спокойно сказал у плахи грозному царю: «Посторонись, государь, здесь я лягу». Петр, лично рубивший в страшный день головы стрельцам, в ответ рассмеялся: «Какова дерзость, но какова и сила духа...» И помиловал бунтовщика.

Возведенный в офицерский чин и получивший вместе с ним дворянство Иван Орел или Орлов, как переименовали его фамилию, был отцом генерал-майора и новгородского генерал-губернатора Григория Ивановича. Женившись в пятьдесят три года на дворянке, девице Зиновьевой, он имел от нее девять сыновей. Выжили пятеро — Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир. Все богатыри, как на подбор, все стали гвардейцами. И все пользовались в своих привилегированных полках авторитетом и уважением среди офицеров и солдат, которых могли увлечь за собой. В России не было никого выше их ростом и сильнее.

Сослуживцы отмечали удивительную дружбу братьев Орловых. «Они делили меж собой все доходы, у них были общие расходы, один общий кошелек». Среди них мужественной красотой, благородством и добродушием выделялся Григорий. Под стать ему был и Алексей. Но поначалу больше повезло Григорию.

Он родился 6 октября 1732 года в селе Люткино Бежецкого уезда Тверской губернии и, подобно братьям, получил домашнее образование, которое Екатерина II впоследствии оценила весьма уничижительно: ни в каких науках он, по ее словам, не разбирался, а французский знал настолько плохо, что не мог читать на нем стихи. Для императрицы, всю жизнь жадно тянувшейся к знаниям, такие недостатки первого фаворита были досадны. Однако она терпела их, понимая, что Григория уже не переделать. К тому же его достоинства с лихвой искупали эти недостатки.

Стоя в строю, красавец-неуч на две головы возвышался над осталь-

ными, вязал узлом кочергу и мог побороть любого записного силача, а то и двух. Он служил в Семеновском полку и в 1757 году был переведен строевым офицером в армию. Принял участие в Семилетней войне, отличился в сражении при Цорндорфе, не покинув поле боя даже с тремя ранами...

Слава о его подвигах дошла до Петербурга, и начальство включило Григория в число сопровождавших ко двору знатного пленника, графа Шверина, флигель-адъютанта прусского короля. Ну а в столице он приглянулся генералу графу Петру Шувалову, который взял его к себе адъютантом. Так Григорий воссое-

*Григорий
и Алексей
Орловы*

динился с братьями, служившими в гвардии, и пошли их веселые пирушки и буйные кутежи, о которых судачил весь Петербург.

Мало того, Григорий и здесь ухитрился продемонстрировать свою отчаянную смелость и безрассудство, закрутив роман с княгиней Куракиной, любовницей всесильного Шувалова. Когда стало известно, что ему «наставляет рога» собственный адъютант, все ждали крутой расправы, по крайней мере, конца карьеры Григория Орлова. Однако дело ограничилось лишь переводом его в фузилерный гренадерский полк.

Зато именно после этой нашумевшей истории им заинтересовалась будущая императрица, тогда еще супруга цесаревича Петра. К этому времени вошедшая во вкус чувственных наслаждений Екатерина осталась без любовника (супруга она как женщина не интересовала). Сначала от молодой принцессы потихоньку убрали ее первого возлюбленного, графа Салтыкова, а затем — второго, польского дипломата Понятовского. В двадцатипятилетнего красавца-офицера, окруженного ореолом галантных походов и буйных проделок, Екатерина влюбилась сразу,

чуть ли не с первого взгляда. Избалованный женским вниманием, Григорий едва ли был способен на глубокое чувство, но ответил ей личной преданностью. При этом умная, расчетливая и честолюбивая, она втайне мечтала о престоле и понимала, что сможет в подходящий момент опереться на кумиров гвардии, братьев Орловых.

Дело зашло далеко — в апреле 1762 года, когда ее судьба буквально висела на волоске, Екатерина родила от Григория Орлова сына, названного Алексеем. Ребенок был передан на воспитание одному из приближенных и впоследствии положил начало графского рода Бобринских. Петр III был прекрасно осведомлен и о тайных родах жены, и о том, что ребенок не от него. Но виду не подал, намереваясь со временем заточить неверную супругу в монастырь и жениться на своей фаворитке Елизавете Воронцовой.

У Екатерины не было иного шанса, кроме как опередить мужа. Григорий и Алексей Орловы возглавили созревший заговор, успеху которого способствовала ненависть к Петру в армии за его преклонение перед прусским королем Фридрихом Великим, не раз битым русскими в Семилетней войне. Остальные братья также во всю агитировали в своих полках за свержение Петра III и возведение на престол Екатерины.

В ночь на 28 июня 1762 года Алексей Орлов отправился в Петергоф, где находилась, фактически под до-

машним арестом, будущая императрица. Он вошел к ней в спальню и спокойно объявил: «Пора вставать! Все готово, чтобы провозгласить вас». Екатерина не колебалась ни минуты. В сопровождении княгини Дашковой они поскакали в столицу. У городской заставы их карету встречал Григорий Орлов с гвардейским конвоем...

Переворот осуществился быстро, без каких-либо серьезных стычек. Арестованного Петра Федоровича увезли в Ропшу. Охранял свергнутого императора Алексей Орлов. Ряд историков полагает, что там, непосредственно при его участии, по указанию Екатерины Петр был убит. До нас дошли донесения Алексея Орлова из Ропши к будущей императрице, которые, вроде бы, служат тому доказательством. В одном из них он пишет: «...урод наш очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасаюсь, что б он сегодняшней ночью не умер, а больше опасаюсь, что б не ожил».

Скорее всего, как утверждают некоторые источники, той ночью в Ропше произошла пьяная ссора дежурных офицеров с узником за картами, и они Петра Федоровича сгоряча придушили. Существует и другая версия, согласно которой Алексей Орлов заколол послушно отрешенного императора во время ужина двузубой вилкой. А когда на поднимающийся за закрытыми дверями столовой шум кинулся снизу конвойный гвардеец, на площадку лестницы вышел Алексей Орлов с салфеткой за

ухом и небрежно процедил: «Капитанина, куда прешь?» На том все и закончилось.

Грубая несвоевременность содеянного не вызвала, однако, неудовольствия матушки-императрицы. Убийца государя не постигла даже мнимая кара. Напротив, все участники дворцового переворота были осыпаны высочайшими милостями: денежными наградами, чинами, титулами, землями с крепостными, а то и всем сразу. Княгиня Дашко-

подумывать о женитьбе Григория на государыне, которая в «Гришеньке» души не чаяла и сына от него любила больше, нежели законного отпрыска, будущего императора Павла I. Матримониальные планы эти одной фразой разрушил воспитатель цесаревича граф Никита Панин. «Императрица русская вольна делать, что ей хочется, — невозмутимо предостерег он Екатерину, — но госпожа Орлова царствовать не будет». Впрочем, она и сама не собиралась ни с кем делить трон.

М

атримониальные планы эти одной фразой разрушил воспитатель цесаревича граф Никита Панин.

«Императрица русская вольна делать, что ей хочется, — невозмутимо предостерег он Екатерину, — но госпожа Орлова царствовать не будет». Впрочем, она и сама не собиралась ни с кем делить трон

ва, бывшая одно время «душевной подругой» Екатерины Алексеевны, была поставлена ею во главе Академии наук и весьма преуспела до своей отставки на столь необычном для дамы поприще. Екатерина II, следует отдать ей должное, хорошо умела распознавать людей и подбирать себе толковых слуг.

Григорий и Алексей Орловы, возведенные в графское достоинство, вознеслись на недостижимую высоту, возгордились и начали всерьез

Тем не менее, Григорий Орлов проходил у нее в первых официальных фаворитах еще добрых десять лет. Екатерина все лелеяла надежду образовать своего «ненаглядного Гришеньку», «обделать» его по собственному представлению. Напрасная надежда: «ненаглядный» был не трудолюбив, умом не далек. И, в конце концов, императрице прискучил. Его место при ней занял блистательный Григорий Потемкин. Справедливости ради следует признать,

*Григорий
Орлов*

что, хотя Екатерина и считала Григория Орлова человеком «ленивым и не глубокого ума», он помимо любовных утех принимал деятельное участие в решении важнейших государственных вопросов, переписывался с Дидро, покровительствовал Фонвизину...

В 1763 году государыня сделала его главой Канцелярии опекунов иностранных граждан (было тогда у нас и такое!). Это учреждение ведало переселением в Россию колонистов из-за рубежа. Должность непростая, требовавшая такта, осмотрительности, гибкости. И первый фаворит императрицы, вчерашний младший офицер гвардии, с ней отлично справился. Более равнодушно относился он к почетно-номинальным должностям директора инже-

нерного корпуса, шефа кавалергардов, генерал-аншефа артиллерии. А вот в основании Императорского Вольного экономического общества Григорий Григорьевич участвовал с энтузиазмом, в 1765 году стал его президентом и поначалу содержал на свои деньги.

Некоторые историки не без оснований полагают, что Григорий Орлов являлся сторонником отмены крепостного права. Недаром одна из задач возглавляемого им общества формулировалась так: «Полезно ли даровать собственность крестьянам?» Когда того требовала ситуация, этот веселый и добродушный богатырь мог быть суровым и решительным. Ему принадлежит заслуга в подавлении страшного «чумного» бунта в Первопрестольной в 1771 году.

Чума пришла в Россию из Турции. Смертность была ужасающая. В Москве из 13 000 домов в 6000 находились зачумленные, а в 3000 домах все вымерли. В одной из церквей священник объявил прихожанам на проповеди, что они прогневали Бога и Богородицу. Теперь, мол, надо истово молиться и собирать деньги на общую свечу. Обезумевший от страха народ, здоровые и чумные, валом повалил в храм Всех Святых на Кулишках. Люди давились, прикладываясь к образу, бросали деньги в общий сундук. Московский архиепископ Амфросий, боясь еще большего распространения болезни, запретил молебны и опечатал сундук с деньгами. В Москве ударили в набат: «Богородицу грабят! Смерть богототступнику Амвросию!» Архиепископа тут же забили насмерть. Город оказался в руках «черни», которая требовала ликвидировать карантин, хоронить умерших на церковных кладбищах и снять ограничения с торговли вином.

Прибывший в Москву на усмирение светлейший князь Орлов быстро навел порядок. Повесил для устрашения двоих бунтовщиков — по жребию, выявил зачинщиков, которых присудил к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и каторге. Жестоко расправился и с теми, кто занимался грабежом в вымерших домах. Лекарям утроил жалование. Каждому крепостному обещал вольную, если тот пойдет прислугой в чумные госпитали... Чума была побеждена в

кратчайшие сроки. Екатерина осталась довольна, но все же отдала от себя «Гришеньку», «утешив» его орденом лентой и денежным вознаграждением.

А тот вскоре без памяти влюбился в единственную из российских невест, жениться на которой ему ни по церковным, ни по гражданским законам не дозволялось — в свою двоюродную сестру Екатерину Николаевну Зиновьеву.

Многие современники высказывали в мемуарах мысль, что развращенный до мозга костей отставной любовник Екатерины Великой не способен был на возвышенные чувства. Оказалось, все они ошибались. Словно влекомый таинственной силой, Григорий Орлов 43 года шел навстречу любви, которая стала для него божьей карой.

Слово «нельзя» ему было неизвестно, поэтому он силком увез девицу, без труда разыскал священника и под дулом «пиштоля» заставил того обвенчать их. Как только о самовольном венчании проведали, Сенат постановил развести преступную супружескую чету. Григорий кинулся в ноги матушке-императрице, и та, не имея привычки ревновать бывших любовников, великодушно отменила постановление Сената, а затем помогла получить разрешение Церкви на этот противозаконный брак. На прощанье, правда, с усмешкой молвила: «Смотри, не пожалеть бы тебе, Гриша».

И как в воду глядела. Всего через год Зинаида Орлова заболела

*Алексей Бобринский — сын
Екатерины II и Григория Орлова*

чахоткой. Григорий самоотверженно переезжал с больной женой из одного европейского города в другой, где собирались консилиумы медицинских светил, но ни самое лучшее, по тогдашним меркам, лечение, ни благодатный средиземноморский климат не помогали. Зинаида умерла, а Григорий вернулся в Петербург, лишившись от горя рассудка. По свидетельству близких, во время приступов бреда ему постоянно мерещился убитый Петр III, который мстительно хохотал: «Это тебе за меня в наказание».

Меньше чем через полгода Григорий Орлов в припадке безумия скончался. Бездетным.

На похороны старшего брата граф Алексей Григорьевич приехал уже Орловым-Чесменским. Новое почетное наименование, орден «Святого Георгия» и шпагу с брильянтами он получил 11 лет назад за уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте. Морское сражение это произошло 9 (26) июля 1770 года. Екатерина доверила Алексею Орлову командование всей русской эскадрой, подчинив ему опытных адмиралов, хотя моря тот прежде в глаза не видел. Но императрица, как всегда, знала, что делала.

Будучи умнее и предусмотрительнее своего знаменитого брата, Алексей Орлов не случайно оказался душой партии заговорщиков, которые возвели захудалую немецкую принцессу на российский трон. Это он заставил Петра III подписать отречение от престола, а затем хладнокровно отправил помазанника божьего на тот свет. Екатерина ценила его способности и одновременно боялась этого необузданного человека.

Характеристики, данные ему современниками, противоречивы. «Один из величайших мерзавцев на земле» (Е. Дашкова). «Не существует такого преступления, на которое сумасбродный Алексей Орлов не был способен» (Каспер, французский историк и дипломат). «Наш усердный друг и ревностный сын Отечества» (Екатерина II). «Тип русского человека: могучий крепостью тела, могучий силой духа, он с тем вместе был доступен, радушен, до-

*Григорий
Орлов*

брожелателен, справедлив» (С. Жихарев, московский мемуарист). А под пером Пушкина Алексей Орлов встает в один ряд с выдающимися русскими полководцами той эпохи и занимает в их ряду первое место. И это притом, что военные действия охватывают в биографии Алексея Григорьевича каких-нибудь три-четыре года!

Действительно, до славной морской экспедиции, где Алексей Орлов воевал с турками, жизнь его — показательный пример карьеры авантюриста и заговорщика. После дворцового переворота он был произведен в генерал-майоры и секунд-майоры гвардии Преображенского полка, в торжественный день коронации Екатерины II получил орден

Александра Невского, 800 душ, крупную сумму денег и совместно с братьями вступил во владение имением Оболенское (Ильинское) в Серпуховском уезде, с тремя тысячами крепостных.

В дальнейшем, не избегая разгульных попок, кровавых трактирных драк, из которых он неизменно выходил победителем, и карточной игры на огромные суммы, Алексей Григорьевич успешно выполнял возложенные на него императрицей ответственные поручения и даже состоял членом Комиссии по выработке нового Уложения. В 1767 году он серьезно заболел и отправился лечиться за границу. Екатерина милостиво приказала выдать ему на лечение 200 тысяч рублей и наградила орденом Святого Андрея Первозванного. Путешествовал Алексей Орлов инкогнито, нигде подолгу не останавливаясь. Это наводит на мысль, что он выполнял также некое тайное поручение российской самодержицы.

И впрямь, когда Турция объявила войну России, граф тут же оказался в эпицентре событий — вблизи Средиземного моря и Балкан, к которым русская дипломатия давно проявляла повышенный интерес. Первый российский корабль появился в Средиземном море еще при Петре I, и в течение следующих десятилетий сюда заходили наши эскадры.

В конце 1768 года Алексей с братом Федором обосновались в Венеции, поддерживавшей тесные связи с Балканами. Здесь братья еже-

дневно посещали православные храмы, на выходе раздавали щедрую милостыню и активно агитировали единоверцев-славян, подданных Венецианской республики, выступить на стороне России в ее войне с Турцией. Алексей доносил в Петербург, что «все греки в Архипелаге преданы делу российскому», и он, Орлов, готов предоставить свои услуги, если будет прислан флот. Послать эскадру к берегам Эгейского моря, поднять и поддержать восстание проживавших там православных еще раньше призывал государыню Григорий Орлов, который, очевидно, озвучивал в Петербурге идеи путешествовавшего по Европе с особой миссией брата.

Тот даром времени не терял. Содействовал, по всей вероятности, засылке русских секретных агентов в Черногорию. Приобрел в Генуе двадцатипушечный фрегат и набрал из греков и славян экипаж в 150 человек, ловко распустив в то же время слух, что корабль готовится для корсарских целей. Все это делалось с ведома и по одобрению Екатерины.

Она желала знать «собственное рассуждение» Орлова о времени и количестве отправляемой в Средиземное море эскадры и имела полное основание сказать впоследствии: «Гр. Орлову одолжена я частью блеска моего царствования, ибо он присоветовал послать флот в Архипелаг». В конце января 1769 года Орлову были предоставлены «две полные мочи» и неограниченный

*Жена Григория
Орлова —
Екатерина
Орлова*

кредит, с отчетностью только перед самой императрицей. Приехавший в Пизу под видом купца князь Долгорукий сообщил новоиспеченному генерал-аншефу, что «весьма скоро к нему придут 9 линейных кораблей, несколько фрегатов и 5 тысяч десантного войска».

После ряда боевых действий и успешных маневров турецкий флот, превосходивший числом и вооружением объединенную русскую эскадру адмиралов Спиридова и Эльфистона, оказался блокированным в Чесменской бухте. На совещании у Орлова было решено атаковать эскадру противника брандерами, то есть некими подобиями современ-

ных барж. Их набивали под верхнюю палубу порохом, подводили вплотную к вражескому кораблю, намертво сцепляли с ним крючьями и поджигали фитиль... А сам экипаж должен был успеть уплыть на лодках.

В ночь на 26 июня русские суда подошли к неприятелю и открыли огонь бортовой артиллерией. Один из турецких кораблей загорелся, за ним другой. Были скрытно пущены три брандера. Два из них, под началом иностранных капитанов, по неизвестным причинам в атаку не пошли, и лишь один брандер, которым командовал лейтенант Ильин, выполнил поставленную задачу и зацепился крючьями за линейный корабль

противника. Запалив фитиль, моряки на лодке успели отойти на безопасное расстояние. Турецкий корабль взорвался, огонь перекинулся на другие суда, и к утру вся флотилия Хасан-бея сгорела дотла.

Помимо почетного титула «Чесменский», георгиевской ленты, шпаги с брильянтами, серебряного сервиза и 60 тысяч рублей, на «поправление домашней экономии», в честь Алексея Орлова была выбита памятная медаль и поставлен в Царском-сельском саду обелиск с его изо-

Екатерина оценила его способности и повелела «находиться непрерывно в правительственном Сенате при текущих делах и место иметь за обер-прокурорским столом».

В Чесменском сражении Федор исполнял обязанности старшего офицера на флагмане «Святой Евстафий» и едва не погиб. На палубу упала горящая мачта с турецкого корабля, до взрыва оставались секунды. Но, предвидя подобную ситуацию, граф Федор Григорьевич с адмиралом Спиридовым предпри-

Алексей Орлов не случайно оказался душой партии заговорщиков, которые возвели захудалую немецкую принцессу на российский трон. Это он заставил Петра III подписать отречение от престола, а затем хладнокровно отправил помазанника божьего на тот свет. Екатерина ценила его способности и одновременно боялась этого необузданного человека

бражением. Однако плодами столь замечательной победы он, увы, не сумел воспользоваться. Господство русского флота в Архипелаге закреплено не было.

В том морском бою принимал участие и младший Орлов, Федор. В истории он остался в тени двух своих знаменитых братьев. А между тем Федор Григорьевич тоже участвовал в Семилетней войне, явив на поле брани «опыты своей храбрости». Познакомившись с ним,

няли необходимые меры и успели спасти себя и матросов.

После того как пышно отпраздновали победу, окруженный всеобщим почитанием Алексей Орлов прибыл во главе эскадры в Ливорно. Здесь он получил странное послание. Писавшая его назвалась дочерью императрицы Елизаветы Петровны, принцессой Елизаветой, и предлагала графу помочь ей занять российский престол. Так началась досто-

памятная история княжны Таракановой (подлинное имя самозванки осталось в тайне).

Алексей Григорьевич отправил срочную секретную депешу в Петербург. Вскоре пришел ответ императрицы: «Поймать всклепавшую на себя имя во что бы то ни стало». Дальнейшее хорошо известно. Красавцу и богатырю Орлову, первому вельможе и герою победоносной морской баталии, ничего не стоило влюбить в себя прекрасную самозванку, которая, по отзывам очевидцев, «могла сводить с ума каждого мужчину и превращать его в самое покорное себе орудие».

Алексей же княжну Тараканову переиграл, увлекшись ею «в пределах разумного». Головы он не терял ни при каких обстоятельствах, и обманом заманил лжепринцессу на свой корабль. Там их для вида обвенчали, а затем самозванку заперли в каюте и доставили прямиком в Кронштадт. Оттуда ее переправили в Петропавловскую крепость, где она родила сына, а буквально через несколько дней умерла от чахотки. Ходили слухи, что ее сын вырос, служил в гвардии, носил фамилию Чесменский и умер в молодых годах.

Незадолго до кончины несчастной женщины Алексей Орлов навестил ее в каземате. Тюремщик пытался подслушать, о чем они говорили, но не разобрал ни слова. Из-за двери доносились лишь жалобные крики и плач...

По всей вероятности, эту не делавшую ему чести трагическую историю Алексей Григорьевич не раз вспоминал под старость. Вспоминал и каялся.

К концу 1775 года, когда он возвратился в Петербург, на придворном небосводе все ярче разгоралась звезда блистательного Потемкина. Были до него у Екатерины молодые временные фавориты вроде недалекого гвардейского офицера, «куколки» Васильчикова, но их роль ограничивалась альковом императрицы. Потемкин же, при своих огромных дарованиях, исключительных внешних данных, не уступая Орловым в росте, физической мощи, уверенно завоевывал реальную власть. Не менее честолюбивый, хоть и не столь дальновидный, Орлов-Чесменский понимал, что рядом с таким человеком ему, пусть и носителю славного имени, места не будет.

Ранее на него удручающе подействовала отставка младших братьев и удаление от двора светлейшего князя Григория. Бытует даже мало достоверная версия, что они, якобы, вдвоем подстерегли как-то поздно вечером счастливого соперника под лестницей Зимнего и жестоко отделали пудовыми кулачищами. Нравы эпохи, впрочем, подобное допускали. Особенно, если вспомнить, как в 1752 году Алексей и Федор Орловы расправились с претендовавшим на звание самого сильного человека Петербурга, лейб-гвардии гренадерским поручиком Александром

*Алексей
Орлов*

Шванвичем, таким же кутилой, повесой, буяном, что и они.

Бесконечные драки с целью выяснения, кто из них троих самый сильный, заставили, наконец, Шванвича и Орловых прийти к «джентльменскому соглашению». Было решено, что, если Шванвич встретит кого-нибудь из братьев Орловых, то

встреченный должен будет ему подчиниться. А если оба брата столкнутся где-нибудь с ним, то повиноваться надлежит Шванвичу. Как-то Шванвич зашел в трактир и увидел играющего на бильярде Федора. Он тут же потребовал, чтобы тот отдал ему кий и удалился к своему столу. Затем «достал» его и там: захотел

забрать вино и подцепленную в трактире девицу. Верный соглашению, Федор беспрекословно подчинился. Но тут в трактире появился Алексей, и теперь уже братья повелели Шванвичу вернуть кий, вино и девицу. Гренадер заартачился, и Орловы вытолкнули его из трактира взащей.

Озлобленный Шванвич затаился за воротами и стал их поджидать. Первым вышел Алексей, и Шванвич нанес ему удар палашом по лицу. Орлов упал, обливаясь кровью, а коварный Шванвич убежал. Рана, к счастью, оказалась не смертельной. Зато длинный шрам от нее остался. На бюсте графа, который изваял выдающийся скульптор своего времени Федор Шубин, мы видим этот шрам, идущий у героя Чесмы через всю щеку.

Петербург. В кругах праздной московской знати, убивавшей время в клубе за картами, он сделался своим человеком, широким, хлебосольным. С возрастом Алексей Григорьевич своей силы и удали не растерял и любил по праздникам выйти на кулачный бой — «стенка на стенку». Не будучи тучным, он весил около 150 килограммов. Одним сабельным ударом отсекал голову бычку. В молодости ему не составляло труда раздавить двумя пальцами одной руки твердую антоновку или поднять коляску, в которой сидела Екатерина.

В своем имении вблизи Донского монастыря победитель турок погрузился в хозяйственные заботы. С особым увлечением занимался он конным заводом в селе Отрадное,

А под пером Пушкина Алексей Орлов встает в один ряд с выдающимися русскими полководцами той эпохи и занимает в их ряду первое место. И это притом, что военные действия охватывают в биографии Алексея Григорьевича каких-нибудь три-четыре года!

В том же 1775-м году Алексей Григорьевич подал прошение об отставке от всех должностей «по болезни» и указом Военной коллегии был уволен с чином полного генерала «навсегда от всякой службы».

Оставшиеся годы граф Алексей Орлов прожил в Москве, изредка выезжая за границу и еще реже в

слава о котором катилась по всей России. Отапливаемые конюшни здесь были устроены на английский манер. Лошадей не продавали, а после смерти хоронили на специальном кладбище. В числе прочих чистокровных скакунов граф содержал и скрещивал с другими линиями четырех приобретенных во время

*Евдокия
Лопухина —
жена
Алексея
Орлова*

экспедиции в Архипелаг арабских жеребцов редчайшей даже в Аравии кохлинской породы. От них-то и пошли могучие орловские рысаки — рысистые и верховые.

«Наш рысак, — писал осведомленный современник, — есть чисто русское произведение, обязанное своим происхождением сообразительности гр. Орлова-Чесменского». Ему же русское коневодство обязано улучшением всего коннозаводчества в России.

В 1782 году, когда Алексею Григорьевичу шел уже 48 год, он испросил

у императрицы разрешения жениться на 20-летней Авдотье Лопухиной. Екатерина II согласие на брак дала и прислала пожелание «всякого счастья и благополучия». Спустя три года у супругов родилась дочь Анна. Но семейная жизнь Орловых продолжалась недолго. В 1786 году Авдотья Николаевна скончалась при родах. Родившийся сын прожил недолго...

К покойной жене граф, по отзывам знававших его людей, относился вполне безразлично и кончиной ее опечален нисколько не был. А вот Аннушку боготворил. Весной 1796

*Анна
Орлова —
дочь
Алексея
Орлова*

года он с братом Владимиром приезжал в столицу представить юную дочь императрице. Семи лет от роду, та была зачислена в фрейлины. Внешностью Анна пошла в орловскую породу — атласные брови дугой, широко расставленные глаза с поволокой, четко очерченные чувственные губы. Государыня приласкала ее рукой за подбородок, похвалила и поцеловала в щечку. Когда Орловы удалились, она сказала: «Эта девушка много хорошего обещает».

Вышло, однако, по-другому...

Единственная наследница несметного состояния, первая невеста России, Анна Орлова родила в шестнадцать лет без вступления в брак. Молва приписывает отцовство самому графу. В пользу этой кровосмесительной версии говорит то, что никаких разборок в связи с беременностью дочери Алексей Григорьевич не устраивал, и малышку сразу же увезли неведомо куда. Отыскать ее Анна никогда не пыталась.

Для обожаемой дочери граф выстроил в пригороде Нескучное дворец и разбил прекрасный парк (ныне

это здание Академии наук и Нескучный сад, так полюбившийся москвичами). Название имения целиком соответствовало протекавшей в нем жизни: ежедневные маскарады, карусели, фейерверки, спектакли, конные турниры — все для развлечения юной графини.

Благодаря своему богатству, чисто народным вкусам и привычке к азиатской роскоши Алексей Орлов являлся на Москве едва ли не самым популярным барином. Он старался быть доступным, делал много добра, покровительствовал обращавшимся к нему за помощью. На балы Орлова собиралась вся дворянская Москва, на его званые обеды стекались десятки незваных. Для простого народа он устраивал петушиные и кулачные бои, посмотреть на бега и скачки с участием орловских чудо-рысаков съезжались под Донской монастырь к Нескучному со всей округи.

В устроенном там манеже щеголяли искусством верховой езды светские амазонки, среди которых первой была графиня Анна Орлова. При манеже состояли берейторы англичане и немцы, а также русские наездники, выученные самим хозяином, который назначал призы и держал пари, дабы возбудить интерес к проводимым у него скачкам и бегам.

Анне Алексеевне было уже почти двадцать три, возраст по тем временам вполне стародевичий, когда граф смертельно занемог. Он метался в агонии и кричал: «Прокляты! За грехи мои весь наш род проклят!» Обитатели дворца вздрагивали и крестились, слыша эти ужасные крики...

Анна до последней минуты сидела у постели отца. А после его смерти ее будто подменили. Фрейлина Орлова-Чесменская по-прежнему носила такие туалеты и драгоценности, что им завидовала даже императрица, но ни балы, ни скачки ее больше не привлекали. Попытки сватовства она пресекала на корню. Прежде равнодушная к религии, молодая графиня превратилась в истовую богомолку, жертвовала огромные суммы церкви и на благотворительность в тщетной надежде отмолить грехи отца и свои собственные.

В 1820 году ей довелось повстречаться с двадцатисемилетним выпускником Петербургской духовной академии монахом Фотием. Невысокий, бледный, хилый, он, тем не менее, сумел поразить ее воображение

Слева:
Фотий

*Анна
Орлова*

страстными проповедями против развращенности тогдашнего общества и очевидной харизматичностью. Не случайно ему удалось «загипнотизировать» Александра I, который называл Фотия ангелом, подарил ему алмазный нагрудный крест и назначил настоятелем древнего Юрьева монастыря под Новгородом.

Избранный Анной в духовники, Фотий почти сразу же стал ее любовником. Она настолько увлеклась им, что и не думала скрывать кощунственную связь. Хлопотала за него при дворе, щедро оделяла монаха деньгами и драгоценностями. Так повторила графиня Орлова в фарсовом обличье ужасное прелюбодея-

ние юности — согласно христианским представлениям, духовный отец все равно, что отец телесный.

Пушкин отозвался на эту скандальную историю едкой эпиграммой. А вот вступивший на престол Николай I, который предпочитал прятать разврат под личиной приличия, и не терпел блудливых проповедников, повелел выслать Фотия в его Юрьев монастырь. Тем паче тот уже не ограничивал свои сексуальные аппетиты одной Анной и начал гре-

уединений Анны Орловой с Фотием, якобы, для духовных бесед. «Идиллия» эта продолжалась до самой смерти Фотия в 1838 году.

Похороненному на территории монастыря любовнику графиня возвела роскошный беломраморный саркофаг, заготовив рядом такую же усыпальницу для себя, только из красного мрамора, и составила завещание, по которому отписала монастырю огромные деньги. Это не слишком понравилось родственни-

В истории он остался в тени двух своих знаменитых братьев. А между тем Федор Григорьевич тоже участвовал в Семилетней войне, явив на поле брани «опыты своей храбрости». Познакомившись с ним, Екатерина оценила его способности и повелела «находиться непрерывно в правительственном Сенате при текущих делах и место иметь за обер-прокурорским столом»

шить также с танцовщицами императорского балета, где привык «пасть» сам Николай Павлович.

Анна Алексеевна, прощавшая архимандриту его измены, не пожелала разлучаться с ним и поселилась в своем новгородском имении, в полуверсте от монастыря. Ее щедротами обитель быстро превратилась в одну из самых богатых в России. Со вкусом обставленная келья настоятеля служила местом долгих

кам, взявшимся заманивать Анну обратно в Петербург. Причем с новым настоятелем Мануилом отношения у нее не сложились, и все шло к тому, что она могла бы и изменить свою последнюю волю.

Но не успела. Накануне отъезда вдруг начала задыхаться от кашля и в одночасье скончалась в гостиной у Мануила, к которому зашла попрощаться. Орловы были убеждены, что Анну отравили ядом в вине, подне-

сенном ей во время причастия настоятелем. Пытались воззвать к императору, чтобы было назначено расследование, однако Николай и слышать больше не хотел о героине скандального романа.

Любопытный факт. Когда в 1934 году археологи вскрыли гробницу с останками Анны Орловой, то впечатление было такое, будто ее похоронили заживо: руки разбросаны в стороны, платье на груди изодрано в клочья... Разбираться снова не стали, и кости попросту выкинули. Их подобрали местные жители и перезахоронили без креста и таблички у одного из ближайших к усадьбе храмов. Ну а орловская усадьба досталась Музею деревянного зодчества, и его сотрудники не раз признавались в печати, что видят по ночам призрак женщины в длинном белом платье, которая бродит по особняку, тяжело вздыхает и стонет: «Ослобони!»

Отмолить отца Анне Алексеевне не удалось. Род цареубийцы и кровосмесителя пресекся, а титул и фамилия перешли к детям племянницы Алексея Григорьевича, ставших с тех пор именоваться Орловы-Давыдовы.

Со смертью матушки-императрицы жизненные передраги у мирно коротавшего свой век отставного генерал-аншефа не закончились. Едва наследовав престол, Павел I приказал перенести останки отца Петра III из Александрово-Невской

лавры в Зимний дворец. Впереди процессии с гробом на катафалке он заставил идти графа Орлова-Чесменского и нести царскую корону. «Я не хочу, чтобы он забывал 28 июня», — во всеуслышание объявил государь. Старый великан, не дрогнув, выполнил тяжкую миссию и принес присягу на верность Павлу.

Тотчас после этого, ссылаясь на слабость здоровья, он стал проситься за границу. Лишенный именным указом пенсии, граф все царствование Павла I прожил вне пределов России. Зимы проводил в Дрездене и Лейпциге, а на лето уезжал в Карлсбад и Теплиц. Получив весной 1801 года известие о смерти Павла Петровича, убитого, как некогда его отец, заговорщиками, Алексей Орлов немедленно выехал в Россию.

В сентябре участвовал в торжествах по случаю коронации Александра I и с того времени уже безвыездно проживал в Москве. И хотя возраст давал себя знать, Чесменскому победителю довелось еще раз выступить на поприще общественного служения. В 1806 году он был избран и утвержден в звании «командующего милицией V области», в значительной степени сформированной на его с дочерью средства. В связи с заключением временного Тильзитского мира «милиции» этой не пришлось вести боевых действий, но практичность и предусмотрительность Ор-

Братья Орловы

Иван

Григорий

Алексей

Федор

Владимир

лова в вопросах ее комплектации и вооружения удостоились теплой благодарности императора.

В начале следующей зимы Алексей Григорьевич скончался на 74-м году жизни и был погребен в фамильном склепе в Отрадном.

Обо всем, что выпало на долю братьев, хорошо знал и помнил самый младший из них, Владимир Григорьевич Орлов, переживший остальных. Смерть пришла за ним в 88 лет. Он много путешествовал, в дороге всегда вел дневник и пером

владел хорошо. Если бы Владимир захотел оставить воспоминания о братьях, то, наверное, начал бы со старшего, Ивана, который после смерти родителя заменил ему отца. Ивана в семье уважали, и он пользовался особым авторитетом даже после того, как Григорий и Алексей вошли в доверие к Екатерине.

Выйдя в отставку (в Преображенском полку старший Орлов прослужил совсем недолго) Иван Григорьевич целиком посвятил себя хозяйству. Жил, главным образом, в

однако Иван Григорьевич от всего отказывался, предпочитая оставаться отставным капитаном и простым помещиком. Головокружительная карьера средних братьев его не прельщала. И для младшего брата Владимира примером всю жизнь являлся именно он, а не Григорий с Алексеем.

...Когда встревоженные затянувшейся тишиной в барском кабинете слуги взломали дверь и на цыпочках приблизились к письменному

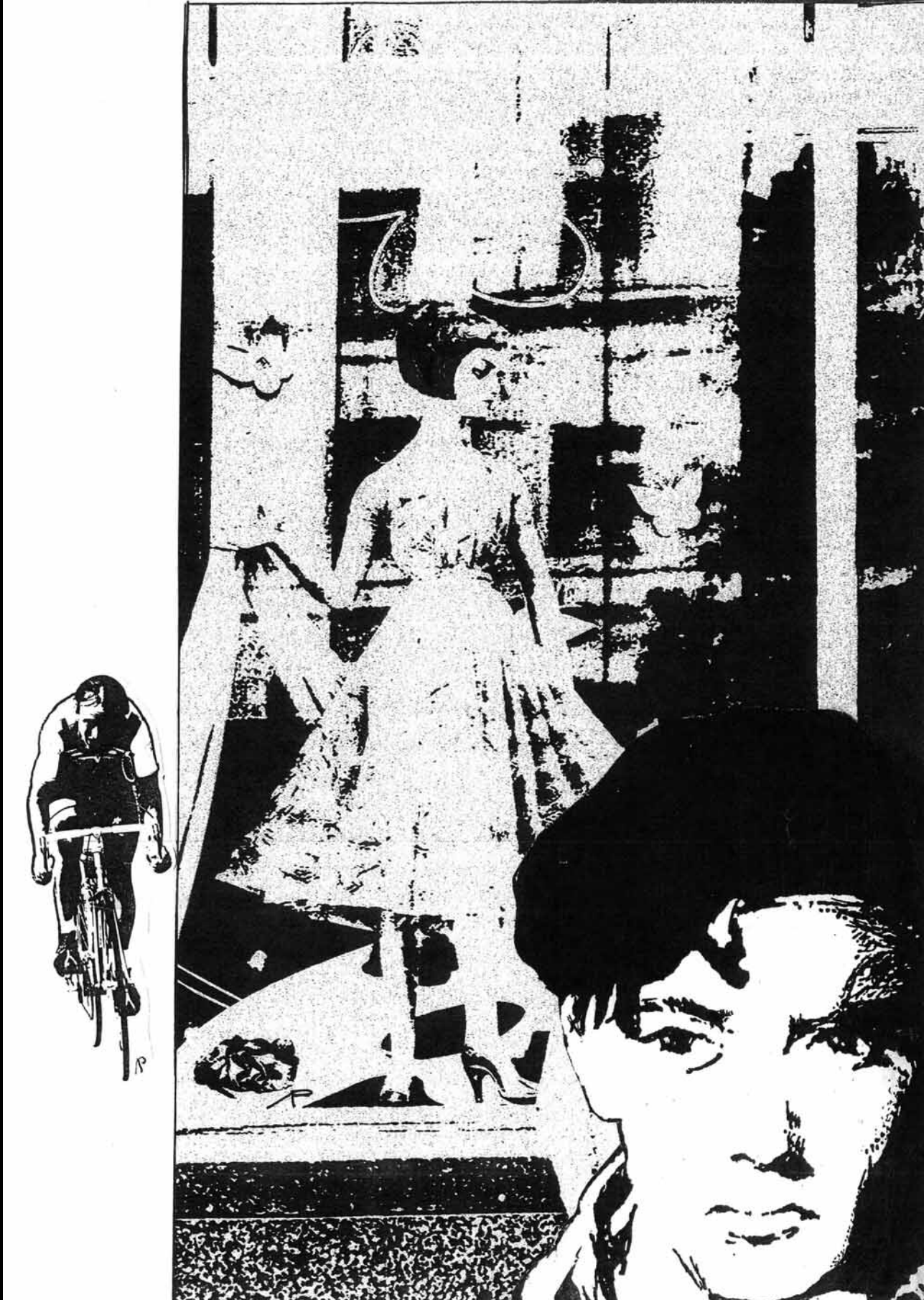
Наш рысак, — писал осведомленный современник, — есть чисто русское произведение, обязанное своим происхождением сообразительности гр. Орлова-Чесменского». Ему же русское коневодство обязано улучшением всего коннозаводчества в России

Москве, либо в «низовых деревнях» на Волге, где Орловым принадлежало свыше 500 тысяч десятин земли. Домовитый и расчетливый, граф Иван при встрече с друзьями и близкими непременно жаловался на дороговизну: «Я принужден платить по княжески, а мощна у меня дворянская. 25 рублей на обед! И это всего шесть блюд на троих человек». При этом мог за вечер просадить в карты несколько тысяч рублей.

Ему неоднократно предлагали высокие чины и большие должности,

столу, они увидели в кресле хозяина, покойно уснувшего вечным сном с пером в руке. Подхваченный сквознячком, спорхнул на ковер лист дорогой писчей бумаги, на котором четким и совсем не старческим почерком была начата первая строчка: «Мой брат Иван Григорьевич Орлов...»

По словам нашего выдающегося историографа, Орловы «олицетворяли собою весь блеск, величие и все безумие екатерининского царствования». □

«ЖИВАЯ МОДЕЛЬ»

С утра лил сильный дождь. Иногда он затихал на короткий миг, а затем с еще большей силой выбрасывал с неба водные потоки, насыщая землю живительной влагой.

— И когда он, проклятуций, перестанет лить? Всю трассу испортит! — в сердцах произнес главный судья велосипедной гонки Анатолий Сухонцев.

— Пожалуй, придется отменять гонку, — вторил другу председатель соревнования Иван Кольчугин. — Смешно! Сегодня тринадцатое июля 1922 года, именно тринадцатого, ровно десять лет назад, мы проводили гонку в Мамонтовке, и тоже лил проливной дождь. Но, на удивление всем, какие были результаты! Уточкин пришел первым, Устюхов вторым, а ты — третьим, помнишь, Толя?

— Конечно. Классная была гонка, только нелепое падение Сережки Короткова помогло Уточкину занять первое место. Да, были времена, да и гонщики тоже, — задумчиво произнес Анатолий.

— А какой был буфет, а призы! Одни воспоминания остались! — с грустью заметил Кольчугин.

— Кто на этот раз заявился? У тебя список есть, или опять будем лепить его на коленках? Пришлют, наверное, кого попало: «зеленую» молодежь, дачников и курортников, которые толком и не гоняли на велосипедах, — покачал головой Сухонцев.

— Сейчас посмотрим, — беря в руки небольшой листок бумаги, исписанный мелким почерком, сказал Иван. — Двадцать участников, и все, по моему, новички, за исключением одного — Короткова. Сережкин однофамилец, или, может, он сам, не знаю, посмотрим, ждатеь осталось недолго, скоро начнут подходить участники гонки. Если это на самом деле Сергей, для нас это большая удача, да и повидаться хотелось бы, — добавил он.

— Да и мне хотелось бы, — улыбнулся Анатолий. — Гоняли мы с ним до революции в Одессе и Ростове. Сначала война 1914-го, потом гражданская... И где те гонщики? Кто погиб, кого к стенке поставили, а кто и сам уехал. Все же интересно, он или не он?

— Слышал я, будто Короткова кто-то видел в Добровольческой армии. Сплетни это или нет, посмотрим. Не любил я его, пижонистый уж больно был.

— Брось завидовать, Иван! Серега был пахарем в спорте, почему бы и не попижонить после победы и не пройти по Тверской под ручку с очаровательной поклонницей? Ничего плохого в этом не вижу, если у тебя в кармане первое место. Кстати, кажется, Коротков «женихался» с Наташкой Крыловой, и у них все было серьезно, — вступился за товарища Сухонцев.

— То-то и оно, что серьезно сквозь зубы процедил Кольчугин.

Несмотря на плохую погоду, никто из участников гонки не опоздал на регистрацию. Молодые ребята горячо обсуждали международное положение и внимательно изучали трассу, аккуратно вычерченную на сером листе бумаги. Велосипеды стояли на улице. В основном это были довоенные модели. Облупившиеся рамы, потерявшие свой былой лоск, напоминали их владельцам о безвозвратно ушедшем времени былых побед.

— Толя, обрати внимание вон на того белобрысого парня с классным итальянским велосипедом Casati. Гонщик он никакой, но его велосипед из последних новинок, я такой в заграничном журнале видел. Говорят, он сын какого-то ответственного работника, поэтому и такой велосипед. Эх, нам бы в команду два-три таких, тогда, считай, и победа у нас в кармане, — с завистью проговорил Иван.

— Хорош велосипед, слов нет, если честно, я такого еще не видел, — согласно кивнул Анатолий.

До революции Коротков, Сухонцев и Кольчугин занимались велосипедными гонками в спортивном клубе «Олимп». Гоняли командные гонки между городами, соревновались на треке, а в 1915 году вместе ушли на фронт. В гражданскую войну дорожки их разбежались в разные стороны. Судьба здорово друзей помотала. Сухонцев вернулся с фронта без ноги, но авторитета своего, как гонщика, не потерял. Хоть и стал инвалидом, но вел кружок велоспорта, а по выходным дням занимался судейством на велогонках. Приятель его, Иван Кольчугин, в 1918-м вернулся из германского плена и сразу же вошел в комитет по делам спорта, как сочувствующий новой власти, — в этом ему помогли товарищи по плену. Он проявил себя незаурядным организатором. Когда надо было выступить с трибуны без бумажки, всегда приглашали именно его. На праздничных вечерах и застольях он умел произнести красивый тост и вовремя вставить нужное слово. Иван никогда не забывал о Сухонцеве, публично ставил его в пример, отмечая профессиональное судейство. Сережка же Коротков выделялся среди велогонщиков клуба работо-

способностью и самоотдачей на тренировках и гонках. Он был открыт и честен, всегда одевался по последней моде, чуть франтоватый, загадочный, дерзкий в гонке и галантный с девушками. Он единственный в команде учился в университете. Многие завидовали, как легко даются ему победы, не подозревая, какой титанический труд стоит за этим. Сережка был лидером и душой команды. Он в числе первых пошел на войну не по призыву, а добровольцем. А потом, в гражданскую, отбыл с Румынского фронта в Добровольческую армию. Не жалел себя в братоубийственной войне, был дважды ранен, а однажды чудом спасся, лежа в тифозном бараке, куда красноармейцы побоялись зайти. После войны вернулся в родной город, где его никто не ждал, кроме стареньких родственников, которым Сергей был вместо сына. Как-то он случайно встретил на улице бывшего однокурсника, и тот сообщил ему, что в воскресенье состоится велогонка, и Сергей, если пожелает, может участвовать в ней. А еще пообещал, по старой дружбе, устроить его куда-нибудь инструктором по спорту. Грамотных людей, а тем более таких спортсменов, как он, ох как не хватает новой власти. Коротков поблагодарил приятеля, но от заманчивого предложения отказался. А вот предстоящей гонкой заинтересовался и решил принять в ней участие — ведь это можно было считать его возвращением в спорт.

Кольчугину и Сухонцеву руководство поручило провести соревнование в честь Международного дня кооперации, и этому событию придавалось особое значение. Приятелям, естественно, хотелось, чтобы их команда была лучшей, но взять опытных гонщиков было неоткуда, а новая плеяда спортсменов еще не подросла, так что приходилось довольствоваться тем, что есть.

Дождь все не прекращался, и никому не хотелось в такую погоду катить по трассе с водяными потоками. Участники гонки смотрели на главного судью с надеждой — вдруг гонки перенесут на другую неделю?

— Товарищи, пора начинать, кого мы ждем? — спросила девушка в кожаной куртке.

— Это гонка, а не собрание. И потом, почему вы мне указываете? — возмутился Сухонцев.

— Вот мои документы, я — уполномоченная по делам спорта и контролю за проведением массовых мероприятий с молодежью Ерошкина Александра Ивановна, — бойко ответила девушка, давая всем понять, кто в этой гонке главный.

— Прошу минутку внимания всех участников, через тридцать минут будет дан старт гонке, посвященной МДК. Предлагаю гонщикам пройти в раздевалку и подготовиться к соревнованию, — негромко произнес Сухонцев.

Из двадцати участников зарегистрировались семнадцать, троих не хватало, но время пока еще было.

Неожиданно холодный ветер ворвался в помещение, и Иван, нехотя поднимаясь со стула, возмущенно буркнул:

— Закрывать за собой не могут!

Он подошел к двери и вдруг с удивлением застыл на месте. На пороге стоял Сергей Коротков. Все такой же пижонистый: серая английская кепка была сдвинута на затылок, кожаные гетры обтягивали зеленые шерстяные брюки, коричневый свитер смотрелся на нем очень эффектно.

— Серега! Откуда ты? — радостно воскликнул Анатолий.

— Оттуда! — махнув головой в сторону открытой двери, ответил Коротков.

— Сколько же мы не виделись! Целую вечность! — проговорил Кольчугин и добавил: — Сейчас гонка начнется, иди в раздевалку, «герой», трасса тяжелая, но у тебя, как всегда козырь — твоя погода.

Сергей вышел на улицу, стараясь губами поймать капли дождя, и погладил на ходу мокрое кожаное седло старенького велосипеда. Эта привычка выработалась с годами, ему казалось, что такое прикосновение перед стартом принесет удачу, а значит, и победу в гонке.

В сарае из необструганных досок, названном «раздевалкой», сутились гонщики, каждый по-своему готовился к первому старту в своей жизни. Только для Сереги это был не главный старт. «Как определить, главный или не главный? — подумал он. — Кто скажет, какой значимый — тот, что был в ледовом походе по холодным степям Кубани, или первый поцелуй с любимой девушкой, а, может быть, тот, когда я не оставил родной город и не уехал во Францию, как многие другие, спасавшиеся от гражданской войны?»

Машинально надев выцветшую от времени красную майку с названием клуба «Олимп», Сергей вышел из раздевалки. По жребию ему достался седьмой номер, а «семерка» была его любимым числом.

Наконец Кольчугин дал отмашку, и гонка началась. Сергей оказался во второй пятерке.

Гонщики устремились вперед, мешая, в силу неопытности, друг другу. Не успела основная группа проехать поворот, как кто-то из участников гонки замешкался и, притормозив, упал, потянув за собой остальных. Удержались на велосипедах только пятеро, среди них и Сергей. Вот он уже третий, только бы дотянуть до финиша, стучало молоточками в висках. Еще рывок — и впереди остался лишь один гонщик. «Обгонять не буду, — решил Сергей, — половина дистанции уже пройдена, а на финише рвану!»

Неожиданно заднее колесо потащило в сторону, и Коротков, описав небольшой круг, свалился на землю вместе с велосипедом и от бессилия и боли в разбитом колене застонал.

— Товарищ! Что же вы валяетесь, поднимайтесь скорее, догоняйте, ведь участие в гонке — это главное! — старалась подбодрить его девушка в кожаной куртке.

— Здесь нет участников и статистов! — зло бросил ей Сергей, снова садясь на велосипед.

Он нервничал, но злоба придавала дополнительные силы, и он постепенно начал увеличивать скорость, обгоняя троих идущих впереди гонщиков — двух здоровенных парней, с пыхтением крутивших педали, и лидера — белобрысого пижона. «Эти двое — деревенские, тренированные, но не гонщики, скорее всего, гиревики или грузчики, — сразу определил Сергей. — А белобрысый идет первым только благодаря своему велосипеду и наглости». Прибавив на подъеме, он смог обойти двух парней, а лидер впереди постоянно нервно оборачивался, соизмеряя расстояние до преследователя. До финиша оставалось всего несколько десятков метров. Коротков чуть приподнялся на педалях и рванул мимо белобрысого к финишной ленте.

— Товарищи, не расходитесь, сейчас начнется награждение, — предупредила всех вездесущая девушка в кожаной куртке.

Уставшие, мокрые от дождя, гонщики ожидали церемонию награждения. Дождь неожиданно прекратился, и робкие лучики солнца стали пробиваться сквозь плотный слой серых облаков.

— Рад за тебя, с победой в гонке, — поздравил Сергея Сухонцев.

— Спасибо. За время войны и «гражданки» гонок и побед было много, и не все мы выигрывали, — с грустью ответил тот.

— Товарищ, вы награждаетесь красным вымпелом, — произнесла девушка в кожаной куртке и вручила Сергею вымпел с цифрой «1» и букет полевых цветов. Цифры «2» и «3» достались двум остальным гонщикам.

— Молодец, Коротков! Давай мойся, и попьем чайку, разговор есть, — поторопил Кольчугин.

Сергей медленно направился к раздевалке, и тут неожиданно к нему подошла какая-то девушка в ситцевом платье, с фотоаппаратом на плече и небольшим блокнотом в руке.

— Я — корреспондент газеты «Луч», Понкратова Нина, — представилась она и робко добавила: — Хотела бы задать вам несколько вопросов, касающихся гонки. Вы позволите?

— Спрашивайте, — чуть смутившись, ответил Коротков.

Разговор затянулся, девушка задавала интересные вопросы, сразу чувствовалось мастерство молодой журналистки. Когда беседа завершилась, они тепло попрощались, и Сергей пошел дальше.

В душевой кабинке уже смывал с себя грязь белобрысый пижон.

— Поздравляю! Хорошо ты меня на последних метрах обошел. Надеюсь, я еще возьму реванш, — усмехнувшись, проговорил он, глядя на Сергея.

— Что ж, реванш, так реванш, — сухо ответил Коротков.

Одевшись, он вышел из раздевалки и отправился в судейскую будку, где его ждали приятели.

— Ну что, выпьем за твое возвращение и победу? — предложил Иван, вынимая из настенного деревянного ящика бутылку с какой-то мутной жидкостью.

Все дружно выпили и закусили огурцом, разрезанным на три части.

— Сергей, на следующей неделе очередная гонка, я тебя впишу в заявку. Не волнуйся, где работаешь — не спрашиваю, — сказал Анатолий, прерывая молчание.

— С работой поможем, не унывай, — пообещал Кольчугин, снова разливая мутную жидкость по кружкам.

Неожиданно раздался стук в дверь, и на пороге появилась девушка в кожаной куртке. Она сразу обратилась к Короткову:

— Товарищ, у меня к вам предложение. В сентябре предстоят соревнования на приз работников коммунальных служб. Может быть, перейдете к нам в команду? Условия для тренировок у нас хорошие, дадим новый велосипед, как у Антона, талоны на питание, комнату в заводском общежитии. Соглашайтесь, мы не каждому такие предложения делаем.

— Звучит очень заманчиво, я подумаю, — ответил Сергей.

— Очень хорошо, подумайте, вот адресочек, мы будем вас ждать, — проговорила девушка и вышла из будки.

— Вот видишь, как все здорово устроилось, и работа, и паек, и машина классная. Тебе, Серега, всегда везло, — с язвительной завистью произнес Иван.

Электричка медленно катила к Москве. Коротков стоял с велосипедом в тамбуре и любовался подмосковным пейзажем. Вдруг дверь открылась, и в тамбур вошла девушка в кожаной куртке.

— Вот мы и опять встретились, — улыбнулась она и протянула руку: — Меня зовут Александра Ерошкина.

— Сергей Коротков, гоняю за рабочую артель, — пожал ее Сергей и добавил: — Я тут подумал, наверное, все же не перейду к вам, зря только время на меня потратили.

— Посмотри, Антон, на этого нэпмана, — усмехнувшись, обратилась девушка к белобрысому парню, стоявшему за ее спиной.

— Да брось ты, Сашка, что к человеку привязалась! А ты, Сергей, не слушай ее, просто ты ей понравился, вот она и хочет, чтобы обратил на нее внимание, а делать этого не умеет, образование не позволяет, — засмеялся Антон.

Когда электричка остановилась на станции Мытищи, Александра, не прощавшись, вышла из вагона, а Сергей и Антон доехали до Ярославского вокзала и покатали по перрону свои велосипеды.

— Зайдем в столовую, я угощаю, отметим знакомство, а заодно победу и призы. Второе место для меня тоже успех, тем более проиграть такому гонщику совсем не зазорно, — предложил Антон.

— А ты раньше участвовал в гонках? — поинтересовался Сергей.

— Нет, я не гонщик, я фехтовальщик, но тебя запомнил, ты тогда ухаживал за Наташкой Орловой. У нас все были в нее влюблены. На деньги ее отца и существовал наш клуб, да и он сам был отменным рапиристом. И вдруг — какой-то гонщик, а не кто-то из нас! Обидно было, мушкетеров променяла на «самокатчика»!

Они зашли в столовую и облюбовали небольшой столик у окна.

— Я здесь частый гость, захоживаю после тренировок. Сейчас нам принесут, — загадочно произнес Антон и, поднявшись, направился к пожилой женщине в сером халате.

Через несколько минут им принесли две тарелки с гнилой картошкой и с кусочком селедки, поставили на стол керамический чайник с самогонкой.

— Давай, Серега, выпьем за наше знакомство и за команду, за которую теперь будем крутить педали, — предложил Антон.

— Давай, только я не очень понял, как тебе удалось уговорить эту женщину принести нам спиртное, здесь же нельзя выпивать, — удивленно проговорил Сергей, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Не сомневайся, можно, иначе бы мы пошли в другое место, — улыбнулся Антон.

— Послушай, а ты, случайно, не встречал Наташу Орлову? — вдруг с надеждой в голосе спросил Сергей.

— Да здесь она, в городе. Стала еще больше недоступной, такая вся из себя красивая, импозантная, одним словом, все при ней. Она в Столешниках выставляется.

— Как это, выставляется? — не понял Сергей.

— Очень просто, у одного нэпмана в магазине вместо манекена «живой моделью» работает, народ привлекает модным платьем и своей красотой.

— Может, она очень нуждается? Нелегко ведь целый день стоять в витрине, — покачал головой Коротков.

— Брось, Серега, не жалея! Предлагал я ей работу через своего отца. Он у меня в Совнаркоме работает, мог бы и ей подыскать тепленькое местечко. Так нет, не захотела быть зависимой от меня, а от нэпмана — пожалуйста! Вообще, чудно сейчас стало, все поменялось, трудно понять. А насчет Наташки не беспокойся и не грусти.

— Да, конечно, быть свободной от всех очень тяжело, не будем ее судить, к тому же, я ее очень люблю, — честно признался Сергей.

— Если хочешь знать, я тоже ее и тогда любил, и сейчас продолжаю любить, хоть и получил отказ, — задумчиво проговорил Антон, отпивая жидкость из стакана.

Они еще долго сидели за столиком у окна, изрядно захмелев, вспоминали прошлое, говорили о настоящем и будущем.

— Сергей, даже если ты не будешь выступать за наше Общество, я могу достать тебе такой же велосипед, как у меня. Правда, это стоит денег, но я не тороплю, с оплатой можно подождать, — предложил Антон.

— Хорошо, я подумаю, — кивнул Коротков.

Допив самогон, парни вышли на улицу и, договорившись встретиться через пару дней на стадионе возле центральных ворот, распрощались.

Сергей не пошел домой, а свернул в переулок — ему хотелось хоть издалека посмотреть на Наташу. Интересно, какой она стала? Он не сразу отыскал нужный адрес, плутая по московским улицам. А вот и магазин. Перейдя на противоположную сторону, Сергей с любопытством стал рассматривать огромную витрину, за которой стояли девушки, одетые в яркие платья. Некоторые прохожие, проходя мимо витрины, останавливались и, усмехаясь, постукивали пальцами по стеклу. Наташу Сергей узнал сразу. Девушка стояла крайней справа, одетая в красивое зеленое платье. Ему захотелось подойти, тоже постучать в стеклянную витрину и крикнуть: «Наташа! Я вернулся!..» Но вдруг его обуял необъяснимый страх — а что, если она не захочет с ним общаться? — и он, развернув велосипед, сел на него и уехал...

Вечером к Сергею зашел дядя, брат отца, которому он был обязан вниманием и предоставленной комнатой.

— Вот что, племянник, — начал Анатолий Петрович, — надо что-то делать. Приходили из домкома, интересовались жильцом, то есть тобой. Я поговорил с одним своим приятелем, он обещал устроить тебя учеником резальщика бумаги в типографию. Думаю, это поможет.

— Спасибо за хлопоты, но я, кажется, сам себя уже трудоустроил. Предложили выступать за завод «Коммунар». Карточки на питание, тренировки и какая-то работа, даже комнату в общежитии обещали, — похвастался Сергей.

— Господи, как я рад за тебя, Сережа! Бог даст, все устроится, а там и документы выправим, мне обещали, — чуть не прослезился дядя.

На следующий день Коротков снова отправился к магазину одежды. И опять простоял до самого вечера, издалека наблюдая за Наташей.

— Эй, служивый, оглох, что ли? — потряс его за плечо какой-то упитанный пожилой мужчина.

— Не кричи, не глухой, что надо? — резко повернулся к нему Сергей.

Помочь надо. Грузчик мой запил, а здесь товар привезли, всего-то дел — одна телега. Помоги, не обижу.

Вместо одной телеги пришлось разгружать три. Коротков рьяно взялся за дело и быстро перетащил все в магазин.

— Такой худой, а такой скорый! Молодец! — похвалил хозяин: — Денег я тебе дать не могу, сам знаешь, какое время, а продукты, правда, самую малость, возьми, у меня ведь тоже семья, — оправдываясь, добавил он.

От щедрот хозяина Короткову перепало три яблока с коричневыми бочками, половина буханки черного хлеба, коробок спичек, пачка галет и горсть чая, завернутая в газету. Он был рад и этому.

— Приходи завтра, не обижу, — пообещал хозяин.

— Завтра не могу, занят, если надо, приду послезавтра.

— Надо. Приходи обязательно, буду ждать. Вижу, ты ответственный парень, а нам в торговле без этого никак нельзя. Кругом ворье, того и гляди, по миру пустят, а если сговоримся, и угол дам, спи себе в каптерке, и справки выправлю, если надо, или какой еще документ. Верные люди есть, я все могу, — таинственно заверил хозяин магазина.

— Ладно, еще поговорим. А пока до послезавтра, — попрощался Сергей.

— Тебя как звать-то? — любопытствовал напоследок хозяин.

— Сергей Коротков, велогонщик, может, слышал?

— Нет, не слышал, да и от спорта я далек. А меня величают Степаном Ивановичем.

Дома, закрыв дверь комнаты на ключ, Сергей разложил содержимое пакета на тумбочке, которая служила ему столом. Одно яблоко решил съесть вечером, а два оставить на завтра. Вынув из тайника любимую пластинку Надежды Плевицкой, открыл пыльную крышку патефона, провернул несколько раз хромированную ручку и поставил иголку на вращающуюся пластинку. Послышалось шипение, а затем зазвучал дивный голос Плевицкой, певшей «Под снегом России». Сергей закрыл глаза, наслаждаясь звуками романса, и ему вспомнилось отступление, второй Кубанский поход, скитания на перекладных удачи, которая, как ни удивительно, хранила его...

На следующий день Коротков прибыл в назначенное время к проходной завода вместе со своим стареньким велосипедом. Но ни Александры, ни Антона он там не встретил.

— Товарищ, вам кого? — обратился к нему военный из бюро пропусков.

— Мне бы повидать Александру Ерошкину, я на тренировку, — ответил Сергей.

— Так на тренировку не сюда, а с другой стороны завода, там и стадион, сразу увидишь, — улыбнувшись, подсказал военный.

Поблагодарив его, Сергей сел на велосипед и покатил к стадиону. Там уже собралась небольшая группа ребят и девушек, среди них были и Ерошкина с Антоном.

— Что ж вы заставляете себя ждать, товарищ? — с недовольным видом обратилась к нему Александра.

— Заблудился немного, — смущенно улыбнулся Сергей.

— Я уже подумал, грешным делом, что ты не приедешь, — сказал Антон.

— А я была уверена, что он обязательно придет и будет в нашей команде, — бойко заметила Ерошкина и подошла к Сергею: — Вот вам обещанный велосипед, и давайте оформим карточку.

Коротков дотронулся до велосипеда и слегка погладил по кожаному седлу.

— Почему ему такой велосипед, а другим что, не полагается? — возмущенно спросил парень с загорелым лицом и в выцветшей синей майке.

— А потому, что Коротков — ас велосипедных гонок, и вы в этом вскоре сами убедитесь. Как только начнете показывать хоть какие-то результаты, вам такие же вручат, — пообещала Ерошкина.

После тренировки, сидя в заводской столовой, Сергей заполнил анкету с краткой биографией, а затем отнес ее Александре. Получив от нее талоны на обед и ордер на койку в общежитии, он предупредил девушку, что, может быть, останется у родственников. Было оговорено, что Коротков станет работать на заводе в библиотеке, по линии культпросвета, выдавать книги два раза в неделю, а все остальное время посвятит тренировкам, и будет выступать на гонках за заводскую команду.

Вернувшись домой, Сергей сразу прошел в комнату к Анатолию Петровичу и молча положил на стол пачку галет и чай.

— Племянничек, откуда это у тебя? — удивилась тетя.

— Первый трудовой день, теперь я буду выступать на соревнованиях за завод «Коммунар», вот, дали карточки на обед, удостоверение, что работаю в заводской библиотеке.

— Господи! Как я рада за тебя! — прослезилась тетя, обнимая его.

— Вот видишь, Сергей, все уладилось и без моей помощи, — радостно добавил Анатолий Петрович.

— Я зашел не надолго, мне еще на завод надо, сегодня день выдачи книг в библиотеке, — мысленно ругая себя, соврал Сергей.

— Ступай, если надо, ты должен зарекомендовать себя с лучшей стороны, — напутствовала его тетя.

Коротков не собирался на завод, ему очень хотелось повидать Наташу. Зайдя с другой стороны магазина, он выглянул из-за угла и посмотрел на витрину, стараясь не привлекать к себе внимания. Наташа, как обычно, стояла среди «живых моделей» и не шевелилась. Коротков прислонился к стене дома, продолжая следить за ней. Так он простоял почти два часа, пока не стемнело, и магазин закрылся. Буквально через несколько минут Наташа вышла на улицу под руку с пожилым мужчиной, села с ним в машину, и та мгновенно исчезла в одном из московских переулков, а Сергей, подавленный увиденным, отправился домой...

На следующий день он пришел в продовольственный магазин к Степану Ивановичу.

— А я тебя ждал, думал уже, что ты не придешь, — обрадовался хозяин.

— Я ведь обещал, а свои обещания стараюсь выполнять, — ответил Сергей.

— Ладно, потом поговорим, работы много, сейчас надо разгрузить телегу и перенести ящики в магазин, — сказал Степан Иванович.

— Ого! Действительно много, — оценив объем работы, которую предстояло ему сделать, воскликнул Сергей.

Провозившись до самого вечера, усталый Коротков собрался уходить, но хозяин его не отпустил, предложил попить чайку, заодно и поговорить.

— Я слышал, ты выступаешь на гонках за завод «Коммунар»? — начал Степан Иванович, разливая чай из самовара.

— Совершенно верно, — кивнул Сергей.

— Может, перейдешь ко мне? Что тебе завод, у меня и сытно, и тепло. Вот развернемся, и деньги появятся, откроем еще магазин, мне помощник нужен. Что с баб взять, сам знаешь? Жена хозяйством занимается, дочь по собраниям шатается, сладу нет. Ты подумай хорошенько, проявишь себя, в компаньоны возьму, и все такое, — уговаривал Степан Иванович.

— Не знаю, посмотрим. Пока могу крутить педали, гонки не брошу, мое это. Может, пока ограничимся тем, что буду приходить несколько раз в неделю и помогать вам? — предложил Сергей.

Получив за работу паек и сахарин, он отправился домой. Пройдя в свою комнату, устало присел на кровать и потер лоб. Невеселые мысли одолевали его — как же так, любимая Наташа, и не с ним?! «Живая модель», чудно как-то! Он все никак не хотел поверить в то, что видел своими глазами. Обязательно надо встретиться с ней, и чем скорее, тем лучше. Может, она нуждается, или кто-то ее шантажирует, и деньги нужны? Сергей в эту ночь так и не смог уснуть, мысли о Наташе не давали покоя. А утром, поднявшись, он тщательно причесался перед зеркалом, надел чистую рубашку и поспешил к магазину с «живыми моделями». Его терзали сомнения: как Наташа отнесется к его появлению, захочет ли поговорить с ним, ведь столько лет прошло со дня их последней встречи? А если захочет, то куда ее пригласить?

Наташа стояла в застывшей позе и смотрела в одну точку, не замечая любопытных зевак, проходивших мимо магазина. Сергей решительно подошел к витрине и настойчиво постучал по стеклу. Глаза их встретились, и ему показалось, что Наташа несколько не удивлена его приходу. Он жестами показал ей, что надо бы поговорить, но она отрицательно покачала головой, мол, сейчас не может.

До закрытия магазина оставалось еще много времени, и Сергей решил провести его на работе. Открыв дверь в библиотеку, он присел на стул и начал разбирать картотеку, сортируя карточки по алфавиту, чтобы навести хоть какой-то порядок в делах, доставшихся ему по наследству. До него

эту должность занимал безграмотный инвалид, который просил читателей самим вписывать в свои карточки названия выданных им книг. Неожиданно в приоткрытую дверь заглянула Александра.

— Сергей, как работается? — поинтересовалась она.

— Нормально, тихо, тепло, за два часа ни одного читателя, а вообще, это совсем не мое. Надеюсь, приглашение работать тренером остается в силе?

— С понедельника и приступай, тебя утвердили, только на твои плечи ляжет еще и тренировка женской команды. Но самое главное для нас и для тебя — это очередная воскресная гонка. На празднике будет все заводское руководство, а еще представители из райкома. До старта остается три дня, но, думаю, вы успеете подготовиться. Я на тебя рассчитываю, смотри, не подведи, — пристально глядя в глаза Сергею, попросила Ерошкина и ушла.

Проработав положенное время, и так и не дождавшись никого из читателей, Сергей закрыл библиотеку на ключ и снова отправился к магазину.

Заняв уже привычный «наблюдательный пост», он стал ждать. Через какое-то время Наташа вышла на улицу, быстро перебежала на другую сторону и скрылась в переулке. Сергей поспешил следом за ней, пытаясь догнать девушку, пока ее тоненькая фигура на высоких каблуках совсем не исчезла. И тут Наташа неожиданно остановилась и, повернувшись к нему, произнесла:

— Ну, что стоишь, как истукан? Привет! Мне неудобно здесь разговаривать, пойдём куда-нибудь. Не волнуйся, я приглашаю, деньги у меня есть.

— Зачем же так? У меня тоже водятся деньги, работаю, как-никак. Хочешь, в столовку пойдём? — Сергей попытался взять Наташу за руку, но она резко выдернула ее и проговорила:

— Не надо! Я отвыкла от таких сантиментов! В столовку, Сережа, не пойду, вон ресторан, давай там посидим.

Они молча пошли к ресторану. Сергею хотелось сказать, что он по-прежнему любит Наташу, все эти годы мысленно был с ней, но почему-то в последнюю минуту передумал. Открыв стеклянную дверь, он пропустил девушку вперед. Посетителей в зале было немного, и они выбрали столик у окна.

К ним тут же подскочил бойкий официант и протянул меню. Наташа не стала его просматривать, а обратилась к нему со словами:

— Вот что, голубчик, принеси нам два салата, курицу и водки. Устала я что-то сегодня, — и принялась растирать коленку.

— Не думал я, что такое еще есть, — удивился Сергей, вспоминая столовую у вокзала.

— Не удивляйся, просто ты давно не был в приличных заведениях, но в этом не твоя вина. Сейчас все есть, но только не для всех, — с какой-то злобой процедила Наташа.

— Да, я давно не бывал в хороших ресторанах, — ответил Сергей, — но я работаю на заводе, тренируюсь и участвую в гонках, а ты стоишь «живой моделью» в витрине магазина, и тобой понукает хозяин. Послушай, Наташа, уходи от него! Хочешь, я поговорю, и тебя устроят на хорошую работу?

— Куда устроят? Мыть велосипеды в твоей команде или секретаршей к папаше Антона? Ты вот попрекнул меня «живой моделью», а сам-то ты кто, разве не «живая модель»? Пресмыкаешься за талоны в столовую и общежитие. Чем ты лучше меня? Тоже мне, гонщик экстра-класса, в этой рубашке, в стоптанных ботинках, или хочешь соответствовать нынешнему времени, и у тебя теперь другие идеалы? «Вперед, к надежде и любви, на крыльях страсти возделенной, тебе открылись все мечты, крути педали ради славы», — с грустью процитировала Наташа.

— А ты все продолжаешь писать стихи? Не ожидал, что после такой работы еще хватает сил на стихосложение, — съязвил Сергей.

— Хватит паясничать, чемпион, лучше скажи, зачем пришел? — устало спросила она.

— Просто хотел увидеть, соскучился, вернулся в родной город, а здесь все чужое, и люди тоже чужие. Всюду грязь, и все, все чужое. Думал вот, что бросишься в объятия, а ты не бросилась. Наташка, что с тобой?! — с отчаянием проговорил Сергей.

— Сережа! Много времени прошло с тех пор, как ты воевал в гражданскую, а я была сестрой милосердия. Тебя тогда могли убить и свои, и чужие, причем, лишь за одно — за иной взгляд на жизнь. За нее каждый заплатил огромную цену. Да и сейчас не лучше, все, кто мог, уехали, а кто остался — напоминают ходячих мертвецов. Да, я изо дня в день стою в витрине, в окружении насмешек и хамства, и все же могу позволить себе смеяться над теми, кто возомнил себя творцами новой жизни, не задумываясь, что они сами — такие же «живые модели». Между прошлым и настоящим — только хрупкое прозрачное стекло, и ничего больше. Но, к сожалению, всему приходит конец, и оно может расколоться от неловкого прикосновения на мелкие осколки, порезав в кровь наше прошлое и наши воспоминания.

— Все равно, можно же найти что-то другое, более достойное! — не унился Сергей.

— Достойное? У безграмотного наркомовского начальника работать секретаршей, а по вечерам ловить на себе его слюнявый взгляд? Это для тебя достойно? Или работать в какой-нибудь конторе, где начальник — тетенька в красной косынке — не знает, чего требовать от подчиненных, а сама даже читать не умеет?

— Успокойся, Наташа! Нам уезжать некуда, да и там мы не нужны. Главное, постараться, прежде всего, выжить, — чуть захмелев от выпитой водки, проговорил Сергей.

— А я не хочу выживать, Сережа, я хочу жить сейчас, а не когда-нибудь потом. Лучше я буду стоять за витриной магазина, чем рядом с теми, кому не нужна так же, как и они мне. Ты вот говоришь, «живая модель». А сам-то что, лучше? Ты ведь тоже из таких «моделей». Живешь воспоминаниями о той жизни, а в этой гоняешь на велосипеде.

— Ты все правильно сказала, — ответил Сергей. — Талоны, койка, удостоверение выдали и новенький велосипед от Антона. Кстати, это именно он подсказал, где ты работаешь.

— Да, он сам предлагал мне работу, а его папаша — руку и сердце. Только все это напускное. Для меня лучше в витрине стоять «живой моделью», чем преждевременно простить все и всех, переступив через стеклянные осколки, которыми мы являемся, — с грустью произнесла Наташа.

— А я ведь по-прежнему люблю тебя и желаю только одного — быть с тобой. Только не хочу, чтобы ты целыми днями в витрине стояла, на потеху всяким прохожим хамам.

— Все мы хотим ни от кого не зависеть, а толку-то? И что тебе «живая модель» покоя не дает? Ты сам такой же — разве ты не зависишь от своего хозяина? И вообще, все мы от кого-то или от чего-то зависим.

— Наташа, ты не ответила про нас! — прервал ее Сергей.

— А что про нас? Нас нет, мы за витриной. — Девушка поднялась, бросила на стол смятую купюру и направилась к выходу.

— Давай встретимся в воскресенье, у меня гонка, посмотришь и поболеешь за меня, — предложил Сергей, выходя вслед за ней.

— Не знаю, да и зачем теперь все это? — устало проговорила Наташа и, не попрощавшись, исчезла в темноте безлюдного переулка.

Сергей шел домой как потерянный, не замечая случайных прохожих и бродячих собак.

« Как же так, почему все кануло, провалилось куда-то, словно плохой сон? » — спрашивал он себя.

А Наташа, идя по переулку, плакала навзрыд и так громко, что одинокие прохожие удивленно и настороженно косились на нее. Сергей так ничего и не понял за ее бравадой. Не понял, что она заплатила за свою жизнь стеклянной витриной Александру Арнольдовичу, который продавал по низким ценам готовые платья женам руководителей Совнаркома и спас ее от доносов и ареста. Ей вдруг стало противно за себя, за свой страх, хотелось завывать, не обращая внимания на прохожих, для которых она была чужой, «живая модель» за стеклянной витриной другого мира...

Утром Сергей проснулся от настойчивого стука в дверь. Вскочив с кровати и натягивая брюки, он кинулся открывать. На пороге стоял Кольчугин.

— Так и будешь держать меня в дверях, может быть, пригласишь в комнату? — улыбаясь, проговорил он.

— Заходи, что случилось? — с раздражением спросил Сергей, закрывая за ним дверь.

— Да, собственно, ничего особенного, просто разговор есть. Ты, как я понимаю, совсем отошел от нас с Анатолием? За заводскую команду будешь выступать, а еще, я слышал, тебя тренером утвердили. Поздравляю, но речь не об этом. В воскресенье состоится гонка, и лидер, конечно, ты, это все понимают, и мы с Сухонцевым тоже. Но надо, чтобы ты пришел вторым. Тебе, как профессионалу, сделать это суцая ерунда. Завалишь на повороте основную группу, ну, бывает, человеческий фактор, и все, ты — второй. Нам позарез необходимо первое место. А все другие гонки — твои, я в комитете всегда за тебя словечко замолвлю, не беспокойся, в долгу не останусь. Ну что, по рукам, договорились?

— Почему это мне надо прийти вторым, а не первым? По-моему, я вам ничего не должен! — возмутился Сергей.

— Должен, еще как должен! Ты, наверное, забыл, как до войны в лучах славы купался, как шикарно одевался и с девчонками по Тверской прогуливался, а я на стареньком «Вераное» зарабатывал себе на призовые места? — с завистью произнес Кольчугин.

— Ты, Иван, святошу из себя не строй, я помню, как еще до войны ты продал новенький «Хорьх», который тебе выдали накануне больших гонок, а ты подвел команду, пришел к финишу одиннадцатым, так как пьянствовал до утра в ресторане на деньги, вырученные от продажи велосипеда. А потом плакался перед ребятами, сказал, что его у тебя украли, и что тебе, как гонщику, конец без велосипеда. Петька Малышев тогда пожалел тебя и купил новый велосипед на собственные деньги, лучший в команде, так как считал себя твоим другом. И чем ты ему отплатил? В гражданскую самолично расстрелял, когда он попал в плен к красным под Каховкой. Опасался, что он мог рассказать о твоём не слишком пролетарском происхождении? Молчишь? Все забыл? А у меня вот память хорошая, — спокойно произнес Сергей.

— Не пугай, памятливым ты наш! Только и я тебе напомню, что ты с белыми мотался не один год и вернулся без документов, а девка твоя зарабатывает тем, что стоит в витрине, правда, это только до поры до времени. Но речь не об этом. Если не согласишься, поставишь под удар свою родню, что в соседней комнатенке ютится, их не пощадят, да и твою девку тоже, так и знай, поэтому хорошенько подумай, — выходя из комнаты, предупредил Кольчугин.

— Не надо меня шантажировать! — крикнул ему вслед Сергей.

На следующий день после тренировки он поспешил к Наташе. Она, как всегда, стояла за витриной, бледная и какая-то отрешенная. Сергей подо-

шел близко к стеклу и жестом показал, что подождет ее. Наташа на этот раз не стала ждать закрытия магазина, вышла, несмотря на угрозы хозяина, на улицу и, подойдя к Сергею, взволнованно спросила:

— Что случилось? Ты зачем пришел? Зачем продолжаешь беречь старое? Я устала, пойми, так устала, что нет никаких сил, хочется просто упасть в траву и лежать так долго-долго...

— Кольчугин приходил, шантажировал меня, предлагал сдать гонку, а в случае несогласия пригрозил, что выдаст всех, и меня, и тебя, и дядю с тетей, — сказал Сергей.

— Вот видишь, ты действительно такая же «живая модель», и отсидеться за велосипедом больше не удастся, Сереженька! Не надо ко мне приходиться, не надо, милый, пусть наше прошлое останется с нами, а сегодняшнее — это все пустое! — махнула рукой Наташа и побежала обратно к магазину.

Все последующие дни Сергей тренировался как одержимый, не щадя ни себя, ни свою команду. Александра постоянно присутствовала на тренировках, с начала и до конца просиживая на трибунах. После тренировки она подошла к Сергею и попросила:

— Товарищ тренер, научите меня кататься на велосипеде.

— Сейчас не могу, скоро соревнования, после гонки научу, — пообещал он.

Девушка задумчиво посмотрела ему в глаза. Сергеем уже интересовались органы, но она сумела его отстоять. Надолго ли? Воскресная гонка должна расставить все на свои места. Александра надеялась, что первое место поможет Сергею выстоять в жизненной круговерти, что все уладится, и его, наконец, оставят в покое и забудут прошлое.

Сорок гонщиков, девять заводских обществ и четыре любительские команды — им предстояло побороться за призовые места в честь новаторов новой жизни.

Сергей вдруг заметил знакомую журналистку, которая брала у него интервью. Она с трудом протиснулась через толпу болельщиков и подошла к нему:

— Сергей, извините, что опоздала. Но у меня уважительная причина — срочно отправили на задание, статью написать, как говорится, «по горячим следам».

— А что случилось? — равнодушно спросил Коротков, чтобы просто поддержать разговор.

— Застрелилась некая Наталья Орлова, которая работала моделью в магазине модного платья.

— Как застрелилась?! — испуганно посмотрел он на журналистку, чувствуя, как бешено заколотилось сердце в груди.

— Подробностей не знаю, — растерялась девушка, — она была «живой моделью» в этом магазине. А вы что, с ней знакомы?

— Да, я ее очень хорошо знал, — прошептал Сергей.

Прозвучала команда на старт, и все велосипедисты, согласно жребию, выстроились друг за другом. Гонка началась.

Коротков сразу оторвался от остальных гонщиков, не оставив соперникам ни единого шанса, и первым пересек финишную черту. Затем, как полагается, последовали венки, цветы, лента и грамота. Но все поздравления пролетали мимо Сергея, он думал только об одном — о Наташе.

Выйдя из раздевалки, Сергей столкнулся с Кольчугиным.

— Молодец! Думаешь, ты самый ловкий, самый смелый? — криво усмехнулся Иван. — Ну, ничего, и твоя девчонка, и твоя родня будут хлопать в ладоши от радости! — зло пообещал он.

«Наташа, милая Наташа! Она уже тогда предвидела исход этой жизненной гонки, знала, что я не пойду на сделку с совестью, и чем это будет ей грозить, вот и ушла со старта первой, расчищая мне дорогу! Какой же я слепец!» — думал Сергей, проходя мимо ликующей толпы болельщиков.

— Сергей! Сережа! — вдруг окликнула его молодая журналистка. — Давайте, я вас подвезу, у меня лошадь с телегой, положим на нее велосипед, а сами рядом пойдем, — предложила она.

— Хорошо, тем более что мне уже все равно, какая разница, ведь я на самом деле — «живая модель», — кивнул Сергей.

— О чем это вы, не понимаю? — удивленно переспросила девушка, но Сергей ничего не ответил.

В среду должна была состояться очередная гонка, и Коротков с ребятами тренировались каждый день. А вечером перед соревнованиями он лихорадочно размышлял, как же ему поступить завтра, до которого за бессонной ночью осталось совсем чуть-чуть...

Вот и наступил долгожданный день, гонщики собрались на стадионе, и каждый надеялся на свою фортуна. Снова Сергей рванул со старта и пошел вперед первым, лихорадочно крутя педалями. Неожиданно, опираясь на костыль, из-за кустов вышел Сухонцев и преградил ему дорогу.

— Ты что, Анатолий, жить надоело?! — крикнул Сергей, тормозя и заваливаясь на бок прямо в грязь.

— Прости и не кипятись! Послушай меня, Сережа, я всегда считал тебя своим другом и классным гонщиком. Но сегодня прошу тебя быть вторым. Кольчугин беснуется, а я прекрасно знаю, какая Иван сволочь! На карту поставлено не что-нибудь, а твоя жизнь! — сказал Анатолий и протянул ему шило, чтобы он проколол камеру.

— Спасибо за правду, я тоже всегда считал тебя другом, но быть «живой моделью» не желаю! Я — гонщик, и в этой жизненной гонке тоже первый, за всех, за тех, кто не вернулся туда, откуда ушел, оставшись стоять за стеклянной витриной своего времени, — жестко произнес Сережка Коротков и устремился к финишу... □

Светлана
Бестужева-Лада

**«Мятеж не может кончиться
удачей, В противном случае
его зовут иначе».**

*Джон Харингтон
в переводе Самуила Маршака*

РЕПЕТИЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Главным детонатором в этом событии было позорное поражение в русско-японской войне. Россия по праву гордилась своей практической непобедимостью — и вдруг такой конфуз. Вечно всем недовольная интеллигенция нашла новый мощный повод для злобной критики правительства, матери оплакивали павших сыновей,

и вообще с того времени о стабильности в стране забыли надолго.

А ведь по первоначальному замыслу победа в войне должна была укрепить политическое положение царского правительства и остановить революцию, в которую были втянуты не только простые рабочие и крестьяне, но и передовые слои

ИЛИ МЯТЕЖ?

Была ли на самом деле в России в полном смысле слова революция 1905–1907 гг.? Логичнее было бы назвать то, что происходило в эти годы, «беспорядками», «забастовками», «стачками», «столкновениями с полицией» — да как угодно. Потому что на революцию эта смута похожа только в одном — в ней пролилась кровь. Причем едва ли не впервые в России в таком количестве.

В Санкт-Петербурге — «Кровавое воскресенье», бесконечные стачки и забастовки, в Москве — стрельба на Красной Пресне и сооружение баррикад, причем смысл этих действий был, похоже, непонятен самим действующим лицам. Зато — более чем понятен тем, кто этим руководил, и кто это финансировал.

Можно сказать, что эти события были первой попыткой «цветной революции», которая бесславно закончилась с приходом к власти Столыпина.

Впрочем, обо всем по порядку.

интеллигенции, а также часть дворянства.

То есть хотели, как лучше.

Мирный договор Япония согласилась подписать при полной капиту-

ляции России, в которой уже началась революция. По Портсмунскому мирному договору (23.08.1905 г.) Россия обязана была выполнить следующие пункты:

- Отказаться от притязаний на Маньчжурию.
- Отказаться в пользу Японии от Курильских островов и половины острова Сахалин.
- Признать за Японией право на Корею.
- Передать Японии право на аренду Порт-Артура.
- Выплатить Японии контрибуцию за «содержание пленных».

Помимо этого, поражение в войне имело для России негативные последствия в экономическом плане. Начался застой в некоторых отраслях промышленности, поскольку сократилось их кредитование со стороны иностранных банков. Жизнь в стране существенно подорожала. Промышленники настаивали на скорейшем заключении мира.

В конце 1904 года либеральная интеллигенция активизировалась, требуя от власти решительных либеральных реформ. Впрочем, ее участие в событиях так и ограничилось требованиями и пафосными речами.

Начались массовые движения среди рабочих и военнослужащих. Ярким примером является восстание на броненосце «Потемкин». Русских начали поддерживать рабочие Европы и США (во многих городах проходили митинги и беспорядки). А правительство России упрямо отказывалось капитулировать.

Пришлось зарубежным «покровителям» срочно составлять другой сценарий: прежде всего, поддержать Японию дипломатически и матери-

ально — поставкой оружия. Этим традиционно занялись Великобритания и США. Войну необходимо было прекратить, чтобы направить все силы на борьбу с царским правительством, некоторых действий которого сильно опасались мировые государства.

И вот к началу 1905 года в столице революционерами была подготовлена акция, которой суждено было войти в историю под названием «Кровавое воскресенье». Акция была задумана лишь на том основании, что в столице был человек, способный ее организовать и возглавить, — священник Георгий Гапон, и надо признать, что это обстоятельство было использовано с блеском.

Кто мог бы повести за собой невиданную дотоле толпу питерских рабочих, в большинстве вчерашних крестьян, как не любимый ими священник? И женщины, и старики готовы были идти за «батюшкой», умножая собою массовость народного шествия. За «пламенными революционерами» народ не пошел бы в то время вообще никуда.

Священник Георгий Гапон возглавлял легальную рабочую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих». В «Собрании», созданном по инициативе жандармского полковника Зубатова, руководство было фактически захвачено революционерами, о чем не ведали рядовые участники организации.

Гапон был вынужден лавировать между противоборствующими си-

лами, пытаюсь «стоять над схваткой». Рабочие окружили его любовью и доверием, рос его авторитет, росла и численность «Собрания», но, вовлеченный в провокации и политические игры, священник совершил измену своему пастырскому служению.

В начале января 1905 года Петербург охватила очередная забастовка. Тогда же радикальное окружение Гапона «вбросило» в рабочие массы идею о подаче царю петиции о народных нуждах. Подача этой петиции государю должна была быть организована как массовое шествие

ботясь о логике и сочетаемости содержания.

За традиционным «народным волевым» царю-батюшке практически без купюр шел ряд достаточно жестких требований к правительству. Иными словами, от законной власти требовали... всего-навсего, самоупразднения.

Текст петиции в народе благообразно не распространяли, да и грамотных среди представителей народа было очень немного. Верили Гапону, его проповедям, а в них о свержении власти, естественно, и речи быть не могло.

ришлось зарубежным «покровителям» срочно составлять другой сценарий: прежде всего, поддержать Японию дипломатически и материально — поставкой оружия. Этим традиционно занялись Великобритания и США. Войну необходимо было прекратить, чтобы направить все силы на борьбу с царским правительством, некоторых действий которого сильно опасались мировые государства

к Зимнему дворцу, которое возглавит любимый народом священник Георгий.

Петиция и на первый взгляд, и на второй может показаться документом странным, она написана как будто разными авторами: смиренно-верноподданнический тон обращения к государю-императору сочетается с предельной радикальностью требований — вплоть до созыва учредительного собрания. Ее и писали разные люди, не слишком за-

Гапон знал, с какой целью поднимают массовое шествие к дворцу его «друзья», он метался, понимая, во что оказался вовлечен, но выхода не находил и, продолжая изображать собою народного вождя, до последнего момента уверял народ (и себя самого), что кровопролития не будет.

Власти вплоть до 8 января еще не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремистскими требованиями. А когда

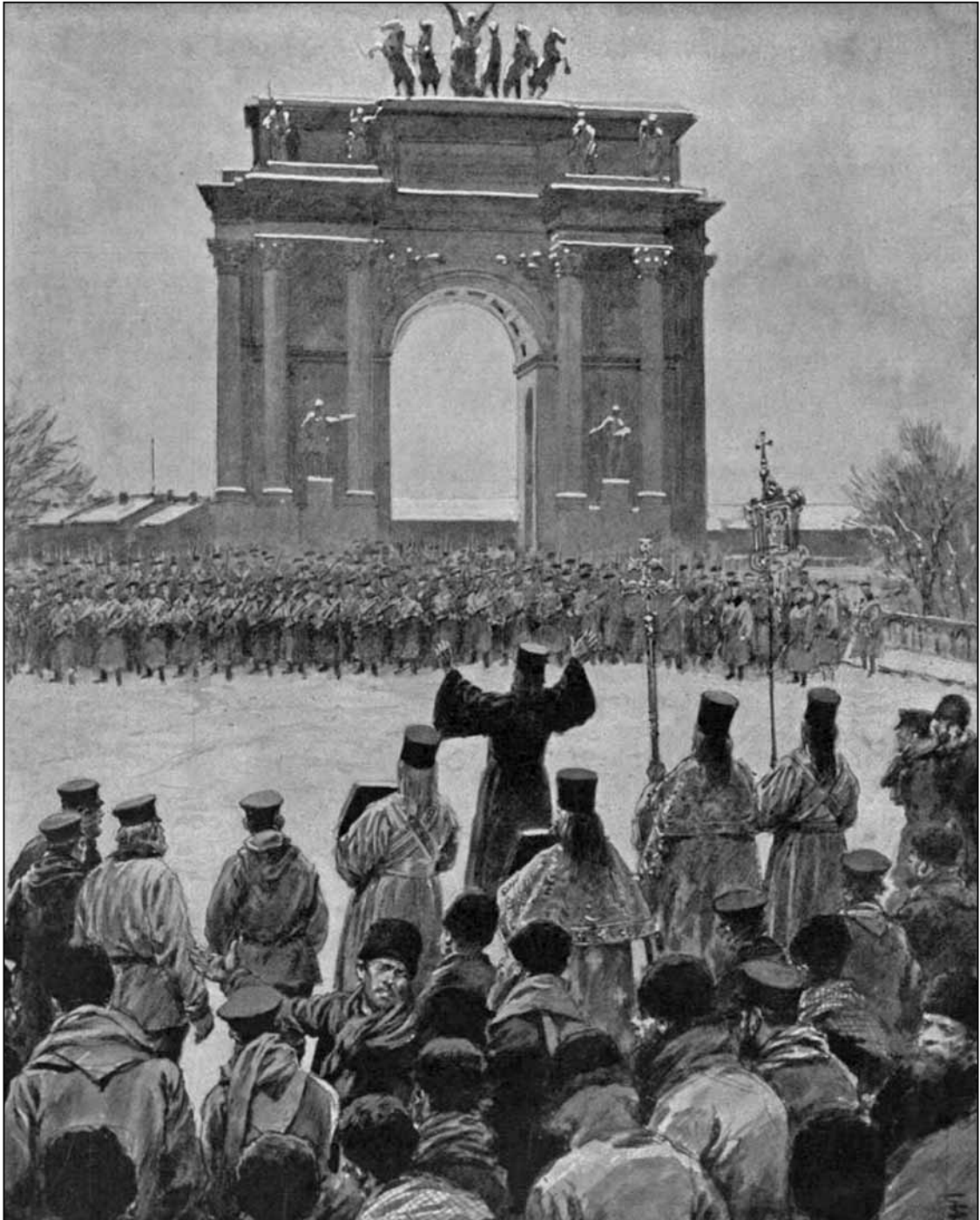

*Георгий
Гапон*

узнали — пришли в ужас. Тут же был отдан приказ арестовать Гапона, но поздно, он успел скрыться. А остановить огромную лавину было уже невозможно — революционные провокаторы поработали на славу.

Накануне шествия царь уехал из столицы, но остановить растрево-

женную народную стихию никто не пытался. Дело шло к развязке. Народ стремился к Зимнему дворцу, а власти были настроены решительно, понимая, что «взятие Зимнего» стало бы серьезнейшей заявкой на победу врагов царя и Российского государства.

9 января на встречу с государем-императором готовы были выйти сотни тысяч людей. А сотни агитаторов, вплоть до позднего вечера накануне 9 января, ходили по рабочим районам, возбуждая людей, снова и снова заявляя, что этой встрече препятствуют эксплуататоры и чи-

новники. Засыпали рабочие с мыслью о завтрашней встрече с царем-батюшкой.

Петербургские власти, собравшиеся вечером 8 января на совещание, понимая, что остановить рабочих уже невозможно, приняли решение не допустить их в самый центр

города (уже было понятно, что предполагается фактически штурм Зимнего). Главная задача состояла даже не в том, чтобы защитить царя (его не было в городе, он находился в Царском Селе и не собирался приехать), а в том, чтобы предотвратить беспорядки, неизбежную давку и гибель людей, что вполне могло произойти из-за стекания огромных масс с четырех сторон на узком пространстве Невского проспекта и Дворцовой площади. Царские министры помнили трагедию Ходынки, когда в результате преступной ха-

ния был невелик, да и расклеили его слишком поздно.

Представители всех партий распределялись между отдельными колоннами рабочих (их должно было быть одиннадцать — по числу отделений гапоновской организации). Эсеровские боевики готовили оружие. Большевики сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (то есть тех же боевиков). Все члены РСДРП обязаны были к шести часам утра находиться у пунктов сбора. Готовили знамена

В

сего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27 января еще 34 человека. Основная доля вины за погибших лежит на подстрекателях-революционерах, которые, как пастухи, гнали народ к дворцу. Они надеялись, что охрана побоится применить оружие, тогда Зимний можно будет взять практически без крови и объявить государственный переворот свершившимся.

латности местных московских властей в давке погибло 1389 человек и около 1300 получили ранения. Поэтому в центр стягивались войска и казаки, с приказом не пропускать людей, а оружие применять только при крайней необходимости.

Стремясь предотвратить трагедию, власти выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января и предупреждающее об опасности. Но из-за того, что работала только одна типография, тираж объявле-

и транспаранты: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!»

9 января с раннего утра рабочие начали собираться на сборных пунктах.

Перед началом шествия в часовне Путиловского завода был отслужен молебен о здравии царя. Шествие имело все черты крестного хода. В первых рядах несли иконы, хоругви и царские портреты (интересно, что часть икон и хоругвий бы-

ли просто захвачены при разграблении двух храмов и часовни на пути следования колонн).

Но с самого начала, еще задолго до первых выстрелов, в другом конце города, на Васильевском острове и в некоторых других местах, группы рабочих сооружали баррикады из телеграфных столбов и проволоки и водружали на них красные флаги.

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тысяч человек. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и, чем ближе подходила к нему, тем больше подвергалась агитации революционных провокаторов.

Еще не было выстрелов, а какие-то люди распускали самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки властей ввести шествие в рамки порядка получали отпор специально организованных групп (были нарушены заранее оговоренные пути следования колонн, были прорваны и рассеяны два кордона).

Начальник Департамента полиции Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам, писал об этих событиях:

«Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных полицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения поряд-

ка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием».

Шествие от Нарвской заставы возглавлялось самим Гапоном, который постоянно выкрикивал:

— Если нам будет отказано, то у нас нет больше царя!

Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагали все сильнее напиравшей толпе остановиться, но она не подчинялась. Последовали первые залпы, поначалу холостые. Толпа готова была уже повернуть назад, но напор демонстрантов был слишком велик, а угрозы Гапона и его помощников — слишком убедительны.

Примерно так же развивались события и в других местах — на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте. Появились красные знамена, лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!» Люди, возбужденные подготовленными боевиками, разбивали оружейные магазины, возводили баррикады.

Сам Гапон, кстати, отбросив церковную риторику, призывал народ к столкновению с войсками: «Свобода или смерть!» — и лишь случайно не погиб, когда раздались залпы (первые два залпа — холостыми, следующий — боевыми поверх голов, а затем — уже в толпу).

Немедленно на весь мир был поднят крик о многотысячных жертвах «кровавого царского режима», раз-

давались призывы к его немедленному свержению, и эти призывы имели успех. Враги царя и русского народа, выдававшие себя за его «доброжелателей», извлекли из трагедии 9 января максимальный пропагандистский эффект.

Отец Георгий Гапон искренне верил в свою миссию, шагая во главе народного шествия, он мог погибнуть, но уйти живым из-под выстрелов ему помог эсер Пинхас Рутенберг, приставленный к нему «комиссаром» от революционеров.

Ясно, что Рутенберг и его друзья знали о связях Гапона с Департаментом полиции. Будь его репутация безупречна, его, очевидно, тогда пристрелили бы под залпами, чтобы понести в народ его образ в ореоле героя и мученика. Возможность разрушения этого образа властями и послужила причиной спасения Гапона в тот день, но уже в 1906 году он был казнен как провокатор «в своем кругу», под руководством все того же Рутенберга, который, как писал А.И. Солженицын, «уехал потом воссоздавать Палестину»...

Всего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27 января еще 34 человека. Основная доля вины за погибших лежит на подстрекателях-революционерах, которые, как пастухи, гнали народ к дворцу. Они надеялись, что охрана побоится применить оружие, тогда Зимний можно будет взять

практически без крови и объявить государственный переворот свершившимся.

Не сложилось. Но в тот же день стали распускаться самые невероятные слухи о тысячах (!) расстрелянных и о том, что расстрел специально организован садистом-царем, пожелавшим крови рабочих.

Говоря о поспешном приказе испуганного начальства, приказавшего стрелять, следует также вспомнить, что атмосфера вокруг дворца царила очень напряженная, ибо тремя днями ранее было совершено покушение на государя. Но об этом мало кто знал даже в то время. 6 января, во время крещенского водосвятия на Неве, в Петропавловской крепости произвели салют, при котором одна из пушек выстрелила боевым зарядом в сторону императора. Выстрел картечью пробил знамя Морского корпуса, поразил окна Зимнего дворца и тяжело ранил дежурившего жандармского пристава. Офицер, командовавший салютом, сразу же покончил с собой, поэтому причина выстрела осталась тайной. Сразу после этого государь с семьей уехал в Царское Село, где находился до 11 января. Таким образом, о происходящем в столице он не знал, однако вину за происшедшее революционеры и либералы приписали ему, называя с тех пор «Николаем Кровавым».

Между тем государь, получив известие о происшедшем, записал в тот день в дневнике, несколько

нарушив свой обычный сухой стиль конспекта текущих событий, над которым так потешались и потешаются все, кому не лень:

«Тяжелый день! В СПб произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!..»

Узнав о трагедии, Николай II пожертвовал 50 тысяч в пользу пострадавших 9-го января рабочих. Всем пострадавшим и семьям погибших, по распоряжению государя, были выплачены пособия размером в полуторагодовой заработок квалифицированного рабочего.

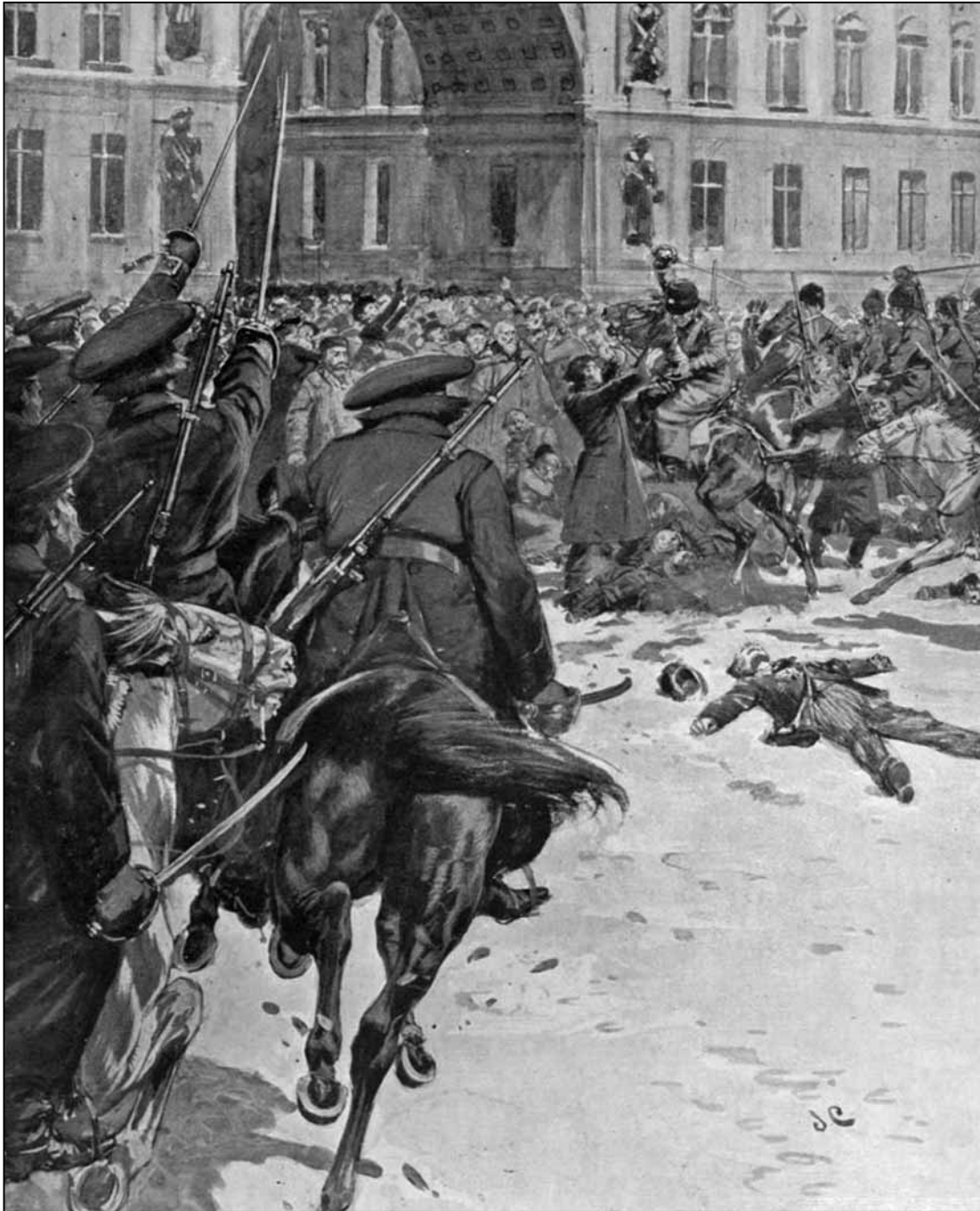
19 января царь принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов столицы, которые уже 14 января в обращении к митрополиту

Петербургскому выразили полное раскаяние в происшедшем:

«Лишь по своей темноте мы допустили, что некоторые чуждые нам лица выразили от нашего имени политические вождедения» и просили донести это покаяние до Государя.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года было хорошо спланированной провокацией и стало началом «первой русской революции», на разжигание которой, пользуясь русско-японской войной, мировая «закулиса» бросила огромные деньги.

Организатор «мирного шествия» 9 января, бывший священник (запрещенный в служении, а затем и лишенный сана) Гапон был связан и с охранным отделением (якобы для удержания требований рабочих в законопослушном русле), и с социалистами-революционерами (через Пинхаса

Рутенберга), то есть играл двойную роль.

Призвав рабочих на мирную демонстрацию к Зимнему дворцу с петицией к государю Николаю II, провокаторы готовили совсем не мирное столкновение, а с пролитием крови. Рабочим объявили о Крестном ходе, который, действительно, начался с

молебна о здравии царской семьи. Однако в текст петиции, без ведома рабочих, были внесены требования прекращения войны с Японией, созыва Учредительного собрания, отделения церкви от государства и «клятвы царя перед народом» (!).

Накануне вечером, 8 января, государь ознакомился с содержани-

ем гапоновской петиции, фактически революционного ультиматума, решение проигнорировать его как недопустимый по отношению к государственной власти.

При этом министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский успокоил царя, заверив, что, по его данным, ничего опасного и серьезного не предвидится, поэтому Николай II не счел нужным приехать из Царского Села столицу. 18 января министр Святополк-Мирский был уволен в отставку.

Уже после кровопролития Гапон откровенничал в своих воспоминаниях:

«Я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно по-

тер нашей процессии. Толпа выросла до громадных размеров... "Прямо идти к Нарвской заставе или окольными путями?" — спросили меня. "Прямо к заставе, мужайтесь, или смерть или свобода!" — крикнул я. В ответ раздалось громовое "ура". Процессия двигалась под мощное пение "Спаси, Господи, люди Твоя". Впереди меня шли мои два телохранителя... По сторонам толпы бежали дети... Когда процессия двинулась, полиция не только не препятствовала нам, но сама без шапок шла вместе с нами... Два полицейских офицера шли впереди нас, расчищая дорогу и направляя в сторону встречавшиеся экипажи».

Еще до кровавых событий Максим Горький выступил с речью на

та всеобщая забастовка вынудила императора пойти на уступки — 17 октября был издан Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который даровал гражданские свободы: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Обещался созыв Государственной Думы

слал нескольких рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал 100 человек взять их силой, и через несколько минут они принесли их. Затем я приказал принести из нашего отделения царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный харак-

заседании Вольного Экономического общества, заявив:

«Сегодня в России началась революция. Шаляпин дает на революцию 1000 рублей, Горький — 1500 рублей...»

Однако план рухнул из-за того, что войска не перешли на сторону бунтовщиков. Кое-где и рабочие

избивали агитаторов и устроителей баррикад с красными флагами. И все же революционеры своего добились, теперь оставалось только продолжать расшатывать страну. В ту же ночь, 9 января, Гапон (он бежал с шествия при первых же выстрелах) опубликовал призыв к бунту, который во многих местах России вызвал волнения, длившиеся более двух лет. В октябре вся страна была парализована забастовкой, в декабре в Москве большевики попытались устроить вооруженное восстание, вызвавшее куда больше жертв с обеих сторон, чем пресловутое «Кровавое воскресенье»...

В октябре 1905 года в Москве началась стачка, целью которой было добиться экономических уступок и политической свободы. Забастовка охватила всю страну и переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12–18 октября в различных отраслях промышленности бастовало свыше 2 миллиона человек.

В листовке «Всеобщая забастовка» говорилось:

«Товарищи! Рабочий класс восстал на борьбу. Бастует пол-Москвы. Скоро может быть забастует вся Россия.<...>Идите на улицы, на наши собрания. Выставляйте требования экономических уступок и политической свободы!»

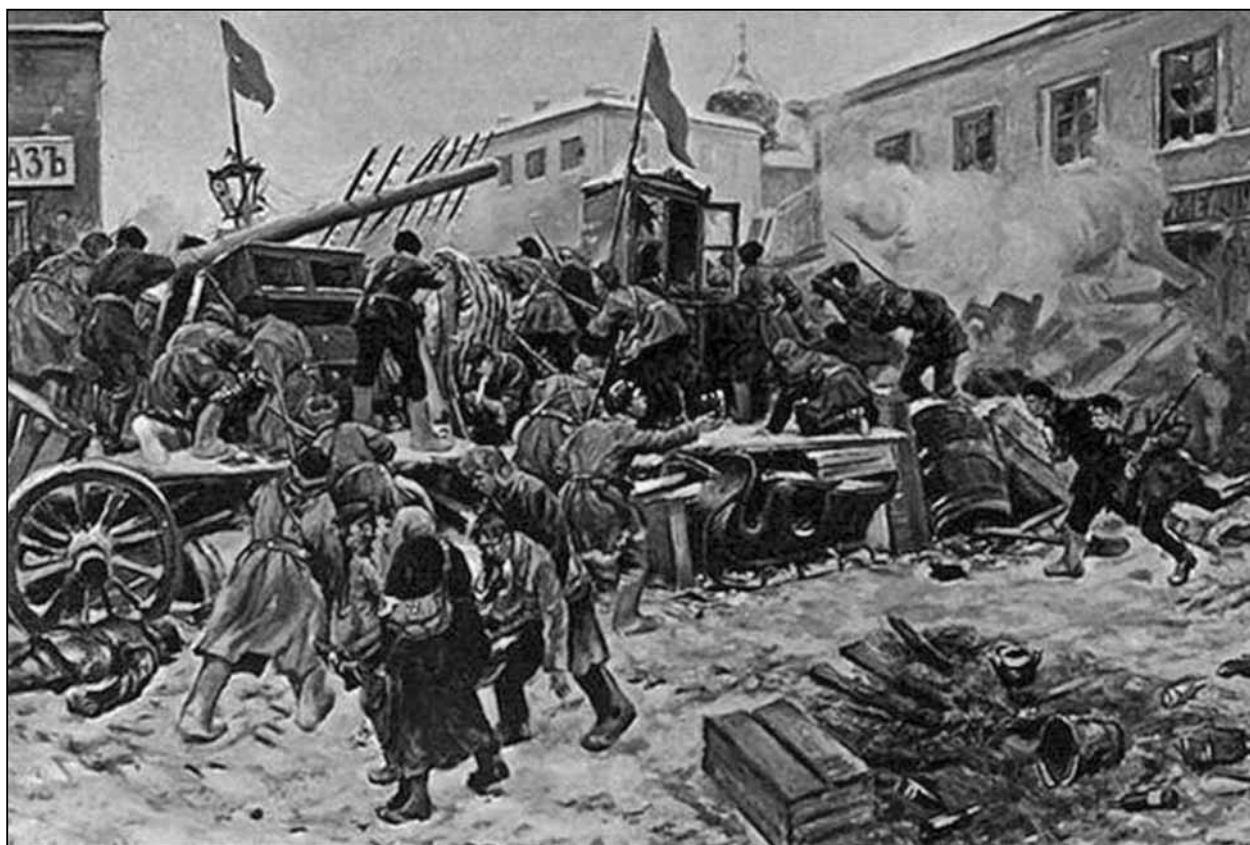
Эта всеобщая забастовка вынудила императора пойти на уступки — 17 октября был издан Манифест «Об усовершенствовании го-

сударственного порядка», который даровал гражданские свободы: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Обещался созыв Государственной Думы.

Манифест был серьезной победой, но крайние левые партии (большевики и эсеры) не поддержали его. Большевики объявили о бойкоте I-й Думы и продолжали курс на вооруженное восстание, принятый еще в апреле 1905 года на III съезде РСДРП в Лондоне (партия меньшевиков не поддерживала идею вооруженного восстания, которую разрабатывали большевики, и проводила параллельную конференцию в Женеве).

Волна стачек, накрывшая Россию в 1905 году, не самым лучшим образом сказалась на ее экономике. Но ведь именно ослабление экономики, а не создание Думы и введение восьмичасового рабочего дня было тогда целью манипуляторов рабочим классом.

В конце ноября — начале декабря 1905 года политическое равновесие между революционными и правительственными силами, возникшее после принятия Манифеста 17 октября, было нарушено. Власти перешли в наступление: в Москве были арестованы руководители Почтово-телеграфного союза, члены Союза служащих контроля Московско-Брестской железной дороги, закрыты газеты «Новая жизнь», «Начало», «Свободный народ», «Русская газета» и другие.

Одновременно среди большинства социал-демократов, эсеров, анархистов-коммунистов Москвы утвердилось мнение о необходимости в ближайшее время поднять вооруженное восстание, призывы к выступлению печатались в газете «Вперед», звучали на митингах в театре «Аквариум», в саду «Эрмитаж», в Межевом институте и Техническом училище, на фабриках и заводах.

Пролетариат отреагировал своеобразно: слухи о готовившемся выступлении вызвали массовое (до половины состава предприятий) бегство рабочих из Москвы: с конца ноября многие уходили тайно, без расчета и личных вещей. На фабрике Голутвинской мануфактуры остались 70–80 человек из 950, на Про-

хоровской мануфактуре уходили по 150 человек в день.

Одновременно 6 декабря на Красной площади состоялось массовое (6–10 тысяч человек) молебствие по случаю тезоименитства императора Николая II.

«Умом Россию не понять...» Создавалось впечатление, что рабочих силком заталкивают в абсолютно ненужную им революцию. До деревни эта волна, слава Богу, каким-то чудом не докатилась.

А в декабре уже совсем нешуточно полыхнуло в Москве.

Декабрьское вооруженное восстание стало кульминацией революции, ее вершиной. Стачка, как средство борьбы, к концу 1905 года уже исчерпала себя. Здесь сказывались

и усталость пролетариата (особенно в Петербурге), и консолидация правительственных сил, и позиция либеральной буржуазии, в ужасе стремившейся как можно скорее «свернуть» плоды своих «трудов».

Не комфортно оказалось жить в условиях непрестанной «борьбы за свободу». То и дело то обворуют, то ограбят, то просто пристрелят. Мечталось-то совсем о другом.

А ведь еще в начале событий, несмотря на обилие угрожающих внешних признаков, настроение «интеллигентных москвичей» было, скорее, бодрое и радостное.

«Точно праздник. Везде массы народу, рабочие гуляют веселой толпой с красными флагами, — записала в дневнике графиня Е.Л. Камаровская. — Масса молодежи! То и дело слышно: "Товарищи, всеобщая забастовка!" Таким образом, точно по-

здравляют всех с самой большой радостью... Ворота закрыты, нижние окна — забиты, город точно вымер, а взгляните на улицу — она живет деятельно, оживленно».

Вот ведь, действительно, радость-то какая! Особенно если дома ждет сытный обед, вышколенная прислуга и дружеские диспуты о происхождении. Потом, правда, опомнились и больше по «праздничным улицам» не гуляли — все больше по домам отсиживались.

Вот почему ноябрьские забастовки 1905 года были уже неизмеримо слабее октябрьской стачки и не принесли ожидаемых результатов. Судьбу самодержавия могло решить только всенародное вооруженное восстание, над подготовкой которого большевики упорно трудились с самого начала революции.

Вскоре после III съезда РСДРП развернула свою деятельность Боевая техническая группа при Центральном Комитете партии. Члены группы организовали изготовление взрывчатых веществ и бомб, закупали оружие за границей и доставляли его в Россию. При местных большевистских комитетах также создавались боевые и военные организации, которые формировали рабочие дружины и вели работу в войсках.

Готовились к восстанию и московские рабочие. В начале декабря 1905 года в Москве было около 2 тысяч вооруженных и примерно 4 тысячи невооруженных дружинников. И хотя организационная подготовка восстания была еще далеко не завершена, московские большевики решили начать 7 декабря всеобщую политическую стачку и перевести ее затем в вооруженное восстание.

Это решение объяснялось тем, что с конца ноября правительство перешло в открытое наступление на пролетариат. Был арестован Петербургский Совет рабочих депутатов, усилилась борьба с забастовочным движением. В этих условиях дальнейшее промедление с восстанием грозило деморализацией революционных сил.

Вот почему пролетариат Москвы, где в это время сложилась более благоприятная обстановка для решительной схватки с самодержавием, чем в Петербурге, и начал первым восстание.

В написанном большевиками обращении Московского Совета «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», опубликованном в первый день стачки, говорилось:

«Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательства и преступления царского правительства и объявляет ему решительную и беспощадную войну!.. На карту поставлено все будущее России: жизнь или смерть, свобода или рабство!.. Смело же в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане!»

Небо было охвачено зловещим заревом пожара. Осыпаемая градом пуль и снарядов, горела Пресня — последний оплот восставших московских рабочих. Здесь шел жестокий бой. Глухо ухали пушки, не умолкал треск ружейных выстрелов, на снегу алели пятна крови. Царские войска штурмовали дом за домом, квартал за кварталом, без суда и следствия расправляясь с теми, кто в течение 9 дней с оружием в руках утверждал свое право на лучшую жизнь.

10 декабря улицы Москвы покрылись баррикадами. Стачка переросла в вооруженное восстание, главным очагом которого стала Пресня.

В дни восстания Пресня, где находились Прохоровская текстильная мануфактура (знаменитая «Трехгорка»), мебельная фабрика Шмита, сахарный завод, носящий ныне имя погибшего в декабре 1905 года рабочего Федора Мантулина, и другие

предприятия, стала настоящей революционной крепостью. Наиболее прочные баррикады были сооружены возле Зоологического сада, у Пресненской заставы и в районе Прохоровки. Некоторые улицы были даже заминированы.

Желающих сражаться были тысячи, но у революционеров не хватало оружия. Поэтому дружинники дежурили по сменам. В основном

отмечали, что в декабре 1905 года московские рабочие проявили настоящий массовый героизм. И во главе их неизменно были большевики, делом доказавшие, что они являются настоящими руководителями революционного народа.

Начальником штаба пресненских рабочих был большевик З.Я. Литвин-Седой, во главе боевой дружины на Казанской железной дороге

«**Т**очно праздник. Везде массы народу, рабочие гуляют веселой толпой с красными флагами, — записала в дневнике графиня Е.Л. Камаровская. — Масса молодежи! То и дело слышно: "Товарищи, всеобщая забастовка!" Таким образом, точно поздравляют всех с самой большой радостью... Ворота закрыты, нижние окна — забиты, город точно вымер, а взгляните на улицу — она живет деятельно, оживленно»

у них были револьверы, гораздо реже — ружья и винтовки. Кроме того, многие были вооружены различным холодным оружием. Конечно, все это могло показаться игрушкой в сравнении с пушками и пулеметами правительственных войск. И все же настроение у дружинников, особенно в первые дни восстания, было радостным и бодрым.

История сохранила нам сравнительно немного имен героев пресненских баррикад. Среди них — расстрелянные царскими карателями Ф. Мантулин, Н. Афанасьев и И. Волков с сахарного завода, М. Николаев и И. Карасев с фабрики Шмита. Но все очевидцы событий единодушно

стояли А.В. Шестаков и А.И. Горчилин. Много сделал для подготовки восстания арестованный 7 декабря член Московского Комитета партии В.Л. Шанцер (Марат).

На Пресне была создана настоящая рабочая республика, во главе которой стоял Совет рабочих депутатов. Здесь была своя комендатура, куда дружинники приводили задержанных подозрительных лиц, продовольственный комитет, организовавший питание рабочих, финансовый комитет, помогавший семьям бастующих, революционный трибунал, судивший предателей и провокаторов.

До прибытия подкреплений из столицы московский генерал-губер-

натор Дубасов не мог справиться с повстанцами. В его распоряжении было меньше полутора тысяч надежных солдат, которые удерживали лишь центр города (6 тысяч солдат колебались и были заперты по приказу Дубасова в казармы). Крупные бои шли на Садовом кольце, Серпуховской и Лесной улицах, на Каланчевской площади. Однако в эти дни не бастовала Николаевская железная дорога, соединявшая Москву с Петербургом. 15 декабря из Петербурга прибыл гвардейский Семеновский полк, и правительственные части перешли в наступление.

В этих условиях Московским Советом было принято решение об ор-

ганизованном прекращении вооруженной борьбы и забастовки.

16 декабря штаб пресненских боевых дружин выпустил воззвание к рабочим, как бы подводившее итоги восстания.

«Товарищи дружинники! — говорилось в нем. — Мы, рабочий класс порабощенной России, объявили войну царизму, капиталу, помещикам... Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу... Весь мир смотрит на нас. Одни — с проклятиями, другие — с глубоким сочувствием. Одиночки текут к нам на помощь. Дружинник — стало великим словом, и всюду, где будет революция, там будет

Император Николай II встречается с делегацией крестьян

и оно, это слово, — плюс Пресня, которая есть нам великий памятник. Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает и хочет раздавить... Мы начали. Мы кончаем. В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим.

Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству... Мы — непобедимы! Да здравствует борьба и победа рабочих!»

18 декабря дружинники прекратили сопротивление. Декабрьское вооруженное восстание потерпело поражение. Не хватало еще опыта, оружия, организованности. Серьез-

ные изъяны были в боевом руководстве восстанием, которому явно недоставало тщательно разработанного плана наступательных действий, не удалось привлечь на сторону революции и армию.

Поражение Декабрьского вооруженного восстания в Москве, вооруженных выступлений рабочих, которые тогда же прошли в Ростове-на-Дону, Красноярске, Чите, Харькове, Горловке, Сормове и на Мотовилихе (Пермь), означало окончание периода, когда сохранялось примерное равновесие между правительственными и революционными силами. Большинство политических партий осудили большевистский курс на вооруженное восстание, признав его авантюристическим и провокационным. Однако Ленин считал, что,

потерпев поражение, рабочие приобрели бесценный опыт, который «имеет мировое значение для всех пролетарских революций».

Память о революции 1905 года закреплена в названиях ряда улиц в районе Пресни, на площади Краснопресненская застава в 1981 году открыт монумент — вечная память о кровавых бессмысленных событиях.

В ходе этих событий 15 декабря полиция задержала 10 дружинников. При них оказалась переписка, из которой следовало, что в восстании замешаны такие богатые предприниматели, как Савва Морозов (в мае был найден застреленным в гостиничном номере в французских Каннах), 22-летний Николай Шмит, старообрядец, унаследовавший мебельную фабрику, а также часть либеральных кругов России, отпускаявших через газету «Московские ведомости» значительные пожертвования «борцам за свободу».

Сам Николай Шмит и две его младших сестры все дни восстания составляли штаб фабричной дружины и координировали действия групп дружинников друг с другом и с руководителями восстания, обеспечивали работу самодельного печатного устройства — гектографа.

Вот им-то чего не хватало — миллионерам?

В 1906–1907 гг. продолжались забастовки, крестьянские выступления, волнения на флоте. Однако в целом революционное движение в это время напоминало арьергард-

ные бои отступающей армии. Царское правительство медленно, но верно восстанавливало контроль над страной.

Центральным событием 1906 года стали сначала провалившиеся выборы в Государственную Думу, а затем — провал выборов II-й Думы, наконец, с третьего захода, этот новый для России орган как бы заработал. Но, ввиду полной своей бесполезности, 3 июня 1907 года он был распущен, что означало окончательное поражение и конец революции.

В апреле 1906 года министром внутренних дел был назначен Столыпин. Альтернативой революции должны были стать реформы, проводимые по его инициативе и при поддержке большинства депутатов III-й Государственной Думы. Земельная реформа (9 ноября 1906) должна была разрушить общину и сделать крестьян собственниками земли, а также создать дополнительную социальную опору для царизма в деревне в лице богатых крестьян (кулаков).

Реформы благотворно сказывались на всей российской экономике, но «профессиональных революционеров» это никоим образом не устраивало: установление в стране мира, порядка и спокойствия в их планы никаким боком не входило. Через пять лет Столыпин был застрелен эсером Багровым.

До Первой мировой войны оставалось всего четыре года... □

Ирина Опимах

Судьбы сплетенье...

*Леонид Пастернак.
Портрет Альберта
Эйнштейна*

Леонид Осипович Пастернак, отец будущего Нобелевского лауреата Бориса Пастернака, родился в Одессе 22 марта 1862 года. Пастернаки, владельцы маленькой гостиницы, считали себя потомками дона Исаака Абарбанеля (1437–1508), теолога, мудреца, легендарного испанского

на медицинский факультет, но вскоре его бросил — ему было невыносимо иметь дело с трупами. Хотя анатомию, то, что нужно знать художнику, он выучил блестяще. Леонид перевелся на юридический факультет (у будущих юристов было больше свободного времени, кото-

В читальном зале математической библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме можно увидеть замечательный портрет одного из основателей университета Альберта Эйнштейна. А автор этого портрета — выдающийся российский художник Леонид Пастернак. (К сожалению, его имя в России не так известно, как имя его сына Бориса, что совершенно несправедливо.) Как случилось, что в старейшем израильском университете оказалась картина российского художника? В этой истории переплелись судьбы трех государств — России, Германии и Израиля, и судьбы выдающихся умов и талантов XX века.

Автопортрет

мыслителя, и очень этим гордились. Родители будущего художника мечтали, что сын получит какую-нибудь приличную профессию, которая даст ему возможность занять достойное место в обществе и получать приличные деньги, а ему больше всего хотелось рисовать. В результате он поступил в московский университет

рое он мог потратить на искусство), а потом — в одесский университет, поскольку тамешнее начальство разрешало студентам выезжать за границу, а Леониду очень хотелось

*Портрет
Ю.Д. Энгеля*

поучиться живописи у настоящих мастеров. В 1883 году он отправился в Мюнхен, где легко поступил в мюнхенскую Королевскую академию искусств. Талантливый и умеющий работать юноша уже через два года экстерном окончил одесский университет (получил диплом юриста) и с золотой медалью — мюнхенскую академию! А потом ему пришлось послужить в армии (в артиллерии), и первую же его работу, «Письмо с родины», навеянную военной жизнью, приобрел сам Третьяков! Это

было уже признание его профессионализма как художника, и казалось ему даже важнее, чем мюнхенская золотая медаль.

В 1885 году Леонид познакомился с очаровательной и невероятно одаренной одесской пианисткой Розалией Кауфман. Они очень понравились друг другу. Розалия была на шесть лет младше, но уже многого достигла в жизни. В Одессе о ней вышла небольшая книжка, молодую пианистку, выпускницу венской консерватории, с восторгом принимали

в лучших залах Европы. А Леонид к моменту их встречи был всего лишь начинающим художником, и, понятное дело, что сразу сделать предложение юной, но уже такой знаменитой артистке он не посмел. А когда его картину купил сам Третьяков, причем за немалые деньги, он решился, Розалия ответила ему «Да!» и 14 февраля 1889 года они поженились.

После свадьбы Пастернаки переехали в Москву. Здесь он нашел близких по духу людей — подружился с Левитаном, Нестеровым, Поленовым, а тот познакомил его с Ге. Розалия понимала, что ей придется прервать артистическую карьеру, но ради любимого супруга она была готова на все, да и врачи советовали сделать небольшой перерыв — годы концертной деятельности истощили ее организм. Через год у них родился сын Борис, затем появился Александр, а потом и дочери — Жозефина и Лидия. Дети и жена стали излюбленной темой художника, его картины, наполненные светом и теплом, хорошо продавались. «Дети нас кормят», — шутили старшие Пастернаки. Их дом Розалия сумела превратить в центр художественной жизни города. Здесь бывали Скрябин и Рахманинов, Балтрушайтис, Шаляпин, другие известные музыканты и писатели, художники и поэты. Гости читали свои произведения, слушали музыку в исполнении хозяйки и ее друзей, а хозяин дома в это время делал их портреты. Особенно Пастернаки подружились с Львом Ни-

колаевичем Толстым — они часто бывали в его московском особняке и в Ясной Поляне, бывал и Толстой в их доме.

В 1894 году Пастернаку предложили стать профессором в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но при этом намекнули, что было бы неплохо, если бы он принял крещение. Предать веру отцов? Это казалось просто невыносимым! «Я вырос в еврейской семье и никогда не пойду на то, чтобы изменить своей вере для карьеры или вообще для улучшения своего социального положения», — ответил Пастернак. Однако ему это простили, и он проработал в училище целых 25 лет. В 1905 году в возрасте 43 лет он стал академиком живописи. К этому времени Леонид был уже известным художником, постоянным участником всех крупнейших московских и петербургских выставок, блестящим портретистом и лучшим иллюстратором сочинений Толстого (так, иллюстрации к «Воскресению» экспонировались на Всемирной выставке в Париже в 1900 году и были удостоены медали), а его картину «Студенты перед экзаменом» приобрел парижский Люксембургский музей. (Она стала в музее первой картиной кисти российского художника и сейчас хранится в Орсе.)

После 1917 года Пастернаку пришлось писать портреты многих деятелей Октябрьской революции, среди них и В.И. Ленина. Несмотря на это, ему многое не нравилось

Справа:
*Борис
и Александр*

*Авто-
портрет
с женой
Розалией
Кауфман*

в новой власти и новых порядках. Так или иначе, в 1921 году Пастернаки решили уехать в Германию, чтобы подлечиться. Они взяли с собой дочерей, а сыновья остались в

России. Поначалу считалось, что Леонид Осипович и Розалия Исидоровна едут ненадолго, но жизнь сложилась так, что больше они на родину не вернулись.

Супруги с дочерьми обосновались в Берлине. Жозефина поступила в университет на философский факультет, а Лидия — на биохимический. Все складывалось неплохо. И Леонид Осипович после мучительных, полных лишений московских послереволюционных лет испытывал новый творческий подъем. Он легко освоился в художественном мире Берлина — писал городские пейзажи, но в основном портреты, среди которых много ученых, художников и писателей того времени. Среди них — Рильке, Гауптман, Ловис Коринт, Макс Либерман, А. Ремизов, Лев Шестов, Луначарский и Прокофьев.

В то время, в начале 1920-х годов, берлинское посольство РСФСР (а потом — СССР) было настоящим

культурным центром. Большевики стремились доказать всему миру, что в новой России, стране диктатуры пролетариата, власть получили не какие-то дикари, а люди вполне культурные, что там рождается новая, гуманистическая цивилизация. В посольстве выступали российские писатели и поэты, устраивались музыкальные концерты, пользовавшиеся в Берлине большой популярностью. Пастернаки тоже часто их посещали. И бывало, что Розалия Исидоровна садилась за рояль. На одном из таких вечеров присутствовал Альберт Эйнштейн. Лидия Пастернак так рассказывала о первой встрече родителей с великим ученым:

«Впервые мои родители и Эйнштейны познакомились в советском посольстве в Берлине. Посольство

было тогда важным общественным местом в сердце немецкой столицы. Оно располагалось прямо на улице Унтер ден Линден. Это было небольшое, но заметное здание. Туда ходили послушать концерт, лекцию, посмотреть короткий театральный спектакль или принять участие в непринужденном общении. <...> Однажды в этом посольстве моя мама играла на пианино, и кто-то спросил ее, не могла ли бы она сопровождать Эйнштейна. Однако Эйнштейн воспротивился. Он сказал: "Я не рискну выступить после такой искусницы!" Все же мама его уговорила. И он действительно играл,

а она аккомпанировала ему. А отец все это зарисовал. Так возник лист, где нарисован играющий на скрипке Эйнштейн».

После той первой встречи Пастернаки и Эйнштейн подружились, ученый с удовольствием позировал Леониду Осиповичу. Наверное, им было о чем поговорить во время сеансов. Пастернак оказался интересен создателю теории относительности. «В 1924 году на улице Байеройтер был сделан первый большой портрет Эйнштейна, — вспоминала Лидия Леонидовна. — В конце двадцатых-начале тридцатых годов были созданы другие работы. <...>

«К родным»

Слева:
*Лев
Толстой*

...Самой собой разумеется, что мои родители и Эйнштейны состояли в дружеских отношениях. Свидетельством тому служат портреты Эйнштейна, сделанные моим отцом, лучшие из которых остались в нашей семье».

Хаим Бялик, ивритский поэт первой величины, вспоминал, что гениального физика очень увлекало художественное творчество: «Эйнштейн рассказывал мне, что для него соз-

дание картины, включая и его собственные портреты, было всегда и неизменно захватывающим, ибо его изумляло обилие самостоятельных этапов творческого процесса. <...> Вдобавок он любил атмосферу художественных мастерских, где, благодаря нетривиальному зрению художников и их неутолимой страсти к исследованию, он чувствовал себя партнером выдающихся интеллектуалов. Это естественно приводило

к возникновению человеческой близости. <...> Его знакомства и последующая дружба с художниками, встретившимися Эйнштейну в Берлине, начались с живописца, которого я не имел чести лично знать: это Леонид Пастернак. <...> Пастернак неоднократно делал с него наброски, а также писал. Во время их сеансов этот впечатлительный и высокоинтеллигентный художник наверняка снискал его уважение, поверяя Эйнштейну секреты искусства портретирования. С тех пор, так он мне рассказывал, портреты стали для него отдельной темой изобразительного искусства, которая вызывала его на разговор».

Один из той серии пастернаковских портретов Эйнштейна и оказался в иерусалимском университете, который был открыт 1 апреля 1925 года. Эйнштейн многое сделал для того, чтобы это стало возможным, в частности, в 1921 году собирал в США пожертвования, а в 1923 году прочел на горе Скопус, там, где только еще предстояло возвести здание университета, лекцию о теории относительности — первую научную лекцию будущего университета. Послушать выдающегося ученого пришли тогда верховный комиссар мандатных властей Герберт Самуэль и все видные люди города. В 1925 году Эйнштейн был избран академическим директором университета, (и потом много лет состоял членом попечительского совета). Неудивительно, что накануне его офици-

ального открытия руководство решило приобрести живописный портрет «самого великого ученого нашего времени».

В то время существовало уже несколько портретов Эйнштейна кисти разных художников, тем не менее, предпочтение было оказано именно работе Пастернака. Это был достойный выбор: характер Эйнштейна, его доброжелательность, ум, были схвачены Леонидом Осиповичем великолепно, да и по цвету портрет очень выразителен.

В конце 1930-х годов новые власти Германии стали выселять русских и евреев. Вынужден был уехать в США и Эйнштейн, а его друзья Пастернаки решили вернуться в Россию, но сначала заехали в Англию навестить дочерей.

Розалия Исидоровна умерла за два дня до начала Второй мировой войны. Это был страшный удар для Леонида Осиповича. Они столько лет прожили вместе, и он никогда не забывал, что Розалия ради него, ради семьи забыла о своих честолюбивых устремлениях, о своей карьере.

Жозефина Пастернак вспоминала: «В начале тридцатых годов мы проводили лето у знакомых, сдававших комнаты, в Баварских горах. По вечерам собирались в гостиной, болтали, пили кофе, прелестная блондинка Марья Александровна С. (бывшая воспитанница Смольного) пела, хозяйка дома играла на рояле. Однажды вечером кто-то из присутствующих заметил, обращаясь к мо-

«Вести с родины»

ей матери: «Да ведь вы, кажется, пианистка? Не сыграете ли нам чего-либо?» Мама села за рояль. Она выбрала сонату Бетховена, из его последних. Когда она закончила играть, в зале воцарилась совершенная тишина. Мама, не поднимая глаз, встала и скромно поклонилась гостям с едва заметной улыбкой. Не ожидавшие такой игры этой едва знакомой им женщины, они не решились нарушить тишину аплодисментами.

Когда мы поздно вечером возвратились в наши комнаты, отец взволнованно обратился к маме: «Ты — художник больший, чем я. Я виноват перед тобой тем, что женился на тебе: мне и детям ты пожертвовала собой и своей музыкой».

Леонид Осипович дожил до победы и умер 31 мая 1945 года, в Оксфорде, окруженный любовью близких. Альберт Эйнштейн пережил любимого портретиста на 10 лет. Леонида Пастернака похоронили рядом с женой. На надгробном камне выбито стихотворение «Август» их сына Бориса:

*Прощай, размах крыла
расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.*

Борис Пастернак писал об отце: «Удивление перед совершенством его мастерства и дара, перед легкостью, с которой он работал (шутя и играючи, как Моцарт), перед многочисленностью и значительностью

Справа:
Три
музыканта

Автопортрет

сделанного им, — удивление тем более живое и горячее, что сравнения по всем эти пунктам посрамляют и унижают меня. Я писал ему, что не надо обижаться, что гигантские его заслуги не оценены и в сотой доле, между тем как мне приходится сгорать от стыда, когда так чудовищно раздувают и переоценивают

мою роль... Я писал папе... что, в конечном счете, торжествует все же он, он, проживший такую истинную, невыдуманную, интересную, подвижную, богатую жизнь, частью в благословенном своем XIX веке, частью — в верности ему, а не в диком, опустошенном нереальном и мошенническом двадцатом...»

Сегодня память о Леониде Пастернаке жива (во многом благодаря усилиям его дочерей Жозефины и Лидии, скончавшихся в 1989 и 1993 годах). И в России, и в Англии устраиваются его выставки, издаются книги, посвященные его творчеству. Многие его работы были куплены Третьяковской галереей и другими

российскими музеями. В оксфордском доме, где он умер, ныне его музей. И конечно, его помнят в Иерусалиме — все посетители Еврейского университета, глядя на пастернаковский портрет Эйнштейна, вспоминают российского художника, запечатлевшего на холсте образ творца современной физики. □

Сергей Безруков:

*«Я отдаю
предпочтение
нравственной
чистоте»*

В преддверии новогодних праздников нашей редакции повезло, потому что на наши вопросы согласился ответить один из тех профи, кого любит страна. Он выкроил немного времени для интервью, несмотря на свою титаническую занятость. У нас в гостях заслуженный артист РФ, лауреат Государственной премии РФ Сергей Безруков.

— У каждого в памяти волшебное место занимает первая елка детства. Какой она была у вас?

— Наверное, первый класс. И я помню костюм морячка, который папа сам сшил для меня. Он взял из театра бескозырку, подогнал по размеру матроску, тельняшечку. У меня был самый лучший костюм!

— Принимали ли вы участие в детских постановках? В саду? В школе? И что вам это дало? И что от этого осталось?

— Я играл в детском мюзикле «Гуси-лебеди» Иванушку. Что осталось? Осталась профессия.

— Сколько вам было лет, когда вы перестали верить в Деда Мороза?

— Не помню, всегда верил и сейчас верю, почему бы и нет, это очень доброе и светлое...

— Вы загадываете под Новый год желания?

— Конечно. Как и все.

— И они сбываются?

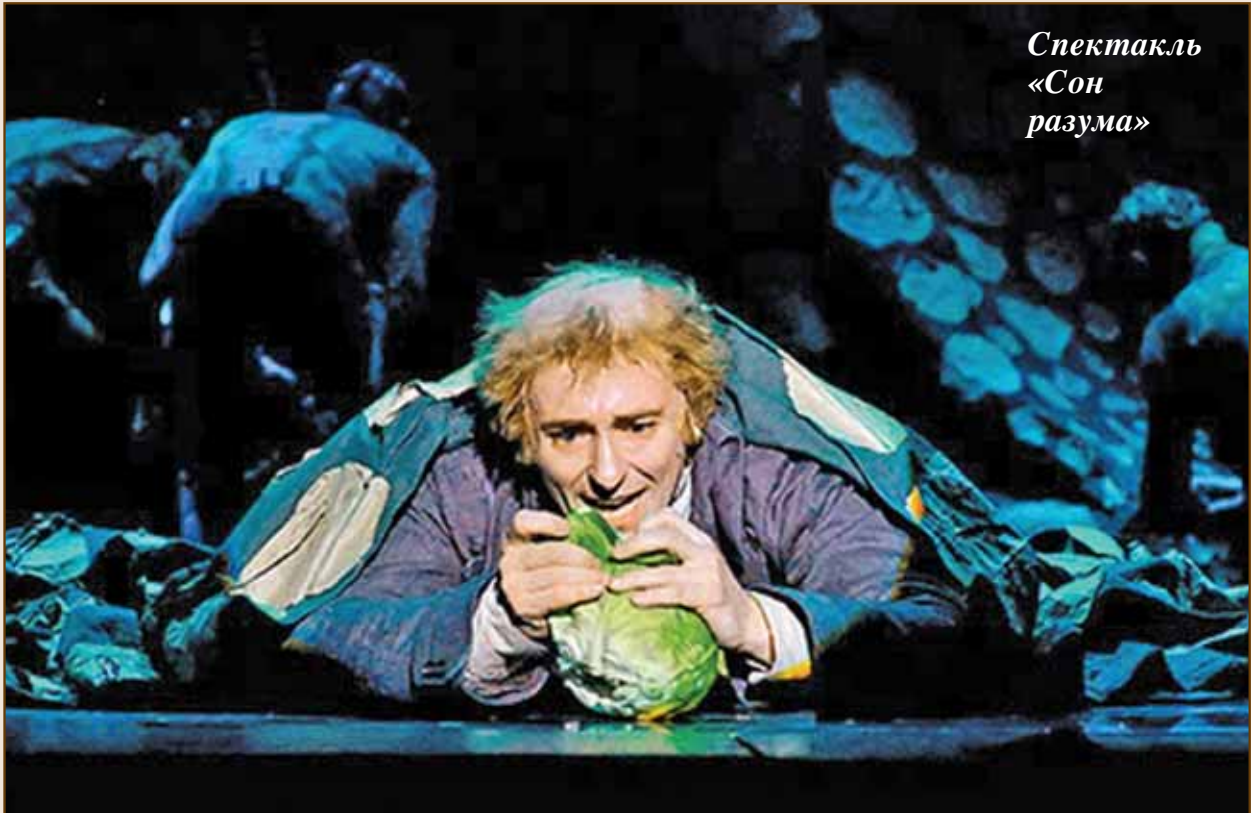
— Иногда — да.

— Артистическое перевоплощение — это тоже своего рода волшебство. Как долго вы готовите «чудо» перевоплощения? Или оно получается произвольно, само собой?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Это актерская кухня, это секреты, которые не хотелось бы разглашать.

— Вам нравится ваша фамилия?

— Очень. Мой род Безруковых относился к крепостным. Россия всегда держалась на мужике. Мои предки участвовали в бунтах, все они были мощные, свободолюбивые.

*Спектакль
«Сон
разума»*

— Что любит есть на завтрак артист (кроме любопытных слонят, конечно)?

— На самом деле, что-нибудь легкое. Если же припоминать завтраки 1 января — это всегда приятно. Это может быть практически все, что собрано с праздничного стола. И непременно вкусно. С детства сразу приходят на память разные дефициты, которые с трудом доставались к празднику: сервелат, разные нарезки, шпроты, икорочка. С утра продолжался спокойный своеобразный пир. Сейчас я не вегетарианец, но стараюсь питаться отдельно и правильно. С утра каши, овсянка, например. Почти по-английски. Раздельное питание полезно не только для здоровья, но и для поддержания красоты тела, внешнего вида — ведь

пока еще играем героев. Да и просто нравится.

— Фильм о Есенине ожидался несколько другим. Ведь в последнее время стали оглашаться факты, которые народ знал давно. Например, то, что великий русский поэт погиб не своей смертью, а был уничтожен по приказу Троцкого, когда тиран попал в его поэму «Страна негодяев», как Лейба. Поэта хоронила вся Москва. Его отпевали в церкви, несмотря на то, что «самоубийца» не отпевают. Все знали, что это было ритуальное убийство. Многие ждали, что в фильме будет показана эта сторона правды. Есть ли перспективы доснять серии о создании

Сергеем Есениным его действительно талантливых крупных произведений? О его гибели? О расследовании убийства? Нужен ли подобный проект?

— На всю страну показать фильм с названием «Есенин. История убийства» — это уже подвиг. А что касается конкретики: ведь истины до конца никто еще так и не знает. И

признанная официальная версия — это самоубийство. Все дела закрыты. Поэтому я лично считаю, то, что произошло и показано на центральном телеканале, на самом деле — большой гражданский подвиг. Показать удар в лицо и проломленный череп. Это определенный жанр, волнующий зрителя, — детективная история. И в последней

серии остались одни вопросы. Пока к этому нечего добавить.

— Из поколения в поколение передавались народные песни на стихи Есенина. Не те общеизвестные романы, одобренные цензурой, а запрещенные властью того времени. Песни выжили, несмотря на годы репрессий. А вы их слышали?

— Я слышал общепризнанные: «Отговорила роща золотая», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Плач тальянки». Но с удовольствием послушал бы и те, которые пели в старину.

— Фильм о Пушкине понравился более всего. Самым неожиданным моим личным удивлением в свое время было то, что на портрете Кипренского, который выставлен в Третьяковке, у Пушкина синие глаза. Хотя в советское время его изображали с карими. А у вас с какими личными открытиями связана работа над лентой о Пушкине?

— Я не до конца доволен этой работой. Она несколько другого масштаба, чем представлялось. Мне бы лично хотелось, чтобы Пушкин был в ней не таким фрагментарным. Да и сама идея фильма — последние дни жизни, не знаю, правильна ли она. Получилась бытовая история, где встает извечный вопрос: кто виноват в смерти, кому это было выгодно? Я не большой сторонник разбирательств. Мне бы больше хоте-

лось заниматься поэзией, показать Пушкина творцом. Получается парадокс — и Есенин, и Пушкин были в жизни хулиганами. Но что позволительно им, непозволительно другим. Сложная жизнь. Невероятное количество женщин. Но хотелось изобразить не это — показать душу нараспашку — когда человек горит, пожаром полыхает. И жизнь горела, и они горели. И согревают до сих пор. А Пушкин был гениален во всем, с него, по сути, и начинается наш современный литературный русский язык, каким мы его теперь видим. Не только в поэзии, но и в прозе. Это святое. Это и есть открытие. И дай бог, чтобы о нем было много сказано. Я играю в театре Пушкина. Играю не тот рукотворный памятник из бронзы. Он был очень живой — то самое вечное, что привлекает в нерукотворном Пушкине с каждым новым столетием. Подлинные слова Есенина и Пушкина шикарно звучат сейчас с их чувственностью и болью за Россию. Даже любовь к женщине и упоение женщиной, все это прочувствованно: либо душа поет, либо она обливается кровью. Это все зримо, это все можно ощутить, это волнует до сих пор. И они были живые, настоящие. Именно такими я и хотел показать их. И трагедию гения, потому что в то время было много завистников и недоброжелателей, которые патологически ненавидели Пушкина. Как и Есенина. Проблема Моцартов и Сальери вечна.

— Во что вы больше верили, когда столь достоверно перевоплощались в Иешуа в фильме «Мастер и Маргарита», — в Евангелие, в творение Булгакова или в реальность?

— Иешуа Га-Ноцри — это Евангелие от Булгакова. Это его придуманная история.

Это фантазия великого художника и мастера. И как гений, он имел право на свою трактовку. Иешуа — его литературный герой.

— Мы с трудом узнавали вас в этой роли. Вы играли саму

любовь, получилось невероятно правдоподобно. Какие ощущения связаны с этой картиной?

— Мне самому было необходимо постичь все глубинные таинства образа. Актерская игра, как ни странно, ко многому приучает. Эмоционально начинаешь перестраиваться. После Есенина — бунтаря, которого часто представляют златокудрым Лелем, который в то время, когда все остальные могли лавиро-

вать между Троцким, Каменевым, Зиновьевым, оставался сам по себе личностью. Ядерный взрыв энергии! Как раз из тех самых крестьян — бунтарей. И после роли поэта для меня было очень важно, когда Владимир Бортко пригласил на роль Иешуа. Невероятно тяжелое перевоплощение — убийц, насильников: всех! — называть добрыми людьми... Мы снимали в то время, когда произошли события в Беслане. И,

поверьте, было сложно согласиться с Га-Ноцри. Но, в конечном итоге, я в это поверил. Я поверил, что все равно все люди рождаются добрыми, чистыми младенцами. Что потом происходит? Борьба Бога и Дьявола, которые борются за наши души.

— Вы далеки от политики?

— Я отнесу себя к актерам-профессионалам. Не верю политикам. Но в то же время испытываю гордость за страну, когда говорит Путин. Его речь эрудированна, импровизационна. Он легко может заткнуть за пояс любого со своим блестящим юмором! Без бумажки, без подсказки. Как раньше, помните, лидеры читали, запинаясь, подготовленные тексты? А когда слушаю Путина, думаю каждый раз: «А ведь хорошо, а здорово сказал!» Мне такой человек очень симпатичен.

— Если бы вы были президентом РФ, какое свое действие сочли бы самым необходимым, приоритетным?

— Я понимаю, что в стране много проблем, социальных, экономических, опять же, дороги... Но если бы случилось такое чудо — немного вмешаться в правление страной, отдал бы все приоритеты культуре. Чистоте экологической и нравственной. Ведь без культуры не будет ни экономики, ни социалки, ни дорог, ни развития в каждом доме, в каждой семье, на каждом предприятии.

— Каким считаете молодежный возраст? И сами все еще ощущаете себя молодым?

— Думаю, все зависит от человека, и в 60 и в 70 некоторые чувствуют в себе ребенка. Что касается лично меня — как вам сказать? Бесспорно, ощущаю, хотя некоторые говорят, что порой у меня бывают очень грустные, «взрослые» глаза.

— Ваши герои — все молодые, азартные, неординарные...

— Да. Это так. В фильме «Колчак» я сыграл генерала Каппеля, правую руку адмирала Колчака. Предсмертная фраза моего героя просто потрясающая, она обращена к войскам: «Я любил Родину, любил их и своей смертью доказал это». Поражает преданность этих людей России. Своему делу. И мне это очень близко.

— Что бы вы хотели пожелать нашим читателям перед наступающим Новым годом?

— Предстоящее время ожидается сложным. Вскоре начнутся президентские выборы. Хотелось бы, конечно, чтобы после них ничего не изменилось в худшую сторону. Чтобы осталось ощущение спокойствия и стабильности. Чтобы по-прежнему снималось хорошее кино. И чтобы всем нам было хорошо! □

Беседовала **Светлана Савицкая**

ПОЕДИНОК

Последний рабочий день недели подходил к концу. В офисе стояла невыносимая духота, так как с утра не работал кондиционер. Секретарь-референт позвонил в ремонтную мастерскую. Заявка была принята, но мастер так и не пришел.

Сергей подошел к открытому окну. Сухой южный ветерок дохнул в лицо. Сняв галстук и расстегнув ворот белоснежной рубашки, он раздраженно произнес:

— Конец августа, а такая духотища!

— На речку бы да в лесок, — мечтательно подхватил Мишка, — говорят, что грибы пошли. Мои знакомые в прошлые выходные ездили в Михайловку и привезли полную корзину груздей.

— А что, там дожди прошли? — спросил Сергей друга.

— Да, и сильные. Грибы поперли!

— Все, завтра беру Наташку с Ромкой, и махнем в Михайловку. Там и река, и лес. Скоро лето пройдет, а мы еще ни разу не были на природе.

Наталья Георгиевна взглянула на часы. «Около семи, пора собираться домой», — подумала она. Прошло три года с тех пор, как ей, молодому специалисту, доверили возглавить хирургическое отделение центральной районной больницы. Наташа открыла дамскую сумочку, достала зеркальце и губную помаду, но рев сирены «скорой помощи» заставил положить все обратно, и она помчалась в приемную. Санитары на носилках внесли

прилично одетого мужчину средних лет с белым, почти как мел, лицом. Врач «скорой» сообщила, что у пострадавшего колото-резаная рана в правом боку, а нашли его рыбаки на берегу реки. Осмотрев больного, Наташа пришла к выводу, что нужно срочно оперировать.

Операция длилась около двух часов.

Выйдя из операционной, она увидела молоденького полицейского, и ей пришлось дать показания о поступившем больном, о прошедшей операции и его состоянии на этот час. Лейтенант старательно и подробно записывал все в блокнот. Затем появились перепуганные родственники, и только к одиннадцати часам ночи ее оставили в покое. Заглянув к больному и удостоверившись, что с ним все нормально, Наташа уехала домой.

Открыв ключом дверь, увидела в коридоре два рюкзака: маленький оранжевый Ромки, и большой брезентовый — мужа. В углу стояли две корзинки и маленькое ведерко сына. Тут она вспомнила, что завтра они собирались отправиться семьей на отдых в лес. Из гостиной вышел Сергей и обрадовано произнес:

— Натусик, я уже думал, что наша поездка сорвется. Ромка весь вечер готовился. Он так тебя ждал!

— Больного пришлось срочно оперировать. Завтра дежурит опытный врач, и мы можем спокойно поехать за грибами, — устало произнесла Наташа.

Пока муж подогревал ужин, она тихонечко, чтоб не разбудить шестилетнего сынишку, вошла в детскую, подошла к кровати, где, свернувшись калачиком, мирно спал Рома. «Как он похож на Сережку! Такой же остренький носик, такие же чуть раскосые глаза... Большой стал», подумала Наташа и, поцеловав сына в лобик, вышла из комнаты.

Поужинав и проверив содержимое рюкзаков, супруги отправились спать. Завтра у них долгожданный день, день тихого семейного счастья...

Звонок мобильного телефона разбудил Наташу. Она быстро посмотрела на часы. Стрелки показывали половину шестого. Открыв телефон, она увидела, что трезвонит Скворцов, дежурный врач ее отделения, и встревожено прошептала:

— Слушаю.

— У прооперированного вечером больного началось кровотечение, — донесся до нее голос врача. — Наталья Георгиевна, вам нужно срочно приехать! Я за вами сейчас вышлю машину «скорой помощи».

— Еду! Подготовьте операционную, — решительно бросила она и, окончательно проснувшись, отправилась в ванную.

Приведя себя в порядок, Наташа зашла на кухню выпить чашку кофе и увидела сонного, с растрепанной шевелюрой, мужа.

— Наташ, ты надолго? — растерянно спросил он.

— Не знаю, скорее всего, на весь день.

— А как же наша поездка? Мы ведь Ромке обещали.

— Что делать, Сереженька?! — развела она руками и, немного помолчав, добавила: — Профессия у меня такая — людей спасать. Вы поезжайте вдвоем, а вечером все вместе приготовим вашу добычу.

Поцеловав мужа, она выскочила во двор, где ее уже ожидала машина.

Сергей зашел в комнату к сыну, потрепал его по плечу и громко произнес:

— Просыпайся! Нас ждет лес!

Сын открыл глаза, потянувшись, сел на кровати.

— Пап, а мама где?

— Маму вызвали на работу. Надо человека спасать, но ты не волнуйся, мы вернемся, а она уже будет дома.

Ромка захныкал:

— Давай маму подождем, — захныкал Ромка. — Она вернется, и мы вместе пойдем в лес.

— Нет, Ромочка, она придет поздно. У нее тяжелый больной.

— Тогда давай позвоним ей, — заплакал уже во весь голос сын.

Сергей набрал номер телефона Наташи. Пошли длинные гудки. Один, второй, третий, четвертый... Наконец чей-то незнакомый голос ответил, что Наталья Георгиевна поднялась в реанимацию к больному. Сергей, положив телефон в карман, повернулся к Ромке:

— Ну что, Роман, мы едем или нет?

Ромка любил ездить с отцом на машине и, быстро вытерев слезы, согласно кивнул.

Забрав рюкзаки и корзины, отец и сын вышли во двор. Белая «авео» стояла под окнами их квартиры. Ромка взял у отца ключ, отключил сигнализацию. Положив в багажник рюкзаки, отец завел машину и, подмигнув сыну, сказал:

— Ну что, поехали?!

— Поехали, пап!

Машина сначала петляла по узким улицам города, а затем выбралась на трассу и помчалась с большой скоростью. Монотонный шум шин об асфальт убаюкивал Ромку, и он уснул.

— Ну что, грибник, просыпайся! Приехали! — разбудил его Сергей.

Ромка, протирая глаза, вышел из машины. Ярко светило солнце. Вдалеке за неширокой полоской подсолнечника виднелась дорога, а впереди раскинулся лес, большой и таинственный. Приветливо шелестели березы, громко, на разные лады, пели птицы, стрекотали кузнечики. От цветка к цветку, собирая нектар, порхали разноцветные бабочки. Одна из них, коричневая с черными пятнышками на тончайших крыльях, села на голубой цветок. Ромка, стараясь не шуметь, на цыпочках подкрался к ней, но та быстро вспорхнула и улетела.

— Оставь, пусть летает. Пойдем, мой охотник, грибы искать, — рассмеялся Сергей.

— Пап, а как их искать?

— Вот увидишь бугорочек, аккуратненько его раскопай. Там грибок найдешь.

— А почему они прячутся от нас?

— Чтобы в корзинку к нам не попасть. Бери ведерко, ножик и пошли.

Они вошли в лес. Солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву, высвечивая небольшие потаенные участки, и от этого лес казался еще более загадочным и таинственным.

— Пап, а почему здесь так тихо? — спросил Ромка.

— В лесу днем всегда тихо. Он отдыхает, а вечером снова оживет.

Вдруг Ромка остановился, а затем радостно закричал:

— Папа, я нашел гриб! А ты говорил, что их надо раскапывать. Смотри, какой красивый! Красный и в пятнышках!

— Этот гриб брать нельзя! — строго ответил Сергей. — Этот гриб называется мухомор, и он очень ядовитый!

Ромка спрятал руки за спину, отступил на шаг назад и удивленно произнес:

— Ух, ты! А такой красивый!

— Пойдем, Рома, искать хорошие грибы, — усмехнувшись, сказал отец. Не все, что красиво, полезно!

Взяв сына за руку, он углубился в лес. Вскоре был найден первый гриб — белый груздь, с волнистыми краями, с прилипшим желтым листочком. Ромка, присев на корточки, рассматривал находку.

— Пап, он такой большой!

— Ты внимательно посмотри, где один гриб, там и второй, и третий. Грибы растут семьями.

— Как семьями? удивился Ромка. — У них что, есть мама и папа?

— Ну, наверное, так, — неопределенно ответил отец.

Вскоре был найден еще один гриб, а затем еще, чуть поменьше.

— Маме покажу, какую я семью нашел! — гордо проговорил Ромка.

Побродив немного по лесу, они нашли еще одну грибную полянку. Грузди росли по кругу. Сергей осторожно срезал их и складывал в корзину, которая была уже заполнена наполовину. Ромка, взяв на себя роль сыщика, палкой поднимал старую листву и радовался, когда находил очередной гриб.

— Пап, а это что? — показывая на муравейник, спросил он.

— Не трогай, и пошли отсюда. Это домик муравьев, — ответил отец.

— Ух, какой огромный! А я думал, что муравьи живут под землей.

И они побрели дальше.

Лес был сырой от недавно прошедших дождей, а некоторые места, где стояла вода, приходилось обходить. Вдруг Сергей остановился и стал

всматриваться в оставленные следы. Когда-то, проходя срочную службу в войсках ВДВ, он изучал курс выживания в лесу и по следам мог определить, как давно, и какой зверь здесь проходил. Он взял сына за руку и тихо произнес:

— Сынок, пошли отсюда. Давай быстренько!

Повернув назад, они пошли по направлению к машине. Ромка не успевал за отцом, и ему приходилось все время бежать. Наконец, обессилев, он спросил:

— Пап, а почему надо быстро уходить?

— Мы набрали на кабаньи следы. Недавно здесь прошел вепрь. А с ним лучше не встречаться!

После обеда лес преобразился и стал наполняться разными звуками: стуком дятла, трескотней сорок, пением птиц, но Сергею было не до лесных красот. До его слуха донесся гулкий треск сломанной сухой ветки.

— Рома, совсем немножко осталось. Вон за теми деревьями должна стоять наша машина, — подбадривая сына и показывая рукой на три крепких дуба, сказал Сергей. Немного помолчав, видно, что-то обдумывая, он продолжил: — За машиной подсолнечник и трасса. В случае чего, беги туда и маши руками. Кто-нибудь остановится.

— Пап, а что должно случиться? — недоуменно спросил Ромка.

— Ничего с нами не случится. Давай поторапливайся, нас мама ждет! — с улыбкой сказал отец, и они пошли по направлению к дубам.

Сергей спиной чувствовал зверя, и не ошибся. Послышался повторный хруст сломанных веток в кустах, метрах в десяти от них.

— Сынок, вот тебе ключи от машины. Как открывать, ты знаешь. Если скажу — беги, значит, беги! Что бы ни случилось — из нее не выходи!

Зверь был рядом. Сергей всматривался в кусты, откуда доносились звуки.

— Стой, сынок, не шевелись! — вдруг шепотом, но настойчиво приказал он.

Отец с сыном спрятались за дерево, в надежде, что кабан их не заметит и уйдет.

«Угораздило же нас!» — подумал Сергей.

Средних размеров секач с острыми изогнутыми кверху клыками вышел из кустов. Он что-то смачно жевал. Кабан стал принюхиваться, поворачиваясь всем телом в сторону Сергея и Ромки. Его хвост застыл. «Унюхал все же!» Ромка выглянул из-за спины отца:

— Какой страшный! Я боюсь его!

Кабан увидел их. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, а затем секач, подняв хвост вверх, молниеносно ринулся на врагов, которые помешали его трапезе.

Сергей кинул в него корзину, что еще сильнее раззадорило зверя. Пролетев с корзиной на голове несколько метров, он повернул назад и стал

тереться о дерево, пытаюсь снять с головы поклажу. Вскоре ему это удалось, и разъяренный кабан стал искать своих обидчиков. Он снова принюхался, пошел в атаку, но Сергей успел увернуться, и клык секача вошел в дерево. Не дав зверю опомниться, он обхватил кабанью голову и, прижав ее к дереву, прохрипел:

— Ромка, в машину!

Сын помчался к дубам, а Сергей изо всех сил продолжал удерживать кабана. Тот хрипел, упираясь ногами, пытался выбраться, но силы были неравны, и вскоре секач вырвался из западни.

Несколько минут он стоял, приходя в себя, а потом снова ринулся в бой. Сергей отпрянул в сторону, но один из клыков слегка задел левую ногу. Нестерпимая боль пронзила все тело. Раздумывать было некогда. Схватив лежащий поблизости толстый дрын, он, размахнувшись, ударил секачу между глаз. Кабан остановился и получил второй мощный удар по голове. Следом посыпалась серия тяжелых ударов, которые свалили его с ног, и Сергей набросился на него с ножом.

Сколько длилась схватка, он не знал, но ему казалось, целую вечность. Лежа рядом с поверженным зверем, истекая кровью и теряя сознание, он увидел бегущих на помощь людей. Кто был с битой, кто с лопатой, а кто с монтировкой. «Молодец Ромка! Догадался выскочить на дорогу и позвать на помощь», — успел подумать Сергей.

«Ну и денек выдался!» — присев на стул в ординаторской, подумала Наташа. У прооперированного вчера больного открылась застарелая язва. Наташе пришлось собирать консилиум, на который был приглашен главврач больницы, дежурный врач терапевтического отделения и следователь, ведущий это дело. Решили лечить медикаментозно.

Тут всполошились родственнички. Посыпались обвинения и угрозы, а следом звонки из области. У больного были обширные связи, а он сам оказался крупным бизнесменом. К обеду кровотечение удалось остановить.

Наташа села в кресло и стала описывать историю болезни. На душе было беспокойно. Словно предчувствуя беду, заныло сердце. Она встала и пошла на второй этаж в реанимацию. Михаил Иванович, так звали больного, спал. Дыхание было ровным и спокойным. Медсестра доложила о состоянии давления и пульса. Все было в пределах нормы.

Но тревога не оставляла Наташу. Она вышла в коридор, достала телефон и позвонила Сергею. Ей ответили, что абонент вне зоны действия. «Видно, они еще в лесу», — подумала Наташа и, подойдя к окну, задумчиво всмотрелась вдаль. Внезапно перед глазами встала картина знакомства с Сергеем.

Это было восемь лет назад, теплым октябрьским днем. Наташа, стройная белокурая девушка, проходила практику в поликлинике. Ее определили

на прием в хирургический кабинет набираться опыта у высококлассного специалиста, Семена Петровича Дробыша.

Семен Петрович был человеком строгим и немногословным, но дело свое любил и знал. Это он научил Наташу не бояться крови, делать перевязки и накладывать швы.

Однажды в кабинет вошел высокий темноволосый парень, таща своего друга. Ступня того была перебинтована, повязка пропиталась кровью. Парень, которого звали Сергей, объяснил, что друг наступил на стекло и порезал ногу. Семен Петрович, осмотрев рану, велел Наташе ее обработать и зашить.

На следующий день она увидела Сергея снова. Он поджидал ее на ступеньках поликлиники с большим букетом цветов. На ее вопрос: «Зачем?» ответил: «От друга».

Затем они гуляли по городу и болтали ни о чем. На следующий день Сергей снова появился с букетом цветов, который тоже был от благодарного друга. Сергей стал приходить каждый день и провожать Наташу домой. Через полгода они поженились.

От воспоминаний ее отвлек зазвонивший в кармане телефон. «Слава богу, это Сережка!» — обрадовано подумала она и быстро поднесла трубку к уху.

«Наталья Георгиевна, спуститесь в приемную! Срочно нужна ваша консультация», — сказала медсестра.

Наташа спустилась на первый этаж. Ординатор Елена Аркадьевна сообщила, что поступил молодой мужчина, раненый диким кабаном. Что мужчина без сознания и потерял много крови. С ним был ребенок, который сейчас в отделении полиции. Наташа подошла к раненому. На носилках лежал окровавленный Сережка. Она побледнела и, схватившись за стену, медленно опустилась на стул.

— Вам плохо? Что с вами, Наталья Георгиевна? — участливо спросила Елена Аркадьевна и крикнула медсестре: — Света, воды!

Но Наталья Георгиевна уже пришла в себя, решительно поднялась со стула и ледяным тоном приказала: В операционную! — Затем, повернувшись к медсестре, добавила: — Пожалуйста, свяжитесь с полицией! Найдите ребенка, пусть он побудет в моем кабинете!

Через два с половиной часа обессиленная Наташа вышла из операционной.

Дав указания медсестре, она быстро вошла в кабинет. На диванчике, заботливо укрытый простыней, свернувшись калачиком, спал их Ромка. □

Лариса Черникова

Сон

Снится мне тревожный сон,
И терзает душу он,
Что к тебе я сквозь года,
Сквозь огонь иду одна.
Злые люди шепчут вслед,
Что тебя простыл уж след.
Не подаст никто руки,
Износились башмаки.
Но, босая на снегу,
Сквозь огонь к тебе бегу.
Ну, а ты меня не ждешь,
Не встречаешь, не зовешь!
Вот такой приснился сон,
Будто нож, мне в спину он.
Говорил, что любишь, ждешь
А осталась только ложь...

***

Моя ушедшая любовь,
Тебя я помню и поныне.
Моя ушедшая любовь,
От той разлуки сердце стынет.
Зачем меня ты отпустил?
Наверное, и сам не знаешь?
Я верю, с именем моим
От нежности, как прежде таешь.
Надеюсь, помнишь и сейчас

Тот звонкий май, сирень, беседку?
И, как, чтоб скрыть от чуждых глаз,
Склонялись над землею ветки?
Как ты любил смотреть в глаза
И говорил, что все в них схоже —
И неба синь, и слез гроза,
И то, о чем молчали, тоже...
А помнишь, маленький причал?
И катерок, со мной прощаясь,
Тебя на палубе качал,
А я стояла, как чужая...
И ты глаза мои искал...
не находил... В толпе теряясь,
они с осеннею рекой
И непогодю сливались...
Зачем меня ты отпустил?
Наверно, и сама не знаю?
Ты столько лет меня любил,
А я стояла, как чужая!

Скрипка

Скрипка, что ж ты делаешь со мною?
Душу увлекаешь за собою.
Вспоминаются под звуки скрипки
Прошлые обиды и ошибки.
Счастье рядом не было и было,
Я о нем уже почти забыла.
Снова скрипка нежно заиграла,
И я словно у того причала.
В юность вновь распахиваю двери,
И не ведаю в любви потери.
Опустил скрипач смычок с улыбкой,
А душа осталась там, со скрипкой!

Талина Богачеко

Причал

Ночами мы не замечали,
Что изначально все печали
В сон уходили и венчали
Причал любви, мерцающий
  свечами.
Костры взмывали кумачами,
А слухачи с гитарами бренчали,
Мы пели, мы тихонечко журчали,

Мы пели обо всем, о чем мечтали...
И парами мы уходили вдаль,
И годы нас по разным тропкам
  мчали...
И лишь любовь, сироткой у причала,
В небесных звездах путь наш
  отмечала
И отражала вечную печаль...

Тоска на поводке

Я веду свою тоску на поводке –
Тенью — девочкой в сиреневом платке,
Сиротинкой, как с картинки старых снов,
Что гуляют у Каспийских берегов.
Далеко уже за полдень, берег чист,
Проглотило море полдник, дует бриз,
Влажный воздух освежает и бодрит.
Вот бы с Каспия сейчас бы мне на Крит!
Там бы в Греции побыть «сама собой»,
Побеседовать с заблудшею душой,
С поводка спустить тоску, пускай гуляет,
И отправиться в Москву в золотых сандалиях,
Прихватив с собой Тиха — Богиню счастья,
И воспеть ее в стихах на контрасте...

Не ожидай

Не ожидай того, что не случится,
Все улицы и лица как одно,
Кино, которое когда-то повторится,
Уже стучится в темное окно.
Да, сериал удержит у экрана
Трагедии и драмы, как иначе?
И мама умирает у экрана,
А фильм идет — «богатые» в нем плачут.
Не ожидай того, что не случится,
Судьба расставит точки все над «и».
Счастливой только можно притвориться —
Так легче к завершению идти...

*Ирина
Лесная-Иванова*

Посвящение Марине Цветаевой

*Любимой картиной Марины Цветаевой
было полотно В. Сурикова «Боярыня Морозова»*

Колени нищего с мороза розовы,
Ах, ветер свищет как! —
Везут Морозову.
Орут проклятия вослед саням.
Как на распятие, везут меня.
Была боярыня, да стала пленница.
По коже след огня, но не изменница.
Кричит под пытками душа-
раскольница,
А не раскается, а не расколется.

— Пытайте, нехристи, казните первую.
Я буду крест нести, я крепко верую!

Верую в первый январский снег...
Верую в близких, которых нет...
Верую: выше любовь, чем боль!
Верую: я навсегда с Тобой.
Клятвы тихи, да, как сталь, уста.
Жизнь и стихи — это два
перста!

Есенин и Дункан

Сорок лет. Цвета нет... Цвета нет — есть шарм!
Что в ней видел поэт? Может, легкий шарф?
Может, синий туман, рыжих листьев дрожь?
Первый самообман, золотистый дождь?
— Что ты видела в нем, Айседора Дункан?
— Шелковее кудрей не ласкала рука.
Я не видела глаз, этих глаз голубей,
В мире не было нас обреченной, родней...
Обожглись, разошлись, как попали в капкан.
Под колесами шарф Айседоры Дункан
Затянулся петлей... Только вспомнилось ей,
Что был русский такой, его звали... Сергей....
Ах! Есенин Сергей... Разве жизнь лишь — обман?
Вспоминаешь ли в ней рыжий дождь и туман?

---

*Александр
Куц*

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»

Герои лет прошедших,
Как много вас, ушедших.
Но память наша вечна,
Хоть жизнь и скоротечна.

Вы честно воевали,
Врагу не уступали.
Земли родной частица
Под сердцем ведь хранится.

Талина Романова

Вселенную грею

Воздух морозный вдыхаю,
Будто Вселенную пью.
Вижу, как звезды, мерцая,
Гнезда небесные вьют.

Думаю, счастье — явиться
В этот непознанный мир,
Звонкой мелодией влиться
В многоголосый эфир.

Дует космический ветер,
Души-пылинки клубит,
И, как всегда, на рассвете
Землю немного знобит.

Света конец? Я не верю!
Воздух морозный в груди...
Будто Вселенную грею —
Вечная жизнь впереди.

Мать-и-мачеха

Не созреет на поле пшеница:
Полегли на войне колоски.
Не взлетит серебристая птица:
Разметало ее на куски.

Не от ветра качнулся подсолнух:
В сочный стебель осколок попал.
Не от летней грозы в небе всполох:
На земле поджигают запал.

Не природная гонит стихия
Наших братьев с родных городищ,
Это мать городов русских — Киев
Стала мачехой средь пепелищ. □

«НЕБЕСНЫЙ»

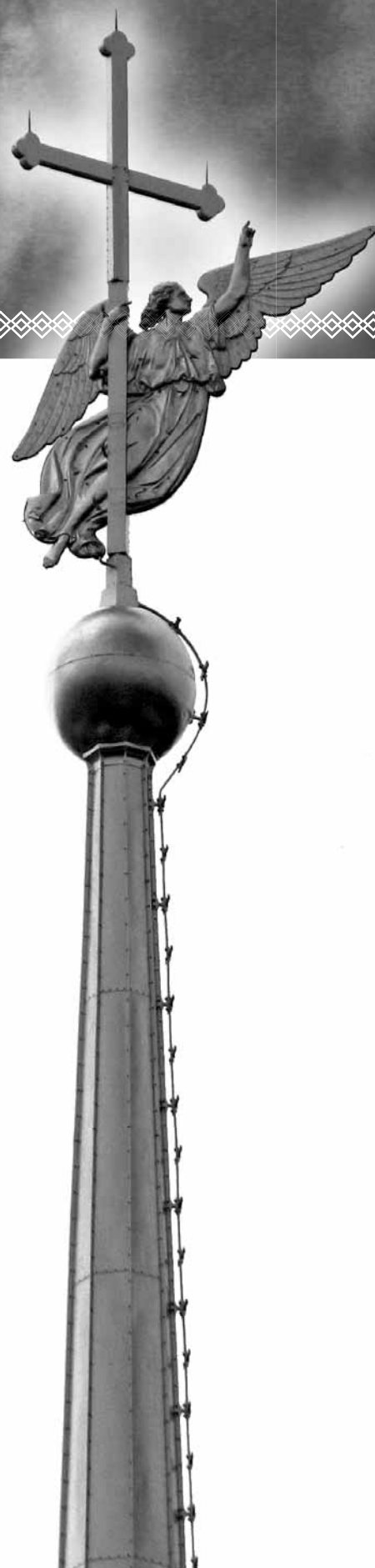
Виктор Ом

Герой этого очерка не воевал под знаменами Суворова, Кутузова и Потемкина, не блистал на полях сражений воинскими доблестями, но — навсегда остался в истории — сделал то, что и поныне никто в мире не повторил! Подвиг свой совершил почти двести лет назад, в мирное время, прямо в столице России — Санкт-Петербурге. Этот уроженец земли ярославской в 1830 году в одиночку «поправил», точнее, починил ангела на шпиге Петропавловской крепости...

Это и прославило его на всю Россию, и эхом разнеслось по Европе, потому что знаменитый французский писатель Александр Дюма-отец удосужился увидеть содеянное русским мастером воочию (он в то время был в России) и описать в своем эссе. Ежедневно, как и все петербуржцы, он, с замиранием сердца, наблюдал за работой кровельщика. После этого трудового подвига Петруху Телушкина и назвали «небесным кровельщиком».

В списке выдающихся людей земли Ярославской есть и имя Петра Телушкина. Этот мастер-кровельщик является основоположником «промышленного альпинизма».

Смелостью его и находчивостью в середине XIX века гордилась вся имперская Россия, и имя простого русского мужика написано на самом верху главного символа Петербурга!

КРОВЕЛЬЩИК»

Вокруг этой истории ходило множество слухов и домыслов. И все догадки и размышления кружились вокруг главного вопроса — как простой деревенский парень, обыкновенный кровельщик, ничего не смыслящий в вопросах реставрации, без особой подготовки и необходимых приспособлений смог решиться на такое? Ведь подобных ему бродило по городам и весям Руси множество, но только он один смог решить проблему, нависшую под северным небом столицы. Газеты и журналы наперебой писали о ней, а позднее появились и книги...

Я, кузнец Вавила, кличка «Железня», Рудовая сила в жилах у меня.

Н.А. Клюев

Так каким он был — Петруха Стахеев?

Судьба его оказалась горестной, как и у многих крепостных. Родился в деревне Мягры Молоховского уезда Ярославской губернии в 1806 году. Едва родившись, мальчишка угодил прямиком во времена крепостнические, и бесчеловечные правила мигом вступили в свои права. Его продали! В прямом смысле — за

деньги... Из семьи родителя своего Михаила Стахеева он был отобран и увезен к хозяину, богатому купцу Телушкину в село Вятское.

Свидетельств достоверности всех событий его жизни почти не осталось — только на уровне слухов. Якобы все дело было в нерадивом отце Петрухи. Он, де, был настолько ничемным мужичком, что даже избу свою починить не мог, чем и вызывал

злые нарекания своей хозяйки, помещицы Трусовой. И тогда она поступила соответственно крепостному праву — продала мальчика, а вырученными деньгами оплатила казенные долги...

Так Петрушка Стахеев из Мягров стал Петром Телушкиным села Вятское. Сначала, как и водилось в подобных случаях, у купца «мальчиком на побегушках», а как повзрослел, приставили его на учебу по кровельному делу.

В те времена в Ярославле насчитывалось девяносто восемь ремесленных специальностей, и спрос на мастеров все возрастал... Строилась Россия, территории ее заполнялись новыми поселками и городами, и, «роботные» требовались повсюду.

Почти в каждой деревенской семье были мастера-виртуозы. А так как стремления у всех имелись одинаковые, то сама собой и сложилась сильнейшая архитектурно-художественная школа, которую так и на-

звали — Ярославской! Она быстро завоевала популярность среди заказчиков. Артели ярославских мастеров-художников («отходняков») успешно работали в Ростове Великом, Вологде, в Москве и в Троице-Сергиевой лавре, Туле, Твери и Воронеже. Начавшийся в губерниях отход крестьян и мастеровых на заработки не миновал и Вятскую волость. А причина отхода была давно известна — недостаточность земли у крестьян. Уходили на заработки кровельщики, печники, штукатуры, иконописцы и скульпторы — поступали на время в личное услужение. Так, в 1894 году процентное соотношение числа отхожих работников ко всему наличному населению обоего пола составило 17%, из каменщиков, штукатуров, печников ушло в отход 600 человек, из кровельщиков — 200. Уходили мастера и в Москву, в Петербург. А самым известным «отходником» остался в истории ярославский мастеровой — кровельщик Петр Телушкин.

...Летом 1830 года в Санкт-Петербурге разыгралась настоящая буря, с ураганным ветром, грозой и молниями. Много бед натворила она в городе, но самая большая беда — сорвало ветром ангела на шпиле Петропавловского собора и покосило крест. Одно крыло у ангела и вовсе оторвалось...

«Зашелестели языки» о том, что над столицей свершилось дурное знамение, что все происходящее не к добру... Заволновались и власти —

дошло до самого государя... и он повелел исправить в кратчайшие сроки содеянное грозой и ветром!

Но!.. Не так-то просто было выполнить волю царя.

И пошло — завертелась чиновничья карусель. Каждый день — заседания, совещания, собеседования со специалистами и знатоками... Собирали всех заинтересованных лиц — чиновников, архитекторов, строителей, реставраторов и мастеров самых разных профессий, но результата никакого, а тот, что вырисовывался, не мог никого устроить. Во-первых, самые приблизительные подсчеты выявляли прямо-таки астрономическую сумму, которую требовалось истратить на починку креста и ангела, во-вторых, сроки... Выходило, что потребуется несколько лет, чтобы поднять нужные леса на высоту 223,5 метра, и мастеров придется привлечь видимо-невидимо...

Спорили-рядили, а время шло, и каждый день молчаливым укором маячил над столицей государства Российского покосившийся крест и согбенный ангел без одного крыла, отчего даже простые обыватели теряли душевный покой...

Спасти положение казалось уже почти невозможным, и власти объявили что-то вроде конкурса на этот непростой «подряд»...

И тут как раз появляется Петруха Телушкин! Нисколько не смущаясь, он вошел в присутственный дом и объявил, что готов попро-

бовать «сработать починку ангелу и кресту»...

А для необходимых формальностей и снятия ответственности за возможность несчастного случая Телушкину пришлось написать заявление, в котором излагалась суть и технология ремонта повреждений на шпиле. Бедный мастерской, не имея необходимого залога для подряда на строительные работы, заложил, как писала газета «Санкт-Петербургские Ведомости», «жизнь свою в обеспечение принятого на себя дела». За труд свой он вознаграждения не назначил, попросил только выдать ему 1470 рублей на материалы, которые требовались для восстановительных работ. Предложенные Телушкиным условия были с радостью приняты, правда, в благополучный исход предприятия мало кто верил...

8 октября 1830 года началась реставрация шпиля Петропавловского собора. Время оказалось неблагоприятным для подобных работ — задули осенние ветра, каждый день шли дожди, часто со снегом... Но! Столица не могла существовать с изуродованным символом! Откладывание работ до весны даже не рассматривалось...

... Ахнул столичный люд, как увидел распятого и ползущего по шпилью крошечного человечка. Иные собственным глазам не поверили, крестились да причитали: «Спаси, Господи, помилуй!..»

Прикрепив конец веревки к внутренним деревянным укреплениям

шпица, и сам опоясавшись ею, Телушкин вышел наружу, значительно спустился вниз и стал медленно передвигаться вверх по шпицу. Передвижение стоило ему невероятных усилий, ибо выступы позволяли хвататься за них только двумя пальцами, и у него от этих напряжений из-под ногтей сочилась кровь. Нужна была исключительная физическая сила, чтобы подниматься всем корпусом вверх... И это ведь на какой высоте — да при ураганном ветре! В таких невероятных условиях Телушкину все же удалось подняться до люка. Обвитая вокруг шпиля веревка могла уже плотно придерживать его к шпицу, и, вместе с тем, стягиванием свободного конца веревки, продетой сквозь особую петлю, он получил возможность укорачивать веревочное кольцо на шпиле, и поддержка корпуса была обеспечена.

Но требовались еще средства для подъема. От верхнего люка до самого «яблока», на котором находился крест с ангелом, были расположены по длине шпиля железные крюки, на расстоянии один от другого в 3,2 метра, Телушкин ими и воспользовался для дальнейшего поднятия. Из двух веревок остроумным заворотом сложных петель и ямского узла он соорудил подвижные стремяна, которые накинул на ближний крюк. С их помощью, затрачивая огромные усилия и прибегая к разным находчивым уловкам, Телушкин добрался до «яблока». Но самое

трудное было подняться по его дуге к кресту, где и требовались ремонтные работы. Непосредственно по «яблоку» подниматься возможности не было. Телушкин привязал к шпилю две новые веревки, сделал в них петли и просунул в эти петли ступни ног так, чтобы упираться ими в шпиг под самым «яблоком». Конец же той веревки, которая была обвита вокруг шпица, он несколько опустил, благодаря чему занял наклонное положение и повис в воздухе почти горизонтально, обращенный лицом кверху. Вися в таком положении, имевшуюся у него в руках веревку он собрал кругами и сильным размахом бросил вверх. Описав в воздухе дугу, она обвилась вокруг основания креста, и, разматываясь, конец ее свесился к Телушкину. Он сделал глухую петлю, продел в нее другой конец и, передергивая веревку, пока она не затянута на кресте, взобрался по ней к кресту.

Такие подъемы Телушкин совершал в течение двух дней: первый день был потрачен на приготовление и на обход шпица у люка, а второй — на дальнейший подъем. Сделать веревочную лестницу для постоянных подъемов уже не представляло трудностей, раз ее можно было закрепить у креста.

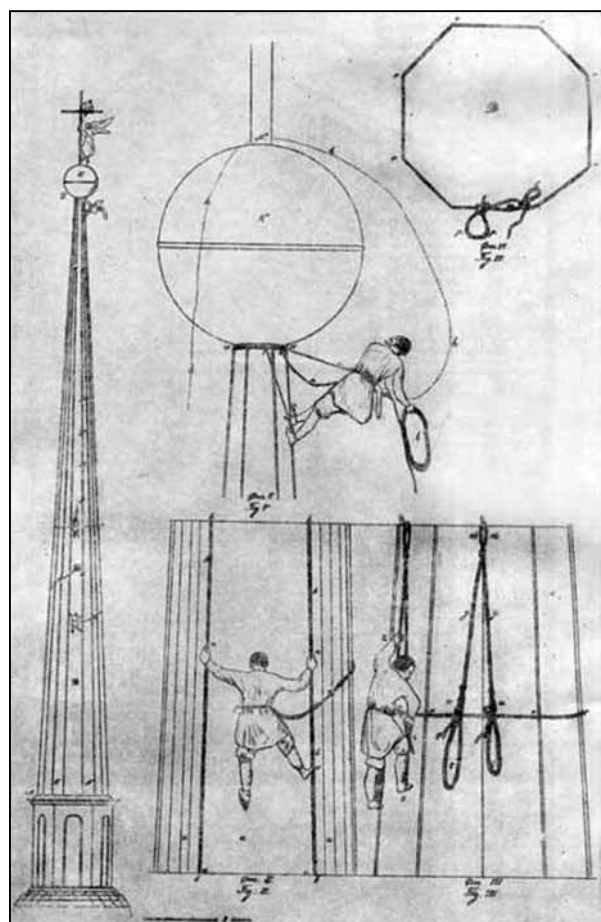
Теперь Телушкин каждый день, кроме особо ненастных и ветреных, в течение шести недель поднимался на эту высоту, и каждый раз тащил за собою тяжелую сумку с инструментами. Так он закрепил оторван-

ные листы, поправил фигуру ангела и крест.

Конечно, все мастером было продумано, но только что это все стоило без главного — отчаянной храбрости! Безусловно, это была... почти сказочная — русская удаля!

Из окна своего дома за работой мастера-кровельщика ежедневно и очень внимательно наблюдал в подзорную трубу президент Российской академии художеств Алексей Николаевич Оленин. Дом его находился на набережной — прямо напротив Петропавловского собора.

Работы Петра Телушкина на шпиле Петропавловского собора

Он был отцом светской красавицы Анны Олениной, которой Пушкин посвящал свои стихи:

*Пустое «вы» сердечным «ты»
Она, обмолвясь, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила,
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей, как вы милы!
И мыслю, как тебя люблю!*

Смотрел Алексей Николаевич, насколько позволял световой день. А именно в это осеннее время сумерки наступали быстро, что тоже усложняло работу мастера Телушкина. Но каждое утро, едва рассветало, кровельщик поднимался на шпиль собора... и продолжал свершать подвиг, несмотря на ненастную погоду.

После окончания всех работ Алексей Николаевич Оленин напечатал очерк об отчаянном мастере-кровельщике в журнале «Сын Отечества», после чего о нем и узнала вся Россия!

Через 110 лет после тех событий, во время очередного осмотра шпиля, на дубовой раме в месте переплетения с другой рабочие обнаружили надпись краской — то был автограф мастера Петра Телушкина...

Так он и получил прозвище — «Небесный кровельщик!»...

Позднее Оленин представил Петра Телушкина самому государю — императору Николаю I. Царь наградил мастера медалью «За усердие»

на серебряной Аннинской ленте и выплатил за проделанную работу вознаграждение — 3 тысячи рублей ассигнациями.

Был, якобы, и еще один подарок, о котором даже упоминать не хотелось бы, так как он, скорее, от лукавого... Потому что выдали мастеру бумагу, по которой в каждом питейном заведении, на территории всей страны, в каждом кабаке, ему должны были наливать бесплатный стакан водки. Но эту «бесценную» бумагу Телушкин будто бы потерял по пьяному делу, и тогда ему прямо на шее сделали специфическое клеймо... И он, входя в кабак, просто выстреливал пальцами по горлу, что и означало — наливайте водки! Это конечно, очень похоже на байку, которую придумали озабоченные мужички... Хотя... правда все же состояла в том, что мастер погиб от злоупотребления алкоголем. Весьма печальный факт!

Ну а в то время, став неожиданно известным, Телушкина ошеломило количество заказов, обрушившихся на него. Все они были обеспечены немалыми финансами. По предварительным подсчетам, речь шла о 300–500 тысячах рублей — сумма невообразимая для тех времен...

В мае 1831 года Петр Телушкин был венчан с крепостной девицей Ириадой Федоровой. Он еще успел починить кораблик на шпигле Адмиралтейства, сделал и кое-какие другие работы, но из-за неумеренных

возлияний тяжело заболел и осенью 1833 года умер.

Вскоре и слава угасла. О нем почти не вспоминали, а на Ярославщине, его родине, и вовсе не знали о его подвиге ...

Что касается увековечения облика славного мастера — это сделал художник Григорий Григорьевич Чернецов. Царь заказал ему картину «Парад на Марсовом поле», и среди самых известных деятелей культуры пушкинских времен живописец изобразил и Петра Телушкина.

Над картиной художник работал с 1832 года по 1837 год, и ему удалось написать Телушкина с натуры... Этот небольшой этюд находится в Третьяковской галерее. По нему видно, что Телушкин был низкорослым мужчиной, с простым русским лицом, курносый и рыжебородый. И стрижка у него была в «духе времени» — «под горшок»...Словом, выглядит он вовсе не как герой, а как самый обычный мастеровой...

Художник Чернецов тоже был из простолюдинов, может, поэтому он так любовно изобразил «мастера — золотые руки» среди самых выдающихся людей России... Ведь на картине изображены Пушкин, Жуковский, Крылов и многие другие выдающиеся современники Петра Михайловича Телушкина.

Вот такие в России мужики-мужчины! Отчаянно смелые в работе, сильные духом, а, главное, — беззаветно любящие свою Отчизну,

*Петр Телушкин.
Этюд Г.Г. Чернецова к картине
«Парад на Марсовом поле»*

готовые за честь и достоинство ее отдать все, а потребуется — и свою жизнь! □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

18

Когда утром, собравшись в дальнюю дорогу, вышли на улицу, им в глаза ударили золотистые, теплые снопы солнечных лучей. Кроме вечного светила, на небе не было ни одного, даже самого небольшого облачка: — от края до края, от конца до конца, которые мог охватить человеческий взгляд, простиралась глубокая, пронзительно чистая лазурь. Воздух, за ночь крепко настоянный на хвое, был терпким и свежим, бодрящим душу настолько, что супругам казалось: весь этот огромный небесный и земной мир создан исключительно для счастья. И люди, как их ни выгораживай, в общем-то, неисправимые дураки, поскольку своими руками порой нещадно, без оглядки ломают и ломают его, словно от этого получают неземное удовлетворение... Ох-х!

Анатолий Петрович помог жене сесть на заднее сиденье подъехавшего к назначенному времени — минута в минуту! — «уазика» и, сам привычно устроившись на переднем, как бы шутя спросил водителя:

— Петр, надеюсь, в этот раз перед самым выездом в дальнюю дорогу гайки подкрутил — и их не придется собирать по всей трассе, а?

— В обязательном порядке! Кстати, у меня по нашей недавней поездке в Беченчу есть для вас очень важная информация!

— Не торопись! — перебил Анатолий Петрович водителя. — Когда вернусь, вот тогда с толком поведаешь о ней!

— Мужчины, вы это о чем? — с любопытством вмешалась в разговор Мария.

— Понимаешь, дорогая, между нами неожиданно сформировалась одна тайна, только мы друг другу слово дали: до поры до времени не разглашать ее! Правильно я говорю, Петр?!

— Так и было!

— Вот! Да и сегодня, в такое на удивление погожее утро, грешно забивать голову лишними мыслями, заботами, тем более в дорогу!

— Анатолий Петрович, едем сразу в аэропорт? — спросил водитель.

— Нет! Прежде мне необходимо заскочить в сельскохозяйственное управление, но, думаю, не больше, чем на полчаса! Поехали! Но, предупреждаю, поскольку мы не одни, то аккуратно — на скорости не больше шестидесяти километров в час веди машину!

— Так это же не езда, а скука смертная!

— Зато безопасно! — заметил Анатолий Петрович, чувствуя на себе благодарный взгляд жены, почему-то страшно боявшейся ездить, так сказать, с ветерком, да таким, чтобы дух захватывало!

В бессмертном романе-поэме Николая Гоголя «Мертвые души» есть замечательная фраза: «...Какой русский не любит быстрой езды...» Действительно, какой?! Такого, пожалуй, среди мужчин точно и днем с огнем не сыскать. И это писательское выражение, ставшее со временем народной поговоркой, в полной мере соответствовала горячему характеру Анатолия Петровича, ибо жажда не просто гонки, а самого настоящего лихачества, скорее всего, и привела его в расцвете молодости на автодром, оборудованный за городом в огромном овраге, где он на соревнованиях, гоняясь с такими же, как сам, любителями экстремальной езды, и вылетал с трассы в глубокий кювет, и переворачивался по нескольку раз кряду, но, к счастью, всякий раз без серьезных последствий для здоровья, — защитные обводы, сваренные из крепких труб, надежно защищали от травм...

Однажды о себе и своих друзьях-гонщиках он даже сподобился написание соответствующих стихов: *«Рвут колеса — слежавшийся дерн —/ клочья в стороны с воем летят!// Стаи черных, как уголь, ворон/ перепугано в небе кричат!// В милой жизни, где счастья звезда/ нам горит все сильнее и сильнее,/ гонит, что ли, нас злая беда?// Нет, мы сами несем за ней!// И разбиться до смерти пустяк!../ Чуть неверно я руль поверну, —/ тут же мигом сорвемся в овраг/ или врежемся с ходу в сосну!// Но мы молоды,*

нравом резки, / нам неведом растерянный страх./ Только кровь ударяет в виски, —/ только версты мелькают в глазах!»

Перевалив тридцатилетний рубеж, когда многие начинают понемногу сбавлять жизненные обороты, Анатолий Петрович не изменил себе — при любом удобном случае отказывался от услуг персонального водителя — и на песчано-галечной трассе, выбитой напрочь задними колесами автомашин, отчего казавшейся большой стиральной доской, включив самую высокую скорость, надавив ногой педаль газа до упора, гнал и гнал бедный «уазик», да так, что он, скрипя, дрожа и воя, казалось, только чудом на ходу не разваливался по частям. Вскоре нагонял машину, от которой пыль поднималась таким песчано-густым облаком, что впереди на двести-триста метров ничего не было видно. Но это ничуть не смущало Анатолия Петровича — он, лишь еще крепче стиснув зубы и как можно сильнее оперевшись ногами в дно кузова, а руками — в ребристую баранку, смело шел на обгон, несколько секунд управляя машиной в пыльном мраке вслепую.

Другому человеку даже подумать было бы страшно, что в любой момент можно на бешеной скорости столкнуться со встречной машиной, в результате чего смерть неминуема, но только не Анатолию Петровичу, ибо он упрямо верил в свою спасительную звезду, о чем и написал: *«Машины высушили трассу/ жарой стремительных колес,/ и ветер туч густую массу/ за сопки скальные унес./ С какой невероятной силой/ все напрягалось существо,/ когда авто в вираж входило/ и — выходило из него./ Как ликовали дух и тело/ и возносились над судьбой,/ когда я обгонял умело/ одну машину — за другой./ Ни в коем случае, поверьте,/ я не дразнил незримый рок,/ я просто был от черной смерти,/ как от любви — далек, далек»*. Со второй, с третьей — со всеми машинами на любом пути он поступал, точно как с первой. Конечно, от физического напряжения порой страшно, до дрожи в руках и в ногах, уставал, зато психологически — был душой на седьмом небе... И парил там, как гордый, неустрашимый, бросающий вызов самой природе, горный орел!

...А день в самом деле зарождался ясным, — без единого облака на светло-синем небосводе. Солнце в радужном ореоле лучей только поднялось над восточными сопками, но уже вовсю пятнало теплым, ярким светом дорогу, на которой от деревьев, почти вплотную подступивших к ней, лежали длинные, фиолетовые тени. Обильная роса, лишь начинавшая испаряться, увлажнила дорожное гравийно-песчаное полотно настолько, что въедливая пыль за машиной почти не поднималась. В салоне было прохладно и свежо. Дышалось легко — во всю грудь! Все словно дали себе обет молчания — ехали, ни о чем не спрашивая, ничего не говоря. Зато было четко

слышно мерное урчание двигателя, которое, как классическая музыка, располагало к размышлению. Но Анатолия Петровича, хорошо выспавшегося и остро чувствовавшего упругость духа, словно привязанная, преследовала всю дорогу только одна мысль: о предстоящем разговоре с Паком, ибо нельзя было не понимать, что в сложившейся за последний день ситуации он будет непростым.

Через два с половиной часа «уазик» с довольно сильно укачанными от дорожной тряски пассажирами остановился на автостоянке районной администрации. Тем не менее Анатолий Петрович, потянувшись всем мускулистым телом до легкого хруста в суставах, бодро произнес:

— Пока я буду в управлении, вы, Мария и Петр, прогуляйтесь по скверу, ноги разомните, стряхните дорожное утомление, расслабьтесь слушанием птиц — не может быть, чтобы в такой солнечный день они во все свои чудные голоса залиристо не пели?! Только к ним прислушаться надо! Это я сказал для примера, а сами делайте все, что душе угодно! И все-таки — далеко не отходите...

И, выйдя из машины, легко вбежал по довольно крутой лестнице в открытые настежь двери здания администрации. В приемной, вежливо улыбнувшись секретарше, женщине в возрасте, с круглым лицом, немного полноватой, с высокой грудью, которую легко облежала белая, в синий горошек, кофточка, приветливо спросил:

— Шеф у себя?

— Да! Вас ждет — проходите!

Едва, поздоровавшись, Анатолий Петрович сел в свое, уже ставшее привычным, кресло, как начальник управления, озабоченно посмотрев на часы, словно должен был куда-то срочно идти или ехать, тем не менее, как всегда, спокойно заговорил доверительным тоном:

— Ходить вокруг да около не буду. Скажу сразу, что я очень даже хорошо понимаю: после событий двух последних дней, имею в виду и пьянку в силосной траншее, и твое ну совсем не директорское поведение, — вы с Хохловым точно не сработаетесь!..

— Это почему же? Пусть на совесть относится к своим трудовым обязанностям — да и продолжает трудиться, сколько сил хватит! Или вы действительно считаете, что я своих зарвавшихся заместителей не смогу если не вдохновить, то заставить относиться к государственным проблемам, как к своим, глубоко личным?

— Поверь, я так не считаю!

— И в чем же тогда дело?

— В том, что у тебя, Анатолий Петрович, и без Хохлова в совхозе, по твоему же меткому выражению, лежащем на боку, как сдыхающая коро-

ва, проблем хватает! А он еще этой весной заявление написал о переводе в управление на вакантную должность главного агронома. Вот я и подумал: пусть будет у меня под боком. Здесь работа не то что в хозяйстве — так сказать, не пыльная, знай, в кабинетной тиши, в установленные свыше сроки составляй бумажки-отчеты да и отправляй их в министерство! А то, что он иногда по службе будет наезжать в твой совхоз, надеюсь, тебя не слишком беспокоит, тем более сам сказал о готовности с ним и дальше работать! Ну, как — мудро я придумал?

— Хозяин — барин! Только я просил бы не забывать, что перевод Хохлова в управление — исключительно ваша инициатива!

— А разве это важно?

— Для меня — очень! Поскольку если бы она исходила от меня, то вы подумали бы, что я — слабак! Пусть я еще не вполне сформировавшаяся личность как руководитель, но, поверьте, дважды на одни и те же грабли я не наступлю! И вот еще что: коль рубить сук, то одним ударом, поэтому сделайте так, чтобы к моему возвращению Хохлова в совхозе не было, — ведь он все равно только место занимать будет. А, как сами знаете, уборочная на носу — в подготовке к ней даже дня терять нельзя!

— Хорошо! Только как это без тебя сделать?

— Очень просто!

Анатолий Петрович, взяв чистый лист бумаги, в верхнем левом углу наложил визу: «Согласен», и расписался, сказав:

— Ну а нужный текст заявления о переводе ваш будущий главный агроном, надеюсь, сам напишет — для этого ведь много ума не надо!

— Добро! А кого собираешься назначить вместо Хохлова?

— Выбор у меня невелик, нет, его совсем нет! Пусть старший агроном Кокорышкина и идет на повышение — не век же ей, человеку от земли, на побегушках бегать. Она в совхозе с самого его создания работает, а до этого — бригадиром полеводства в отделении, так что растениеводство как свои пять пальцев знает. Давно надо было, вместо того чтобы расшаркиваться перед пришлыми со стороны, совхозные кадры местными специалистами укреплять! Смотришь — и порядок был бы, а с ним — и богатый урожай, и высокие надои...

— Не возражаю против твоего выбора! Последний вопрос: кого за себя на время поездки оставил?

— Главного экономиста! Он единственный, кто в пьянке не участвовал!

— Что же его подвигло на благородный поступок?

— Моя твердая просьба срочно произвести необходимые расчеты, позволяющие при воплощении их в жизнь сделать совхоз если не рентабельным, то не убыточным, да он и как человек очень порядочный!

— И ты веришь, что это в условиях Крайнего Севера возможно — в сельском хозяйстве рентабельно работать?

— Более чем!.. Только надо мне и в этот раз, как в случае с «Сельхозхимией», помочь решить вопрос в министерстве с выделением в следующем году небольших финансовых средств для значительного повышения урожайности пашен и лугов!

— Но, как ты верно заметил, финансы, тем более сверхплановые, да еще в большом количестве, спускаются строго сверху!..

— Точно! Только кто вам мешает, ознакомившись с экономическими расчетами, основанными на показателях растениеводства и животноводства, один экземпляр которых я оставлю вам лично, сначала сегодня же позвонить министру, а потом и направить на его имя в соответствии с установленным правилом письменное ходатайство?!

— В принципе — никто!

— Так будьте добры выполнить мою просьбу, если, конечно, вы посчитаете, что она не фантазия... Я могу быть свободным?

— Да! И успехов тебе!

Но только Анатолий Петрович встал из-за стола, как Пак каким-то добрым отеческим тоном снова заговорил:

— Я хочу, чтобы ты знал: если раньше у меня были какие-то сомнения в отношении твоих возможностей по наведению в совхозе порядка, то после того, как ты себя повел, дав по морде Хохлову, — они сполна отпали. Ведь я не могу утверждать, что, будь тогда на твоём месте и в твоих молодых годах, поступил бы с человеком, которому доверился, иначе, чем это сделал ты! Понимаешь?!

Опешив от услышанного, Анатолий Петрович не сразу нашелся, что ответить. Но внимательно посмотрев в глаза своему непосредственному начальнику — и, увидев в них свет глубокой искренности, произнес:

— Не совсем!.. Но за высказанное мне доверие большое спасибо! Слово даю, я вас не подведу — ни словом, ни делом!

Выйдя из кабинета, он сразу не пошел на улицу к машине. Все еще находясь под впечатлением, может быть, даже невольно вырвавшегося у Пака признания, подошел к окну, выходящему во внутренний двор, где у него в машине неожиданно произошел разговор с Эльзой о Марии. Но в этот раз ему подумалось, что как все же непросто устроен человек, а именно — чем выше он восходит по служебной лестнице, тем больше отдаляется от себя, того молодого, который каждый день, словно впервые, открывал окрестный — да не только! — с виду вполне лучезарный мир, а на самом деле сплошь состоящий из темных закоулков с хитроумно расставленными в самых неожиданных местах ловушками, капканами. И вот, чтобы не попасть

в них, человек должен если не изворачиваться против своей воли, то в любом случае придерживаться всех новых правил поведения и работы, которые до него за десять, а может, и за все сто лет устоялись в обществе, куда занесла его судьба. А это значит, что с каждым днем, по крайней мере, на людях, — все удаляться и удаляться от самого себя, как бы ни старался оставаться верным своим первородным чертам характера! И увы, с этим ничего не поделать!

По дороге в аэропорт Анатолий Петрович, как само собой разумеющееся, буднично, как бы между прочим, сказал:

— Мария, производственные да, пожалуй, и жизненные обстоятельства сложились так, что у тебя, можешь считать с завтрашнего дня, будет новый руководитель в лице Кокорышкиной!

— Да? А что с Геннадием Васильевичем?

— Не поверишь!.. На повышение пошел!

— Это за какие же такие великие заслуги?! Его же, падлу, судить принародно надо! — невольно вырвалось у Петра.

При этих словах Мария своей высокой грудью аж подвинулась вперед и неожиданно для мужа почему-то возмущенно сказала:

— Что ты такое говоришь! Подумаешь, человек в день своего рождения выпил лишнего! С кем такого не бывает!

Анатолий Петрович, как ни был удивлен мнением жены, обернулся и, внимательно посмотрев в ее глаза, от волнения показавшиеся ему еще красивее, вздохнул:

— Мария, ты это серьезно? Впрочем, не отвечай! Характеру русских женщин, сожалению, присуще защищать тех, кого, как им кажется, незаслуженно обидели или хотят это сделать! И с этим, увы ничего не поделать... А ты, Петр, помни мудрую поговорку: «Не суди — да не судим будешь...» И вообще, как солдат, хоть и в запасе, должен знать, что приказ начальника обсуждению не подлежит. Считай, что карьерный рост Хохлову обеспечил я своим несдержанным поведением. А сейчас просто делай свое дело — рули!

Перенесенный еще пятнадцать лет назад из городской черты в близлежащие сопки аэропорт находился в десяти минутах езды. Само двухэтажное здание приема, регистрации и отправки пассажиров, с залом ожидания и комнатой для матери и ребенка на втором этаже, куда вела широкая бетонная лестница с отделанными под орех деревянными поручнями железного ограждения, было построено из щелевых бетонных блоков, оштукатурено и красиво, с дизайнерским вкусом, покрашено в темно-синий цвет. А вот необходимых денег на бетонирование взлетной полосы почему-то не предусмотрели — и она, как и на старом месте, в черте города,

несмотря на заверение руководства алмазной компании не в этом, так в другом году обязательно достроить аэродром, — увы, увы, оставалась грунтовой. В летнее время от затяжных дождей она раскисала, да так сильно, что по этой причине в соответствии с авиационной техникой безопасности аэропорт закрывали — и до столицы республики можно было добраться только водным путем — по Лене на пароходе. Однако в этот день, поскольку в последнее время стояла солнечная погода, аэропорт работал как хорошо отлаженный механизм — самолеты приземлялись и вылетали строго по расписанию.

Расстояние от Ленска до Якутска в одну тысячу километров «Ан-24», надежный, пятидесятиместный, с рядами сдвоенных кресел по бортам, преодолевал за два с половиной часа. Времени было достаточно и вздремнуть, и привести мысли в порядок, а если попадетсЯ разговорчивый попутчик, то и обсудить с ним интересующие обоих жизненные вопросы, поднятые вездесущей прессой. В самолете Мария села у иллюминатора с небольшими раздвижными серыми шторками, а Анатолий Петрович — рядом с ней. Зная, что жена боится летать, стараясь придать ей уверенность, он взял ее от тревоги враз похолодевшие, но почему-то влажные руки в свои, нежно сжал их и, как можно спокойнее, твердым голосом уверенно произнес:

— Знаешь, дорогая, мне одна врач-ясновидящая как-то предсказала, что доживу до глубокой старости! Ну а раз ты летишь со мной, то ничего плохого в полете никак произойти не может!

— И ты ей веришь?!

— Как себе! По крайней мере, многое, что я от нее услышал, в точности сбылось! Так что не волнуйся! Закрой глаза, постарайся внутренне расслабиться — и уснуть!

— Хорошо, милый!

Сам же Анатолий Петрович в полете, особенно не слишком продолжительном, никогда не спал. Всегда голова была забита если не производственными, то творческими мыслями, да и поразмышлять вообще о жизни никогда не мешало. В этот раз, поглядывая не без тревоги на Марию, с закрытыми глазами замершую в кресле, он, ясно ощущая, как ее руки потеплели, вдруг в глубине своей вечно мятущейся души почувствовал к ней такую глубокую нежность, такое умиление ее девичьей красотой, а вместе с этим и какое-то необыкновенное, сводящее с ума, желание близости, чего прежде с ним в самолете никогда не бывало, что, часто задышав, даже глухо простонал. И, как мыслящий человек, не мог не задаться вопросом: «Что это происходит со мной?..»

А разум выдавал на-гора все новые вопросы: «Естественный страстный порыв молодого организма к красивой женщине, или все-таки я, наконец,

снова полюбил? А разве страсть и любовь — это не одно и то же?» Пытаясь хоть как-то ответить на них, подумал: «Лет десять назад я бы тотчас сказал, что так и есть! Но сегодня, когда столько пережито, столько переделано, так намучился, так настрадался, говорю: совершенно разные чувства! Но нет выше счастья — когда они, в конце концов, соединяются воедино! Я могу еще сколько угодно гадать, полюбил ли я, как никогда, солнечно, возвышено, но несомненно то, что моя Мария — именно та женщина, которую я искал всю свою мужскую жизнь!..» От этого, можно было смело сказать, судьбоносного заключения на душе у Анатолия Петровича стало так светло и легко, будто он только что ответил на бессмертный шекспировский вопрос: «Быть или не быть?»

В столицу республики он любил наезжать по многим причинам. Но самой главной из них, пожалуй, было то, что здесь с мужем Виктором уже больше десяти лет проживала его старшая сестра Наталья. Еще в детстве между ними сложились настолько доверительные отношения, что они открывали друг другу свои даже самые глубоко личные секреты, все — и плохое, и хорошее — делили пополам. Разницы в возрасте в три года для них как бы не существовало. Можно было сказать, что прежде они были самыми настоящими друзьями, а уже потом — близкими родственниками. Анатолий Петрович знал о том, что первая девичья любовь сестры к однокласснику Николаю, сахоляру — в его венах текла кровь пополам русская и якутская, — оказалась несчастливой, но настолько глубоко вошла в душу, что однажды Наталья в разговоре пророчески заявила: «Увы, увы! К сожалению, я больше никогда никакого другого мужчину не смогу по-настоящему полюбить!»

Замуж за Виктора Иванова сестра вышла исключительно назло подло предавшему ее однокласснику, хотя он, поняв свою ошибку, страстно умолял простить его и начать строить отношения заново. «Зачем, к чему? — спросила она еще совсем недавно такого дорогого человека, и сама же ответила: — Моя любовь к тебе, не скрываю, — судьба, но по ней прошли такие глубокие кровотокающие трещины обиды и разочарования, что той солнечной, незамутненной, как горный родник, жизни у нас не сложится, — когда ты будешь ласкать меня, я не смогу не думать, что твои руки и губы дарили тепло и нежность чужой женщине! Нет, это для меня невыносимо! А, живя с другим, я научусь греть душу надеждой о создании семьи, на глубоком уважении мужа, с которым я обязательно воспитаю благородных, в первую очередь на поступки, детей. Прощай!»

Виктор был ростом под два метра, широкоплеч, с крепкими, мускулистыми руками. Обладал той строгой, несколько даже суровой мужской красотой, которая так покоряет женские сердца, вселяет в них уверен-

ность, что за спиной этого человека можно чувствовать себя как за каменной стеной! Выросший на селе, он с ранних лет полюбил труд, цену ему знал по пролитому неизмеримому поту и тяжелой, изматывающей усталости. Окончив десятилетку, отслужил в армии, а после нее получил техническое образование в Якутском речном училище, из стен которого вышел механиком-мотористом. Несколько навигаций проплавал по матушке Лене от Усть-Кута до морского порта Тикси на нефтеналивном танкере.

Женившись на Наталье, которую без памяти любил, он с ней, подальше от своих и жены родителей, которые никак не могли поделить между собой их первенца — дочку Анжелику, переехал из поселка в республиканскую столицу, где устроился на работу в городское дорожное строительное управление простым бульдозеристом, но со скорой перспективой стать механиком. А Наталья, родив первую дочку Анжелику, заочно окончила финансовый техникум — и стала трудиться бухгалтером в одной из рабочих столовой. Денег, зарабатываемых обоими супругами, вполне хватало для достойной жизни. Даже образовались излишки, на которые был куплен мотоцикл с коляской «Иж-Юпитер». В семье, в основном, царили лад и покой. Если бы не некоторая слабость Виктора к алкоголю, который, кстати, он употреблял лишь в праздники и выходные дни, то о Наталье можно было со всем основанием сказать, что она в материальном плане как сыр в масле каталась! Вскоре совсем неожиданно семья Ивановых обзавелась и очень даже престижной по тем советским временам легковой автомашиной, а помог им в этом случай, происшедший со старшим братом Натальи...

Анатолий Петрович, работая мастером по строительству в леспромхозе, в неполных двадцать пять лет был избран профсоюзным вожаком на общественных началах в Нюйском лесозаготовительном участке. К новой сфере деятельности приступил с такой серьезностью, так активно организовывал и проводил праздничные мероприятия, с такой совестью относился к решению того или другого жизненно важного для рабочих вопроса, что по итогам двухгодичного соревнования он был признан лучшим председателем профсоюзной организации среди лесозаготовительных участков — и в награду за это получил вне очереди вездеход «Нива». Кстати, первый в поселке.

В то время он заочно оканчивал Хабаровский лесотехнический техникум. И вот, вызванный на зимнюю сессию, рано утром выехал в районный аэропорт. Дорога, проходившая по сопкам в глухой тайге, изобиловала крутыми поворотами, закрытыми лиственницами с густыми, тянувшимися к солнечному свету ветвями-лапами. После бурно проведенной ночи по «молодому делу» Анатолий Петрович на одном из поворотов даже не понял, как прямо за рулем заснул, — в итоге неуправляемая машина врезалась

во встречный леспромхозовский бензовоз с горючим. Хотя удар вроде был и не такой большой силы, но его хватило, чтобы искорежить переднюю облицовку и повредить радиатор, а водителю, поскольку он не смог сгруппироваться, — травмировать левое плечо.

О дальнейшей поездке не могло быть и речи. Анатолию Петровичу, вернувшемуся домой, потребовалось потратить на лечение целых десять дней. Но это не помешало ему после выздоровления, слетав в Хабаровск, успешно сдать все необходимые зачеты и экзамены, причем, за две недели до окончания сессии. Дома работа вновь в своей бешеной круговерти закрутила его так, что все никак не мог выкроить время для ремонта машины — она, накрытая брезентом в самом глухом углу ограды, подальше от глаз хозяина, чтобы лишний раз не напоминать ему о дорожной неудаче, так и простояла до самого начала лета. В это время из Якутска прилетел проведать своих стареньких родителей Виктор. В один из отпускных дней зашел в гости и к Анатолию Петровичу. Увидев закрытую машину, заинтересовался:

— А что это за агрегат стоит у тебя под брезентом?

— Вездеход «Нива»! Только я на ней этой зимой по неосторожности столкнулся — лоб в лоб! — с бензовозом!..

— Понятно! А можно посмотреть, какой ремонт требуется?

— Смотри! Только мне самому что-то после аварии ездить на ней ну совсем не хочется!

Виктор решительно сбросил брезент, несколько раз обошел «Ниву», внимательно оглядел повреждения, о чем-то подумал, что-то прикинул — и с вдохновением произнес:

— Слушай, родственничек, да тут работы — всего ничего! Будь под рукой необходимые запчасти, я бы машину за три дня отремонтировал!

Анатолий Петрович, видя, с каким огнем в глазах зять смотрел на «Ниву», понял, что такой вездеход — предел его водительских мечтаний! И неожиданно для себя от чистого сердца взял да и сказал:

— Так забирай машину с собой в Якутск! Там с запасными частями, думаю, у тебя проблем не будет, время для ремонта тоже найдешь! Ну а когда поставишь, так сказать, машину на колеса, катайся себе на здоровье! В конце концов, сколько можно мою любимую сестру по пыльной проселочной дороге на дачу возить в мотоциклетной люльке! Очень уж неудобно, да и не солидно как-то!

— Если я, Анатолий, правильно тебя понял, то ты сейчас предлагаешь мне купить эту аварийную «Ниву»?

— А вот не угадал, зятек! Я дарю ее твоей семье!

— Так это же царский подарок!

— Может быть, и так! Но — с рабочего плеча! Вот и думай теперь своей умной головушкой, что дороже?!

И прежде Ивановы были Анатолию Петровичу рады, а после этого случая ими вообще каждый его приезд иначе, как большой праздник, не воспринимался! Устраивался хлебосольный ужин, с замечательной закуской, как правило, рыбной, на второе подавался вкусный, из нельмы или омуля, пирог с коричнево-золотистой корочкой. Для дорогого гостя ставилась бутылка его любимого сухого красного вина, а улыбающийся, довольный Виктор, как всегда, ублажал себя водочкой местного разлива, холодной — только что взятой из холодильника. Наталья была исключительной трезвенницей, поэтому составляла компанию мужчинам тем, что наливала в стакан брусничного сока и после каждого тоста выпивала глоток, другой. А едва муж хмелел, заранее зная, что он в разговоре, оставаясь верен себе, начнет обсуждать производственные проблемы, возникшие в его организации, вовсе уходила в спальню заниматься любимым вязанием, к которому пристрастилась еще в юности, и совсем не зря — во всем городе прослыла искусной мастерицей...

После принятия очередной стопки Виктор неизменно произносил услышанную от кого-то на работе и так пришедшуюся ему по душе чисто русскую поговорку: «Эх-ма, денег бы тьма! Купил бы деревеньку, да и жил бы помаленьку!..» В разговоре, пока ходил в бульдозеристах, из раза в раз, ругал сплошь и подряд свое начальство, ну а когда, наконец, сам выбился самоотверженным трудом в механики, то переключился на рабочих, которые, по его словам, только и думают, как бы лишнюю денюгу зашибить. Анатолию Петровичу хватало ума не поддакивать зятю, а просто внимательно слушать его заезженные в крик полупьяные речи, тем более что тому, кроме как излить сполна душу, ничего другого и не надо было. В конце концов, Виктор, допив бутылку, говорил, что более душевного человека, чем брат жены, не встречал, целовался и уходил в спальню отсыпаться. А Анатолий Петрович с сестрой, уединившись в гостиной, до самой ночи говорили о жизни — и не могли наговориться...

19

Примерно в половине пятого вечера самолет, наклонно сделав положенный круг над якутской столицей, слегка качнув крыльями, плавно совершил посадку в аэропорту, находящемся в пяти километрах от города. Солнце, скатываясь с голубого небосклона с редкими перистыми облаками, еще продолжало всю озарять северную землю оранжево-золотистыми теплыми лучами. Синеватые легкие тени, падающие от ангаров, здания вокзала,

значительно удлинились. Воздух был насквозь так густо пропитан острым запахом сгоревшего керосина, что когда Анатолий Петрович с Марией спустились по дюралевому, вручную передвигаемому, шаткому трапу на бетон стоянки, то невольно вскинули головы, словно им поднесли, как после сильного угара, нашатырный спирт... Быстро выйдя на привокзальную площадь с разбитым в центре тальниковым сквериком, они подошли к припаркованным к бетонному бордюру тротуара такси и, с разрешения водителя, сели в переднюю машину. Анатолий Петрович посмотрел на часы, о чем-то, словно сомневаясь, секунду, другую подумал, и решительно сказал жене:

— Слушай, я планировал к министру зайти завтра утром, но, поскольку до конца рабочего времени еще почти час, то не вижу никаких причин, чтобы не сделать это сегодня! Как ты считаешь?

— Считаю, что ты прав!

— В таком случае, уважаемый водитель, — сказал Анатолий Петрович таксисту, — будьте так добры, подвезите нас к Министерству сельского хозяйства. Адрес его, надеюсь, знаете?

— Знаю и адрес, и как быстрее доехать!

— Вот и отлично!

Вырулив на шоссе с бетонным покрытием, машина понеслась в сторону города. Анатолий Петрович, наконец, снова ехал по земле, где родился, пошел в школу, познал первые, к сожалению, не всегда радужные, уроки жизни. От любви к родным местам сердце сладко защемило. Захотелось восторженно рассказывать о них Марии. Но вдруг он увидел справа, вдалеке, рядом с сопками, очертания воинской части, в которой проходил курс молодого бойца, и почему-то сразу память выхватила из армейского прошлого не суровые солдатские будни, наполненные до отказа строевой подготовкой, практическими занятиями с оружием, не благодарность, объявленную на стрельбище перед строем командиром части за меткую стрельбу — все три пули послал в «яблочко», не обидный первый наряд вне очереди, полученный за то, что, являясь ротным запевалой, маршируя в столовую, только пел куплеты, что было замечено взводным и оценено как грубое нарушение Устава, — а тоненькую книжку Алексея Суркова, которую он взял в библиотеке и урывками, как бы сильно от ежедневной шестичасовой маршировки на плацу ни уставал, почитывал, уйдя в текст настолько глубоко, что даже не слышал происходящих рядом с ним в казарме ни разговоров, ни действий сослуживцев — ровным счетом ничего! Особенно ему понравились пронзительные стихи о любви, посвященные возлюбленной Софье Кревс: «Бьется в тесной печурке огонь», заканчивающиеся строками: *«Ты сейчас далеко-далеко./ Между нами снега и снега./ До тебя мне дойти нелегко,/ А до смерти — четыре шага».*

Он был поражен, что среди ужасов войны — с болью, с кровью, страданиями и лишениями — душа поэта каким-то чудом оставалась светлой, чистой, продолжающей любить и, значит, побеждать! От сознания этого на душе легчало, армейские тяготы воспринимались не иначе как работой, которую, словно в поле или на покосе надо только на совесть делать. Но тотчас встал вопрос: «Почему именно из огромного количества событий прошлого вспомнились именно эти замечательные стихи? Уж не от того ли, что я в душе все-таки на самом деле от матушки-природы поэт?.. А может, потому, что рядом со мной сидит женщина, чью хрупкую ладошку, как озябшего воробушка, я нежно держу в своей руке, которую, несмотря на разделяющие нас аж три тысячи километров, я все-таки по воле свыше встретил? Хотя жаль, что сегодняшняя, устроенная бездарными правителями жизнь, очень сильно напоминает самую настоящую боевую обстановку, только вокруг пока еще снаряды не взрываются, да пули над головой ни свистят...»

Нахлынувшие, как морская волна, совсем непростые, даже в конце тягостные, тревожные размышления прервал бодрый голос водителя:

— Ну, вот и приехали.

— Да? И точно! — немного удивленно сказал Анатолий Петрович, увидев справа от своей дверцы знакомое здание, главным фасадом выходящее на площадь имени Орджоникидзе.

К положенной по счетчику сумме добавил чаевых и, быстро рассчитавшись с водителем, отпустил такси.

Главная сельскохозяйственная контора республики делила это многоэтажное строение с Комитетом государственной безопасности. Здание было построено еще до войны на железобетонных сваях, вбитых не менее чем на десять метров в вечную мерзлоту и возвышающихся над землей на три метра. Таким образом, получалось, что оно как бы подвешено в воздухе — это позволяло теплу, идущему зимой и летом от здания, не влиять на оттаивание грунта больше допустимой нормы и, значит, не «гулять» сваям, вызывая опасные разрушения бетонного пояса фундамента и кирпичных, оштукатуренных стен.

Приемная была небольшой, продолговатой, вместившей лишь несколько стульев, выстроившихся вдоль стены справа от входа, напротив них чинно стоял рабочий стол и два массивных шкафа со стеклянными дверцами, заставленные пронумерованными папками с деловыми бумагами. Единственное окно с тремя рамами, все еще по-зимнему утепленное, выходило в затененный внутренний квадратный двор, поэтому если бы не горящая ярко люстра, свисающая с побеленного потолка, то в помещении даже

в самый разгар солнечного дня было бы сумрачно. Паркет, постеленный в «елочку», со временем не только сильно истерся, но и разохся так, что ворчливо скрипел под ногами...

Миловидная секретарша, якутка средних лет, с черными, блестящими, как антрацитный уголь, завитыми волосами, с раскосыми, тем не менее из-за длинных ресниц казавшимися распахнутыми, словно оконные створки, темными и глубокими, как омут, глазами, в которых искрился любознательный свет, при появлении незнакомых посетителей, дождавшись, когда они поздороваются, сама, доброжелательно улыбнувшись, поприветствовала их и вежливо спросила:

— Вы, уважаемые, к министру?

— Да! Но только я один! И разрешите представиться: я — Анатолий Петрович Иванов! А пришедшая со мной молодая женщина — Мария Васильевна! — И секунду-другую помолчав, несколько смущенно добавил: — Моя жена! Она, кстати, как и я, тоже работает в совхозе «Ньюский», только в качестве агронома!

— Очень приятно! Но, к сожалению, министр в данное время очень занят! А, интересно, вы к нему по какому вопросу?

— Понимаете, я только что прилетел в столицу из района с целью утверждения меня на заседании бюро обкома на должность нового директора совхоза «Ньюский». Но подумал, что будет правильным сначала нанести визит своему непосредственному будущему начальнику!

— Хорошо! Как только у Михаила Ефимовича закончится экстренное совещание, я доложу ему о вас! Подождите!..

Долго ждать не пришлось. Минут через двадцать в приемную один за другим — гуськом — вышли несколько чиновников. Кое-кого Анатолий Петрович знал по прежнему месту работы, но с другими он не был знаком, но у всех без исключения лица, то ли от волнения, то ли полученной от министра взбучки за какие-то огрехи в работе, пунцово пылали, как сваренные раки. Печать внутреннего сосредоточения лежала на них. «Интересно, за что же им так досталось?» — не без тревоги за себя подумал Анатолий Петрович, но тотчас услышал мелодичный голос секретарши, обращенный к нему:

— Пожалуйста, заходите!

Министр сельского хозяйства республики был мужчиной пятидесяти лет, ниже среднего роста, с открытым сухощавым лицом, на котором светились большие, круглые, словно озаренные небесным светом, голубые глаза. Это говорило о том, что у него — по национальности якута — в венах еще в значительной мере текла и славянская кровь. Словно в компенсацию за небольшой рост, природа одарила его негромким, но таким внутренне сильным, харизматическим голосом, что слушать его равнодушно

было невозможно — каждое произнесенное им слово ложилось глубоко в сознание, как бетон в фундаментную траншею, — раз и навсегда!

Двадцать лет назад, ветеринар по образованию, он возглавлял пригородный совхоз «Якутский», одним из отделений которого руководил отец Анатолия Петровича. Директор, высоко ценя управляющего, не раз заезжал на обед к нему, поэтому членов его семьи знал достаточно хорошо. Однако, видимо, еще не отойдя от совещания, министр встретил молодого директора натянуто, сухо: коротко поздоровавшись и предложив сесть, даже не поинтересовался здоровьем своего бывшего управляющего, совсем недавно ушедшего на пенсию. Это неприятно резануло по душе Анатолия Петровича, но ему ничего не оставалось, как в ответ сделать вид, что с министром не знаком, вообще видит его в первый раз, тем более что разговор тот начал с вопроса о событии аж полуторагодовой давности:

— Анатолий Петрович, а не скажете, с каким результатом закончилось расследование письма какого-то совхозного то ли водителя, то ли рабочего — точно сейчас что-то даже и не вспомню, — поступившего к нам в министерство из редакции такого уважаемого центрального журнала, как «Человек и закон»?

Дело в том, что в период работы в совхозе заместителем директора по строительству Анатолий Петрович новый самосвал «Зил-130», выделенный находящемуся у него в подчинении стройотделу, не зная, что на него нагло претендовал Сергей Мордосов, отдал другому водителю, безотказному, сумевшему выдержать бешеный темп работы, заданный новым начальником. Уязвленное самолюбие как бы оставшегося «с носом» Сергея ничего другого, кроме как написать клеветническое письмо на Анатолия Петровича, ему не подсказало. Приехавший из министерства ревизор, проведя тщательную проверку жалобы, пришел к выводу, что все изложенные в ней факты якобы имевших место злоупотреблений должностным положением не подтвердились. В том числе и то, что Анатолий Петрович десять кубометров обрезного совхозного теса прямо с леспромхозовской Солдыкельской пилорамы без всякой оплаты вывез в райцентр своему брату для строительства собственного дома. Но этот поклеп по сравнению с другим, а именно — что водители, выполнявшие по зимнику рейсы за строительным материалом в Якутск, по фиктивным путевкам якобы получали оплату в оба конца, хотя груз везли в один, был напрочь высосанным из пальца и являлся нравственным падением завравшегося Сергея, поскольку этим он, окончательно впав в умозрительное, несправедливое негодование, — без всякого зазрения совести, — клеветал уже и на своих друзей-коллег.

Не чувствуя за собой никакой вины, Анатолий Петрович, смело глядя министру в глаза, твердо ответил:

— В результате тщательного расследования назначенная вашим приказом ревизионная комиссия установила, что все изложенные в письме примеры злоупотребления мной служебным положением вымышлены исключительно с одной целью — хоть как-то досадить мне за верно принятое по отношению к нему решение — только и всего!

— А чем вы можете подтвердить свои слова? — не унимался министр.

Этот вопрос в душе у Анатолия Петровича вызвал недоумение: «Как это так: руководитель, своим приказом назначивший расследование, даже не удосужился узнать, чем же оно закончилось! Да быть такого не может!.. Скорее всего, он просто, обжегшись вместе с райкомом партии на моих четырех предшественниках, испытывает меня как нового, теперь уже пятого будущего директора на твердость характера! Ладно, пусть будет так!» И весьма вовремя взяв себя в руки, еще более спокойно, чем прежде, уверенно, чеканя каждое слово, произнес:

— Если вы не против, то я постараюсь как можно быстрее сходить к главному ревизору, которого, идя к вам на прием, встретил в коридоре, и попрошу у него для вас весь отчет!

— Хорошо, я подожду! — тотчас согласился министр, словно хотел распорядиться сам о вызове к себе председателя комиссии.

Уже через пять минут довольно толстая папка документов ревизии лежала перед министром. Он открыл последнюю страницу, на которой были напечатаны выводы проверки, прочитал их и удовлетворительно, словно и не сомневался в порядочности бывшего заместителя директора неблагополучного совхоза, произнес:

— Я рад, что письмо жалобщика оказалось обыкновенной клеветой! Тем не менее, — тут министр смягчил голос, — советовал бы вам, Анатолий Петрович, сделать из него все необходимые выводы!

— Не против! Но какие именно, не скажете?

— Скажу! Тем более что теперь перед вами стоят задачи решения производственных проблем куда сложнее, чем когда-либо были. Крупный руководитель не имеет права смотреть на жизнь односторонне. Чтоб не быть голословным, отмечу, что если бы вы у заведующего гаража узнали, кто по очереди должен был получить машину, и с этим водителем переговорили бы по-человечески, то, уверен, он не стал бы никуда жаловаться, тем более так подло! Вы меня поняли?

— Понял, Михаил Ефимович! А вопрос можно?

— Пожалуйста!

— Вам, случайно, сегодня начальник нашего сельскохозяйственного управления Владимир Андреевич Пак не звонил?

— Звонил! Но поскольку я почти весь день провел в пригородном совхозе, то переговорить с ним не смог! А в чем вопрос?

Анатолий Петрович положил на министерский стол папку с экономическими расчетами и сказал:

— Здесь документы, подтверждающие, что и в наших северных суровых природных условиях даже самый отстающий совхоз, специализирующийся в основном на растениеводстве, можно сделать передовым! Поручите вашим заместителям по экономике и финансам, по совести, не жалея времени, изучив их, предоставить вам соответствующее заключение. А как им распорядиться, вы уж решите сами!

Министр изучающее посмотрел на Анатолия Петровича, словно хотел проникнуть в его мысли, явно заряженные на что-то новое, явно полезное, но лишь сухо, как в самом начале встречи, сказал:

— Договорились!

Анатолий Петрович, считая визит законченным, было хотел уже раскланяться, как вдруг Михаил Ефимович с мягкими нотками в голосе, враз перейдя на «ты», поинтересовался:

— Анатолий, а отца, Петра Ивановича, давно видел?

— В прошлом году, когда в отпуск летал на Кавказ!

— И как у него здоровье? Чем на пенсии занимается?

— Знаете, на первый вопрос даже не знаю, что и ответить, поскольку отец, как бы себя плохо ни чувствовал, никогда об этом не скажет. Просто уединится на день, другой в своей комнате, скажем так, словно собака, забившаяся в конуру, залижет свои глубокие физические, а порой и душевные раны — да и вновь трудится, не покладая рук! Конкретно — выращивает в теплице овощи, а в огороде — цветы. На вырученные от продажи деньги и живет: пенсия-то, сами знаете какая — кот наплакал! В общем, перед тяготами жизни не склоняет в бессилии голову. Боец!

— Это точно! У меня в совхозе «Якутский», пока я им руководил, более инициативного управляющего, чем твой отец, не было! В связи с этим единственное, что я тебе, Анатолий, пожелаю на директорском поприще, — это быть таким же волевым, как он! А ума, находчивости, вижу, тебе не занимать! В твои годы самое время звезды, причем, самые яркие, с неба неустанно хватать! А вот теперь с этим моим добрым пожеланием — иди! После заседания бюро обкома приказ о твоём назначении директором я, не медля, подпишу!

Когда Анатолий Петрович с Марией вышли из министерства, на улице уже стало смеркаться. В медленно остывающем воздухе, за день раскалившемся до тридцати градусов, словно в таежном лесу, тучами, противно зудя и все норовя укусить, носились крупные кровожадные комары. Асфальт на тротуаре от полуденной жары настолько размягчился, что женские тонкие каблочки оставляли в нем заметные вмятины. Во многих окнах пятиэтажных панельных домов горел свет, который, падая на тротуары, выхватывал из густеющего на глазах сумрака редких прохожих,

тальянские кусты, растущие вдоль улицы в палисадниках с низким, решетчатым — из полосового железа — ограждением. Мимо по асфальтированному дорожному полотну довольно широкой улицы имени Петра Ойунского проезжали с включенными на ближний свет фарами многочисленные легковые автомашины, в том числе и неавтолюбимые такси. Но поскольку до дома, в котором проживала сестра Наталья со своей семьей, было рукой подать, Анатолий Петрович предложил жене прогуляться по вечернему, залитому золотым светом фонарей, столичному городу пешком.

— А ты что так долго был у министра? — взяв мужа под руку, не без тревоги живо поинтересовалась Мария.

— Знаешь, — не задумываясь, ответил он, — просто как-то с самого начала разговор пошел по неожиданному для меня руслу!..

— И все же?

— Да уважаемый министр — то ли в качестве напутствия, то ли просто для более верного выражения своих мыслей — посчитал необходимым долгом строго напомнить мне, что сегодняшней день уже завтра будет прошлым, а оно имеет свойство, особенно плохими делами, очень часто печально напоминать о себе. И выходит, что без хорошего настоящего можно запросто лишиться светлого будущего!

— Только и всего?

— А разве этого мало?! — спросил Анатолий Петрович и, не дожидаясь ответа, сказал: — Но вообще, думаю, нам, хоть и атакуемым комарами, будет более приятно в этот вечер поговорить о чем-нибудь другом! А лучше давай я в качестве исключения прочитаю сейчас свои стихи о городе, по улице которого мы с тобой идем.

— Читай! Я с удовольствием послушаю! — искреннее обрадовалась Мария, несмотря на то, что лихо прихлопнула на шее еще одного комара.

Анатолий Петрович, в полной мере, можно сказать, состоявшийся большой ответственный руководитель, хотя и уже давно пишущий неплохие стихи, но все еще остававшийся безызвестным, от природы хорошо поставленным голосом чтеца продекламировал: *«Треща зловеще, будто лед/ все ходит вверх и вниз:/ и столб, где радио орет,/ и цоколь, и карниз./ А крепкий железобетон,/ сдавивший грудь земле,/ и вовсе в небо вознесен,/ как ведьма на метле./ Моя измученная жизнь/ летит, как птица стерх,/ в палящий зной то вверх, то вниз,/ но чаще все же вверх./ Когда же вьюги налетят/ и стужа — зазвенит,/ недвижно все, что видит взгляд,/ и даже сердце — спит...»* Ну и что, дорогая, скажешь?

— Суровые, но очень верные стихи! — ответила Мария и с живым интересом спросила: — А когда ты их успел написать?

— Это совсем неважно! Главное, что мое отношение к родному городу передано в стихах действительно правдиво! Так бы еще суметь в полной мере и жить на этом свете!

— И что же мешает?

Вместо того чтобы ответить, Анатолий Петрович задал вопрос себе: «И действительно — что?! И сам же на него мысленно попробовал ответить: «Да ровным счетом ничего! Дело в другом! На высокую жизнь, исполненную света и добра, кроме мужества, упорства и силы, нужна в обязательном порядке любовь. Та единственная, которая все перечисленные качества во сто крат увеличивает, от которой душа, как весенняя птица, вдохновенно и заливисто поет и, в конце концов, жаждет подвигов во имя ее величества любви!..» От этих неожиданных мыслей на Анатолия Петровича, словно откуда-то свыше, снизошло озарение, позволившее ему, как никогда прежде, понять, что он в полной мере исполнился яркой любви к этой молодой красивой женщине, можно сказать, нечаянно повстречавшейся ему, но не полыхающей в душе ветровым костром, а величаво и восхитительно, словно равнинная полноводная река, с чьего берега не видно другого — настолько она широка, до ее дна, сколько упрямо ни ныряй, не достанешь, и как бы долго ни плыл, ей, как Вселенной, не будет ни конца ни края!

Он порывисто повернулся к Марии, взял ее за хрупкие плечи, притянул к себе так резко, что она невольно запрокинула голову. Глаза, ее, словно в ожидании самого заветного, в лунном свете таинственно сверкали, выражая покорность и нежность, — и, не отводя от них горящего взгляда, почти прокричал:

— Я тебя люблю! Понимаешь, нет ли, но люблю!..

И, не дожидаясь ответа, которого в эту минуту и не надо было, настолько он был поглощен вдруг охватившим его душу огромным, всепоглощающим чувством любви, тотчас, как пушинку, взял на свои крепкие руки Марию и закружил, закружил, словно нежданно налетевший солнечный вихрь, при этом еще и готовый нести и нести свой небесный дар, как ему тогда казалось, бесконечно!.. Но, словно от бега в гору, запыхавшись, наконец, не без сожаления опустил свое сокровище на землю, вновь заглянул в такие милые, такие дорогие глаза и от сильного волнения почему-то вдруг осевшим голосом снова произнес, как самое дорогое заклинание:

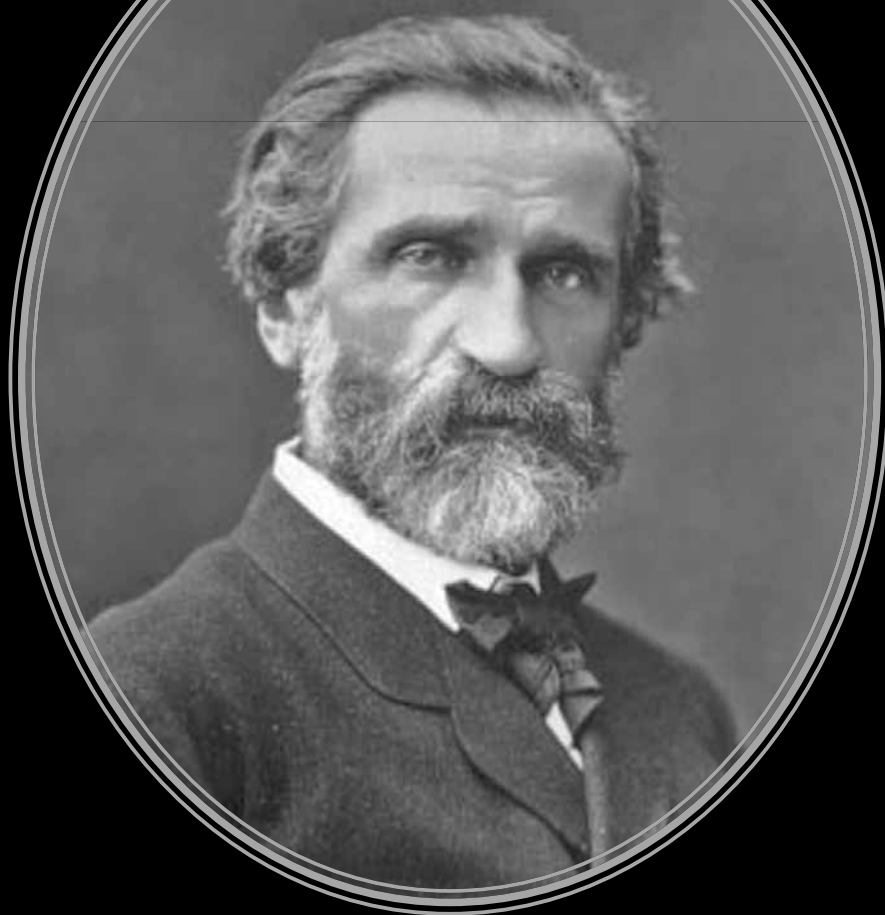
— Нет, родная, ты понимаешь, как же я тебя люблю! И только тебя!

И теперь ему действительно страшно захотелось спросить ее, а разделяет ли она его самое великое чувство на свете? Но вдруг совсем без огорчения здраво подумал: «А зачем? Ведь если бы она была готова к признанию, то сама, прямо сейчас, сказала бы мне об этом. А раз молчит — значит, ее душа еще не созрела для заветных слов... Что ж — подожду! Буду верить, что, как капля за каплей камень точит, так и моя любовь своим ярким горением однажды запалит и душу жены...» □

Продолжение следует.

Алла Зубкова

ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ

МАЭСТРО
НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Почти три четверти века охватывает творческий путь Джузеппе Верди, путь постоянной упорной работы и смелых исканий. Колоссально расстояние от первых незамысловатых опытов деревенского самоучки до величайших шедевров всемирно известного композитора. Ни при жизни Верди, ни после его смерти в Италии не появилось композитора, равного ему по значению и по силе дарования.

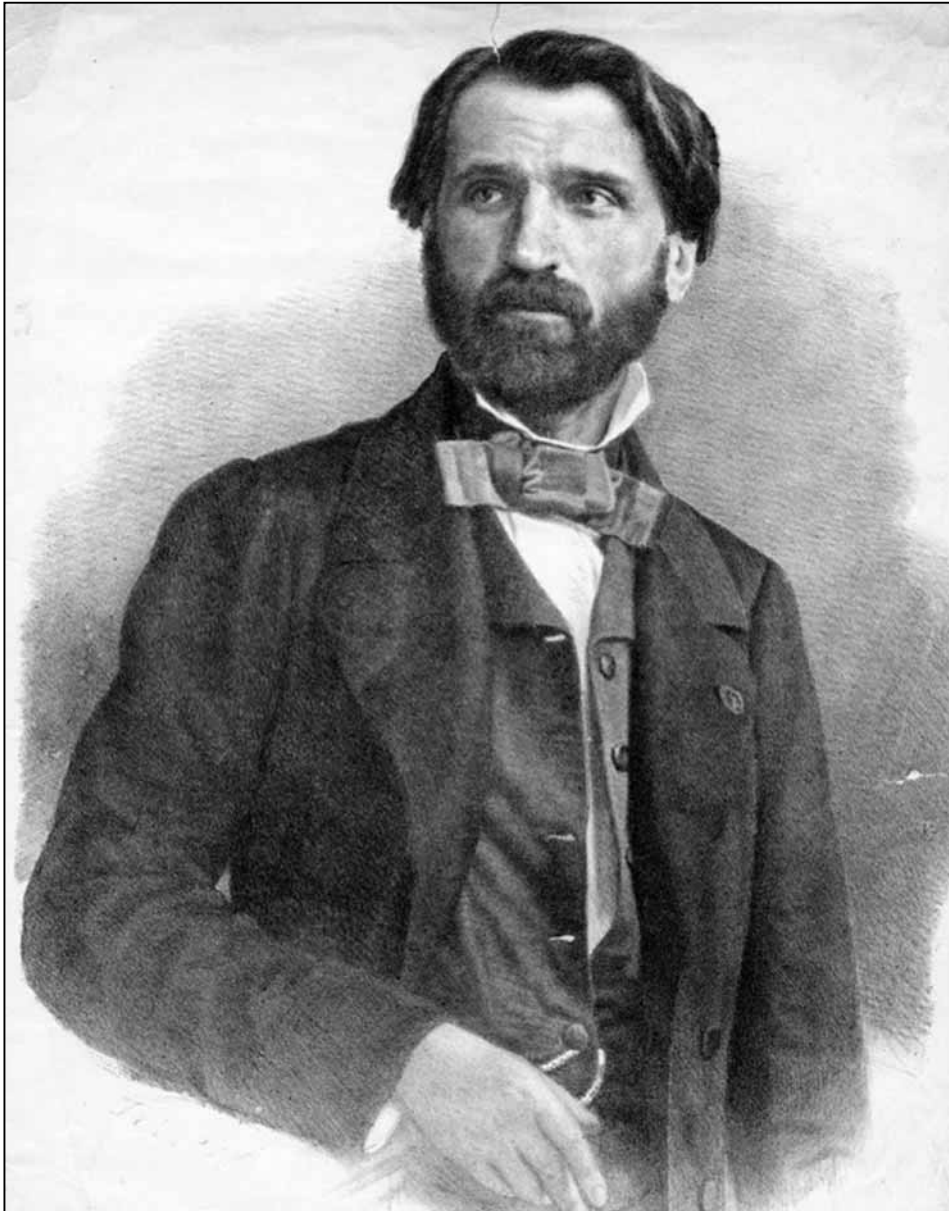
Великий музыкант, почти обожествляемый соотечественниками, был сложным человеком. Его называли «медведем», «деревенщиной», «дикарем». Что ж, в нем действительно соединялись крестьянин и гений. Он ни во что не ставил критиков, презирал лесть и почести (под конец жизни он даже отказался от предложенного ему титула маркиза), бывал сух, нелюдим, резок до грубости. Его гордость стала притчей во языцех. Говорили, что спина его не умеет гнуться. О его практичности тоже ходили легенды. Все знали, что он никогда не писал музыку, пока не договаривался о гонораре. Однако далеко не всем было известно, что под внешней сухостью и суровостью маэстро скрывается тонкая душа, способная на сочувствие и сострадание и готовая прийти на помощь нуждавшимся в поддержке людям...

Джузеппе Фортунато Франческо Верди появился на свет 10 октября 1813 года в небольшой итальянской деревушке Ле Ронколе, расположенной в Северной Ломбардии, входившей тогда в Пармское герцогство. Его отец, владелец местного трактира, не без труда сводил концы с концами. Пеппино, как называли мальчика в семье, рос довольно замкнутым, немногословным. Без возражений выполнял любую работу, которую поручал ему отец: расставлял по столам стаканы с вином, подметал, вытирал пыль,

кормил кур. Ребенок был не без странностей. Часто уходил один далеко в поля и долго пропадал там, хотя знал, что дома его будут ругать за отлучки.

Почти напротив их дома стояла церковь. Маленький Пеппино, как и полагается, помогал служить мессе — прежде всего, потому, что можно слушать органную музыку. Однажды он так заслушался органиста, что во время службы позабыл подать священнику чашу со святой водой. Тот дал ему такого пинка, что мальчик растянулся на ступеньках

алтаря. Поднявшись с пылающими щеками, он, пользуясь выражениями, почерпнутыми из Ветхого Завета, проклял священника и убежал из церкви. Пеппино никогда и никому не прощал обид. Он был горд, как Люцифер, и эту черту сохранил на всю жизнь. Его вспышек гнева опасались даже родители. Впрочем, добром от него можно было добиться многого.

Пеппино завел дружбу с церковным органистом и проводил долгие

часы, подбирая мелодии, которые слышал. Органист дал ему начала музыкальной грамотности и поражался тому, как мальчишка схватывает все налету. Удивленные его успехами родители купили ему старенький спинет (пианино), и Пеппино в экстазе так терзал бедный инструмент, что тот едва не приходил в негодность.

В девять лет Пеппино окончил начальную школу. Возможно, родители и заставили бы его бросить заня-

тия и в полную силу помогать им в трактире, но ведь работа учителя музыки или органиста в церкви не менее почетна, а мальчик, судя по всему, музыкально был очень одарен. Конец их сомнениям положил весьма состоятельный коммерсант из соседнего городка Буссето, Антонио Барецци, любитель и знаток музыки. Разглядев в мальчике большой талант, он убедил родителей послать сына в школу в Буссето. Так, десяти лет от роду, Пеппино оказался в маленьком провинциальном городке. Жил он в съемной каморке и посещал местную школу. Впрочем, к за-

позитором, если удастся, и начал сочинять свои первые произведения — наброски концерта, марши, духовную музыку, даже симфонию. Он все чаще бывал в доме Барецци — во-первых, потому что там собирались члены городского Филармонического общества, во-вторых, его все больше привлекала юная дочь Барецци Маргерита, с которой он занимался музыкой. Эта нежная застенчивая девушка с красивыми глазами и тонкими чертами лица тоже испытывала к своему учителю нечто большее, нежели простая симпатия. Их отношениям способство-

---

Общеобразовательные предметы его мало привлекали, им владела лишь одна страсть — к музыке. Великодушный Барецци записал мальчика в городскую музыкальную школу, и под руководством ее директора, довольно опытного органиста и педагога, юный Верди стал изучать основы композиции и контрапункта

нтиям он относился спустя рукава. Общеобразовательные предметы его мало привлекали, им владела лишь одна страсть — к музыке. Великодушный Барецци записал мальчика в городскую музыкальную школу, и под руководством ее директора, довольно опытного органиста и педагога, юный Верди стал изучать основы композиции и контрапункта. К пятнадцати годам он уже отчетливо знал, что будет музыкантом, ком-

вал и переезд Верди в дом коммерсанта по просьбе последнего. Верди был очень благодарен своему благодетелю за внимание и заботу, но ему уже становилось тесно в Буссето. Все более настойчиво манил его Милан. Барецци поддерживал его в этом желании и готов был оказать ему финансовую помощь. Стипендию на четыре года согласилось выплачивать Верди и местное благотворительное общество.

Так, жарким июньским днем 1832 года будущий композитор оказался в Малине и сразу же подал заявление о поступлении в Королевскую консерваторию. Увы, испытание Верди не выдержал. Комиссия не усмотрела в нем «исключительных способностей к композиции», зато нашла недостатки в технике игры на фортепиано. Неудача поразила восемнадцатилетнего Верди прямо в сердце. До конца своих дней он не простит близоруких миланских профессоров. Но не возвращаться же домой побежденным. И Верди начал заниматься частным образом с известным композитором, преподавателем консерватории Винченцо Лавинья.

Он вел жизнь затворника. Кроме учителя посещал лишь театр «Ла Скала», где ставились оперы Беллини, Доницетти, Россини, и, чтобы расширить свои музыкальные познания, переписывал сочинения великих композиторов: Баха, Моцарта, Генделя, Бетховена. Джузеппе жаждал славы, но еще больше — денег, чтобы выбраться из тисков проклятой нищеты. Этот период миланской жизни, эти четыре года, проведенные с Лаваньей, окончательно определили характер Верди. Если и прежде он был замкнутым, то теперь сделался еще более нелюдимым. Все, чем он обладал — это его талант, а также желание и упорство, которые не имели границ.

Ему исполнилось двадцать три года. В его возрасте Россини был уже знаменит, Моцарт прославлен

на весь мир, Беллини признан многообещающим талантом. Ну а Верди приходилось радоваться месту учителя музыки в Буссето, которое он получил после долгих хлопот. Скромная свадьба с Маргеритой состоялась весной 1836 года. Казалось бы, все хорошо. Но вот профессия учителя ему нисколько не нравилась и казалась скучной. Он уже заканчивал оперу, названную «Рочестер». В Милан послать ее Верди не решился, а из оперного театра Пармы ему пришел отказ.

Весной 1837 года у молодых супругов родилась дочь Вирджиния, а через год на свет появился сын — Ичилио. Увы, семейное счастье молодого музыканта длилось недолго. Через несколько дней после рождения сына крошка Вирджиния умерла. Верди казалось, что мир вокруг него рухнет. Маргерита едва не сошла с ума от горя, и с каждым днем теряла силы. Джузеппе чувствовал: останься они в Буссето, у него самого не хватит мужества сопротивляться судьбе. Ему нужен был простор, который вдохновлял бы его к действию. Итак, в Милан!

В столице Ломбардии Верди почти невозможно было застать дома, с утра он отправлялся в «Ла Скала», обивал пороги у импресарио, посещал кафе, где собирались «сливки» театрального мира, предпринимал все возможное, чтобы подписать контракт — ведь он уже заканчивал инструментовку своей новой оперы «Оберон, граф Сан-Бонифачо».

Ему удалось добиться прослушивания у знаменитого импресарио «Ла Скала» Бартоломео Мерелли, и тот согласился принять оперу к постановке. Вновь ожили надежды на успех. Но тут от неизвестной болезни скоропостижно умирает маленький Ичилио. Это походило на проклятье злой судьбы. Но Верди не мог позволить себе предаться горю, ведь полным ходом шли репетиции «Оберона». 17 ноября состоялась премьера. Спектакль прошел с огромным успехом, в газетах — сплошные положительные рецензии. Впрочем, по правде говоря, успех был не так уж велик, личность Верди пока не вызывала особого интереса.

Тем не менее, молодой Верди законно вступил в итальянский музыкальный мир. Мерелли предложил ему контракт на два года, с обязательством сочинить три оперы. Это чертовски нелегкая работа, но у Верди не было выбора — он остро нуждался в деньгах. И вот на свет появляется комическая опера «Король на час». Либретто ее можно определить одним словом — галиматья. Верди только стискивал зубы, он пока еще не мог навязывать свою волю либреттистам, но работал без всякого вдохновения. О каком вдохновении вообще может идти речь, когда все мысли его были сосредоточены на состоянии здоровья Маргериты? После смерти сына она так и не сумела оправиться, а теперь снова слегла. Врачи поставили страшный диагноз: энцефалит, и в середине

*Маргерита Барецци —
первая жена Верди*

июня 1840 года Маргерита покинула этот мир, оказавшийся для нее столь жестоким.

Ну а через два с половиной месяца публика с наслаждением освистала «Король на час». Что ж, опера действительно была неудачной — манерной, лишенной фантазии, порой даже вульгарной. Разгромные рецензии в прессе настолько оскорбили и обозлили молодого композитора, что он принял решение покинуть Милан. У него не осталось никаких надежд на успех. Однако Мерелли все же удалось убедить его

еще раз попытать счастья. И новая опера под названием «Набукко» в самом деле принесла Верди успех и признание. История еврейского народа, плененного вавилонским завоевателем, царем Навуходоносором (из-за трудно произносимого имени в опере он назван Набукко), до глубины души тронула итальянцев, страдавших под игмом австрийской империи. Художественные же достоинства этого произведения были оценены исключительно высоко. Это

И тут не помогали последовавшие во множестве приглашения в самые аристократические салоны Милана. Великосветские дамы наперебой оспаривали Верди друг у друга. Им нравились его подчеркнутая строгость, сдержанность, ярко выраженная мужественность, холодная галантность. Привлекала изящная фигура, бледное лицо, темные глаза и меланхолия, разлитая в них. Особенно близкие отношения установились у него с графинями Маф-

---

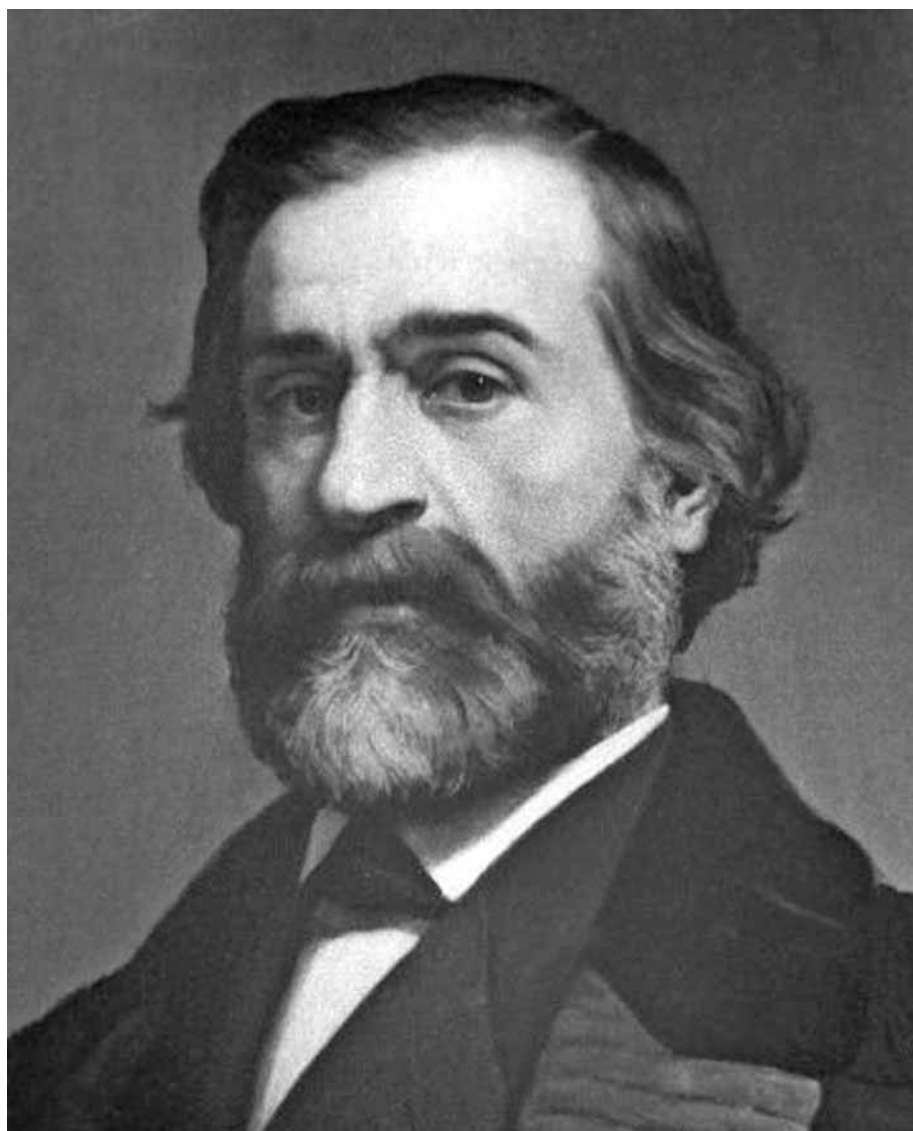
В семейной жизни маэстро был далеко не подарком. Всегда угрюмый, раздражительный, порой грубый, и не только со слугами, но и с Джузеппиной, которая искренне восхищалась им, считая чуть ли не полубогом. В конце 1867 года Верди увлекся известной певицей из Богемии, Терезой Штольц, женщиной, несомненно, выдающегося обаяния

была опера дотеле неизвестной покоряющей силы и красоты. Такой мощи и неистовства на итальянских сценах еще не слышали. Публика вызывала Верди несколько раз. Он кланялся, но ироническая улыбка кривила его губы — он знал, что его тесть Барецци приехал в Милан с мешком золота, чтобы, в случае необходимости, купить успех, заплатив за горячие аплодисменты. Что ж, его талант шел теперь на вес золота, и все же унижения юности продолжали жечь его, как огнем.

феи, Морозини, Аппиани, знаменитой певицей Стреппони. Однако ни одна не могла сказать, что может повелевать им. Гордый, упрямый, высокомерный, властный и эгоистичный маэстро подчинялся лишь своим желаниям и фантазиям.

Еще больше укрепила положение Верди его следующая опера «Ломбардцы». Теперь он хорошо знал публику и ее вкусы, и на предложения написать очередную оперу никогда не отвечал отказом.

Так начались годы, которые он сам впоследствии назовет «годами каторги» — без передышки, без пауз, одна опера за другой — «Эрнани», «Двое Фоскери», «Жанна д'Арк», «Альзира», «Аттила», «Макбет», «Разбойники»... За восемь лет он написал и поставил двенадцать(!) опер. Между третьей — «Набукко» — и двенадцатой — «Иерусалим» — прошло всего пять лет. Продолжать жизнь в таком ритме было невозможно, и Верди уехал в Париж. Впрочем, в столицу Франции его влекло не

только желание послушать новые постановки в «Гранд Опера». В Париже вот уже два года жила Джузеппина Стреппони. Ей исполнилось 30 лет. Замечательный голос певицы утратил былую силу и красоту, с артистической карьерой было покончено. Зато давние отношения Верди с Джузеппиной приобрели теперь более глубокий и устойчивый характер. Им было хорошо вместе. И Верди, в конце концов, решил, что подругой его жизни станет именно она, Джузеппина,

*Джузеппина
Стреппони —
вторая жена*

Пеппина, но о браке пока разговора не заводил.

Из Парижа маэстро вернулся в Италию. Еще несколько лет назад он приобрел в окрестностях Буссето солидный земельный надел с полями, виноградниками, хлевами, сыроварнями. Теперь же присоединил к нему богатую виллу Сант-Агата и крупное имение Плугар.

Что ж, подругу он выбрал, землю купил. Он уже не так молод — ему под сорок. До сих пор искусство было для него, прежде всего, тяжелым

изнурительным трудом, а сейчас ему хотелось чего-то другого, неизмеримо большего. Он пока еще не знал, что уже стоит на пороге создания нового типа музыкальной психологической драмы. Очень кстати пришло предложение из Венеции написать оперу по драме Гюго «Король забавляется»: Верди понимал, что наконец-то нашел то, что долго искал. Теперь, когда он достиг всеобщего признания, он может делать то, к чему стремилась душа. Либретто, написанное его другом Франческо

Пьяве, было весьма недурно, но приходилось вести постоянную борьбу с комитетом цензоров. Иногда их требования доходили до идиотизма — они, например, требовали убрать горб у Риголетто — горбун, видите ли, не может петь со сцены прославленного театра. Верди работал с необычайным подъемом и лихорадочной быстротой и закончил оперу всего за сорок дней.

Премьера проходила в начале марта 1854 года. Успех был грандиозный, публика много раз прерывала действие аплодисментами. После спектакля вызовом не было конца. В течение нескольких месяцев «Риголетто» обошла все итальянские и европейские сцены и стала одной из самых популярных и любимых публикой опер.

А Верди работал уже над другим проектом. «Трубадур» — истинный шедевр музыкальной драматургии. Публика снова была покорена, сражена, захвачена этой музыкой, такой волнующей, пылкой, зажигательной.

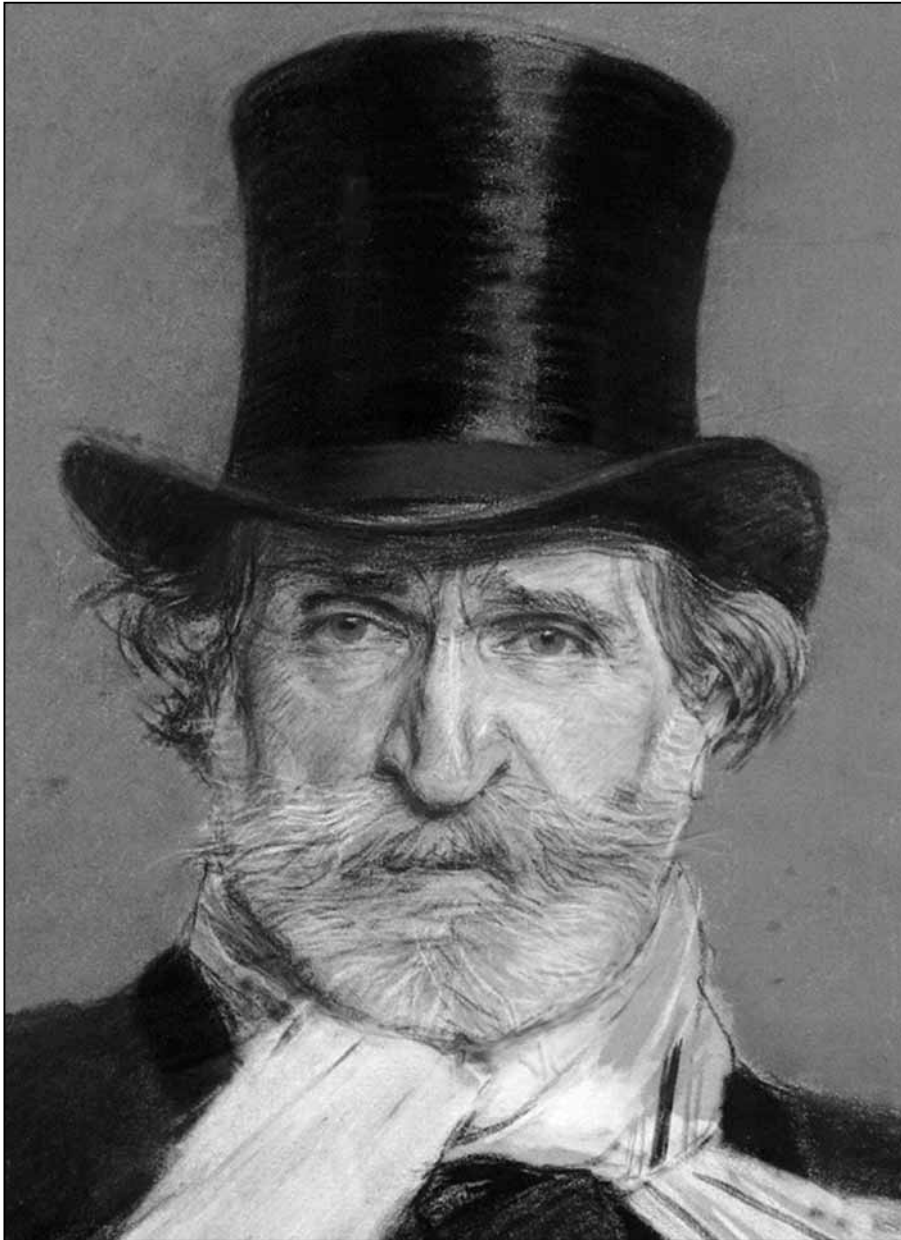
Но композитор не привык почивать на лаврах. В голове его уже рождался новый замысел. Еще во время работы над «Трубадуром» он увидел в театре пьесу Александра Дюма-сына «Дама с камелиями», которая произвела на него сильное впечатление, и теперь он не мог противиться желанию положить ее на музыку. Трудился Верди самозабвенно. «Травиата» — это абсолютная, совершенная песня любви, это шедевр, каких мало в истории оперы.

Верди вложил в нее всю свою огромную способность любить, глубочайшее знание человеческой души.

Премьера состоялась в венецианском театре «La Fenice» в марте 1853 года. Опера потерпела фиаско. Композитору ставилось в вину, что он вывел на оперную сцену в качестве центрального действующего лица женщину, отвергнутую обществом, ведь «traviata» по-итальянски — «падшая женщина». Успеху повредил и неудачный выбор исполнительницы главной роли. Взрывы смеха раздавались в самых патетических сценах, так как могучая комплекция Сальвини-Донателли отнюдь не соответствовала облику женщины, умирающей от чахотки.

Последующие оперы маэстро «Симон Боканегро» и «Бал-маскарад» ясно показывали, что Верди достиг поворота, который знаменовал конец старой оперы, пришедшей из XVIII века.

Между тем в личной жизни Верди назревали серьезные перемены. Он решил жениться на Стреппони. Композитор опасался, что в случае смерти его собственность перейдет к родственникам, а не к Джузеппине. Она же, напротив, хотела, чтобы брак узаконил их чувства, то есть, чтобы Верди женился на ней не из практических соображений. Как бы то ни было, бракосочетание состоялось 29 августа 1859 года в Коллонж-су-Салев. В качестве свидетелей присутствовали звонарь и кучер, никакого праздника, ни даже сообщений друзьям.

Почти обожествляемый композитор продолжал работать. Одна за другой из-под его пера выходили новые оперы. В некоторых из них он достиг вершин, каких никто прежде не достигал. Он имел все основания быть довольным жизнью. Земли приносили большой доход, авторские права — еще больший. Он еще полон сил и крепок здоровьем, хотя и любил жаловаться на болезни, в основном, вымышленные.

В семейной жизни маэстро был далеко не подарком. Всегда угрюмый, раздражительный, порой грубый, и не только со слугами, но и с Джузеппиной, которая искренне восхищалась им, считая чуть ли не полубогом.

В конце 1867 года Верди увлекся известной певицей из Богемии, Терезой Штольц, женщиной, несомненно, выдающегося обаяния. Привыкший к однообразию отношений

с женой, композитор теперь переживал новое чувство и целиком отдался ему. Он следил за карьерой певицы, назначал ее на ведущие партии в своих операх, даже давал деньги и вел ее дела. Штольц для него стала новым стимулом, новым творческим импульсом, потому что с нею он чувствовал себя молодым, и у него снова пела душа. Джузеппина пыталась скрыть от мужа, как жестоко она страдает, как болит ее сердце. Но у нее не было выхода, она боялась, что Верди вообще может оставить ее, и вынуждена была смириться. А Верди было наплевать, что он может стать героем скандальной хроники. Эта женщина целиком заполнила его душу. И, наверное, из-за этого запоздалого возвращения молодости сейчас, как никогда, ему необходим был новый сюжет, чтобы писать музыку.

В 1868 году Верди получил предложение от правительства Египта написать оперу, которая должна быть поставлена в новом каирском театре в честь открытия Суэцкого канала. Маэстро отказался. Однако затем передумал. Слишком уж увлек его сюжет, в основу которого легла древняя египетская легенда. Руководящая роль в составлении либретто, как почти всегда, принадлежала Верди, но так, как над «Аидой», он не работал ни над одной оперой. Композитор сам писал диалоги многих сцен, неоднократно заставляя своих либреттистов переделывать написанное. Сам маэстро изучал историю

Тереза Штольц

Египта, собирал сведения о местной природе, о жизни египтян. «Аида» — одно из совершеннейших созданий Верди. В этой опере во всем блеске проявился его драматический дар и достигшее полной зрелости композиторское мастерство. Создавая «Аиду», Верди думал о Штольц, и Джузеппина, безусловно, догадывалась об этом. Ее надежде на то, что работа над оперой отвлечет Верди от соперницы, не суждено было осуществиться.

«Аида» принесла Верди триумфальный успех, определившийся уже на премьере в Каире в конце декабря 1871 года. Почти одновременно с каирской, готовилась премьера «Аиды» и в Милане. Она состоялась в начале февраля 1872 года

в «Ла Скала». В главной роли выступала Тереза Штольц. Композитора вызывали больше тридцати раз. После окончания второго акта миланская знать торжественно вручила Верди дирижерский жезл из золота и слоновой кости.

То, что случилось дальше, на первый взгляд трудно поддается объяснению. В течение последующих пятнадцати лет, за исключением великолепного Реквиема в честь известного писателя Мандзони, Верди не создал ничего. Вместе с Джузеппиной он жил то в Париже, то в своем имении Сант-Агата. Его отношения с Терезой Штольц постепенно сошли на «нет». В чем же причина решения композитора отойти от любимого дела? Просто он считал, что дальнейшие занятия музыкой бессмысленны. Слава преходяща. Неизвестно, будет ли исполняться его музыка лет через пятьдесят. Кроме того, его страшно обижало, что его объявили последователем Вагнера. Для честолюбивого Верди это было нестерпимо и оскорбительно.

Дни бежали быстро, один за другим обрывались листки календаря, незаметно чередовались времена года, и, к собственному удивлению, Верди начал ощущать, что с музыкой у него, оказывается, еще не все покончено. Тем более что предложение, которое он неожиданно для себя получил, показалось ему необычайно соблазнительным. Композитор всю жизнь преклонялся перед гением Шекспира и несколько де-

сятилетий мечтал написать оперу на сюжет «Короля Лира». К сожалению, эта мечта так и осталась неосуществленной. И вот сейчас ему предложили отличное либретто по трагедии Шекспира «Отелло». Его, кстати, написал талантливый литератор и композитор, автор оперы «Фауст», Арриго Бойто, хотя, как обычно, Верди и в этом случае можно считать полноправным соавтором текста. Вплотную к работе над оперой композитор приступил в 1884 году и трудился весь 1885 и часть 1886 года. Несмотря на то, что ему исполнилось уже 72 года, маэстро работал с пылом и рвением, хотя случались и приступы отчаяния, когда ему хотелось отказать от работы — он чувствовал себя усталым и опустошенным. Но, наконец, опера была закончена. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Верди в последний раз показал в «Ла Скала» свою новую оперу — «Аида», и ожидание его почитателей дошло до предела. Остались позади изнурительные репетиции. Самые лучшие певцы Италии оспаривали друг у друга право участвовать в спектакле. Но угодить маэстро было нелегко. Однажды он объяснял знаменитому певцу Таманьо, который никак не мог понять его, как должен умереть Отелло. Он втолковывал ему это второй, третий, шестой, десятый раз. Увы, безрезультатно. Маэстро терял терпение. Он отстраняет тенора, подходит к постели Дездемоны, смотрит на нее долгим взглядом, потом делает вид, будто

пронзает себя кинжалом, внезапно падает и с грохотом катится по сцене. Все перепуганы, опасаются, что он ушибся. Но Верди тотчас же без всякой помощи встает, подходит к потрясенному Таманьо (огромному и широкому, как шкаф) и говорит: «Вот как должен умирать Отелло».

Премьера состоялась 5 февраля 1887 года. Восторг публики превзошел все границы — овации, всеобщий экстаз, множество цветов. После того, как Верди выходит из театра, люди окружают его коляску,

проектом Дома покоя для престарелых музыкантов.

Теперь он, наконец, замечает, какого драгоценного и незаменимого спутника нашел он в Джузеппине. Бедная Пеппина теперь часто болеет, быстро устает, с трудом ходит. Только сейчас он понимает, как часто бывал несправедлив к ней, слишком мало заботился о ней.

От Бойто он неожиданно получает набросок либретто по произведениям Шекспира «Виндзорские проказницы» и «Генрих IV». Главный ге-

---

Аида — одно из совершеннейших созданий Верди. В этой опере во всем блеске проявился его драматический дар и достигшее полной зрелости композиторское мастерство. Создавая «Аиду», Верди думал о Штольц, и Джузеппина, безусловно, догадывалась об этом. Ее надежде на то, что работа над оперой отвлечет Верди от соперницы, не суждено было осуществиться

выпрягают лошадей и сами везут маэстро в гостиницу.

После успеха «Отелло» Верди понимает, что жизнь пенсионера не для него. И его интересы не ограничиваются музыкой. В его родной деревне не было больницы, и он строит ее на свои средства, приобретает все необходимое оборудование. Больницу хотят назвать его именем, но он решительно возражает. Купив земельный участок на окраине Милана, он занимается

рою — Фальстаф. У Верди есть сомнения, не слишком ли он стар, чтобы одолеть такой труд, но, в конце концов, решает рискнуть. И оказывается прав. К середине марта 1890 года маэстро уже заканчивает первый акт. Он работает по семь часов в день и не проявляет признаков усталости. Опера быстро летит к концу. Король присылает ему телеграмму с пожеланиями успеха. И снова триумф. Кассовые сборы бьют все рекорды. Вечером город заливают

иллюминация. Все понимают, что «Фальстаф» — последняя опера почти восьмидесятилетнего автора. Королю советуют пожаловать Верди титул маркиза. Узнав об этом, маэстро взрывается — только этого не доставало! С него хватит, что его статую поставили в вестибюле «Ла Скала» и наградили одним из высших орденов королевства. Да и не до почестей ему сейчас. Джузеппине все время нездоровится. Она похудела, ничего не ест, все чаще впадает в прострацию. Верди очень обеспокоен. На нервной почве в начале 1897 года с ним случается приступ паралича. К счастью, все обошлось благополучно.

нок, громко, навзрыд, содрогаясь. Ему 85 лет, и он остается один. Теперь за ним ухаживает Мария Верди-Каррара, приемная дочь, которую маэстро и Джузеппина взяли на воспитание еще в 1867 году.

Верди очень стар, болен, слышит все хуже, и ноги порой внезапно отказывают ему. Дни его все быстрее катятся к закату. И он пишет подробное завещание со множеством пунктов. Прежде всего, уйма различных благотворительных дел — дом покоя для музыкантов, больница, учреждение для глухонемых. Затем родственники, друзья и те, кто верно служил ему много лет, терпеливо снося вспышки его гнева. Он

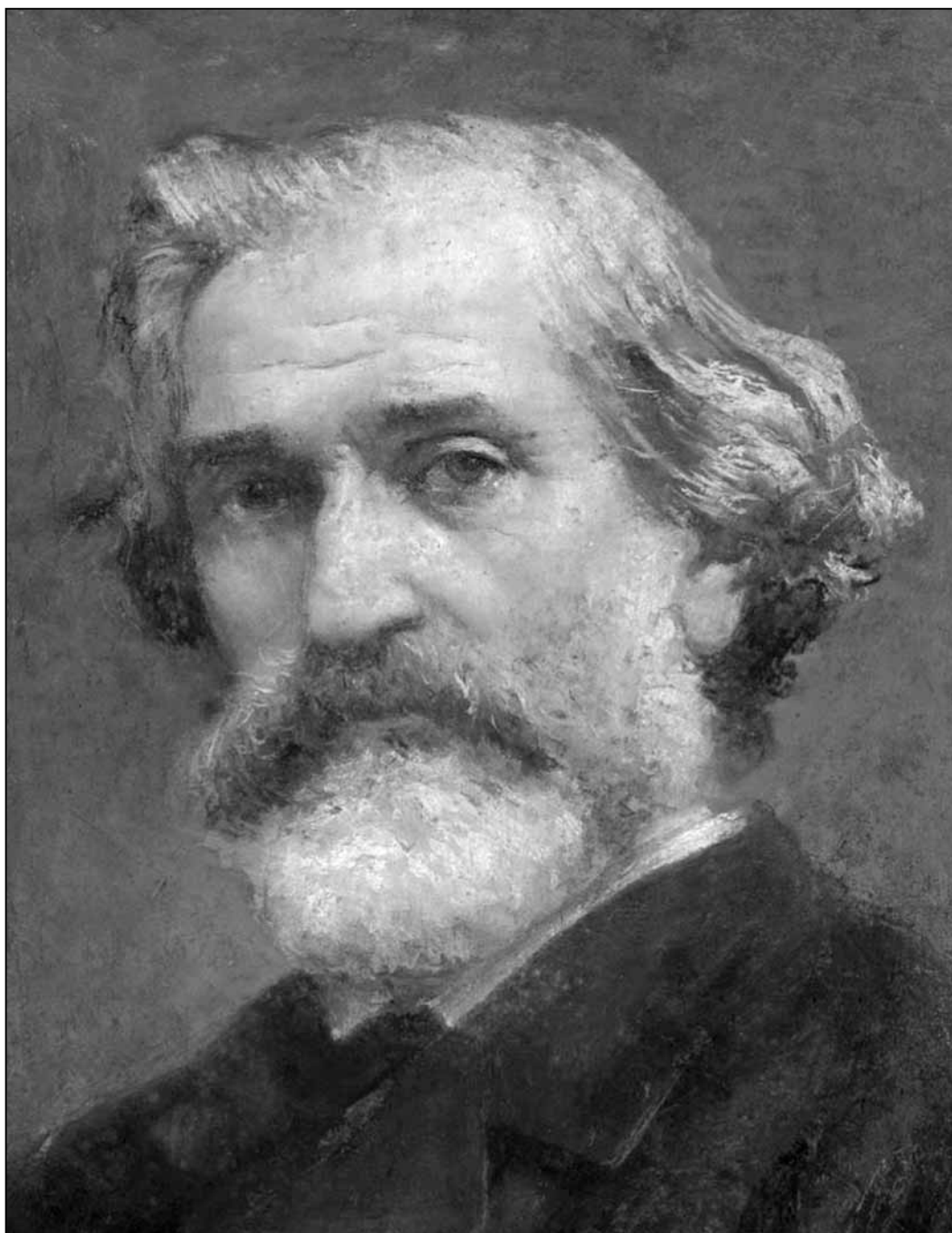
Премьера состоялась 5 февраля 1887 года. Восторг публики превзошел все границы — овации, всеобщий экстаз, множество цветов. После того, как Верди выходит из театра, люди окружают его коляску, выпрягают лошадей и сами везут маэстро в гостиницу. После успеха «Отелло» Верди понимает, что жизнь пенсионера не для него

Теперь они оба старые — ей 81 год, ему 83. Здоровье Джузеппины продолжает ухудшаться. Осенью ей становится совсем плохо. Верди испуган, как никогда, он не отходит от жены ни на шаг. Джузеппина совсем обессилила. 14 ноября 1897 года она тихо умирает. Верди окаменел от горя, а потом заплакал, как ребен-

каждому оставил что-нибудь, никого не забыл.

Утром 21 января 1901 года Верди одевался с помощью горничной гостиницы «Милан», где он живет. Застегивая жилет, он внезапно издает стон и падает навзничь. Прибывший врач устанавливает, что маэстро сражен правосторонним парали-

чом. Несмотря на все усилия призванных к его постели светил, состояние его не улучшается. У Верди на редкость крепкое сердце, и борьба со смертью продолжается еще восемь дней. Финал наступил в ночь с 26 на 27 января в 2 часа 50 минут. На следующее утро миланцы, еще не узнавшие скорбную весть, в на-

дежде ожидают свежих новостей. Экипажи и повозки, проезжающие мимо гостиницы «Милан», замедляют ход, чтобы не шуметь и тихо едут по соломе, которую по приказу магистрата расстелили там. Увы, шум их колес уже не мог потревожить покой великого сердца, уснувшего вечным сном. □

Иосиф Гольман

Эта книга вряд ли была бы написана без предшествующих, длинных и захватывающих, бесед с адвокатами Мариной Вячеславовной Кащенко и Александром Всеволодовичем Алексеевым. Тем не менее, все нижеизложенное — это литературное художественное произведение, в связи с чем претензии от «опознавших себя» персонажей категорически не принимаются.

От автора

ЛЮБОВЬ, ХИМИЯ

и кредитка депутата

Пролог

Тула. Москва. Звонок из прошлого

Мальчик родился еще в СССР.

Ну, теперь-то мальчиком его можно было назвать только условно. Великолепный «образец» молодого мужчины, двадцати семи лет от роду.

Великолепный, кстати, не только внешне, хотя и внешность его также заслуживает отдельного описания.

Алим Явузов был ярко выраженным брюнетом, с карими глазами и красивыми, четко очерченными чертами лица. Быстрая мимика и горячий

Журнальный вариант.

темперамент выдавали в нем южную кровь. Лишь белоснежная кожа, резко контрастировавшая со всем обликом кавказца, была, как говорится, из «другой оперы». Но именно этот контраст делал Алима не просто симпатичным молодым человеком, а придавал ему уникальность и шарм. Раз увидев его лицо, забыть уже было сложно.

Однако не только внешние данные отличали этого молодого человека от миллиона сверстников. Его послужной список был фантастически крут, особенно с учетом неполных двадцати восьми, — начиная со школьных олимпиад, которые к девятому классу стали международными, и заканчивая кандидатской диссертацией в 24 года. Кстати, докторская тоже была практически уже готова.

Отдельный интерес вызывает то обстоятельство, что талант Алима был, если так можно выразиться, всеядным. Международные олимпиады, в которых он побеждал, имели разную направленность — биология, физика, химия. Получив аттестат, юноша поступил одновременно в два престижных вуза: в МГУ на химфак и на лечебный факультет в Первый медицинский. В обоих вузах ему терпеливо — чтоб не спугнуть будущую гордость альма-матер — объясняли, что такую нагрузку не потянут никому.

Алим потянул и получил два диплома. Причем, к удивлению и огорчению многих, выбрал не карьеру чистого ученого, а тяжкий хлеб оперирующего хирурга-онколога, интуитивно понимая, что в скором времени эти две его главные ипостаси соединятся. Он вообще был из тех немногих людей, которые стараются не упускать ничего. И из тех совсем уж единиц, кому такой подход удастся.

А ведь двадцать семь лет назад ничто не могло предвещать такого развития событий.

Приехал из далекого Азербайджана в среднерусскую Тулу абитуриент Махмуд Явузов, поступать в здешний педагогический институт. В чем причина столь дальнего вояжа — история умалчивает. Хотя в советские времена подобные истории были самыми обычными. И программы обмена существовали, и молодежь из республик вытаскивали в Центр для поднятия уровня республиканских научных кадров. Нужно ли говорить, что большинство сокурсниц было пленено горячим кавказцем в первую же неделю? Впрочем, влюбленных тульских девушек ждал облом — горячий кавказский паренек влюбился сразу и напроць лишь в одну. Что он в ней нашел? — злились потерпевшие любовную неудачу. Ни кожи ни рожи. Маленькая, светленькая, худенькая, и, к тому же, «ботаничка». Учителянская дочка, короче.

Самое же забавное, что Танечка Иванова никак не среагировала на жгучего «кр-р-расавца», что его ни в коей мере не остановило, наоборот, только раззадорило.

Он посвящал ей свои песни, которые сам же и исполнял, провожал ее до дома, зеленой старенькой трехэтажки в рабочем поселке на краю города, осыпал ее все новыми и новыми подарками: деньги у Махмуда водились, весь институт знал, у кого можно купить американские джинсы, пластинку модной группы или сигареты «Данхилл».

Танечка, в итоге, сдалась. «Поматросит и бросит», — шептались злаязыкие сокурсницы. Не бросил: с конца третьего курса до диплома они практически не разлучались. «Будет у него женой на выезде», — не унимались завистницы. И снова ошиблись: за два месяца до выпуска состоялась свадьба, причем не вынужденная, а по настоящей любви. Даже Танина мама, Евгения Васильевна, давно расставшаяся с сильно пьющим Таниным отцом и девичьими иллюзиями, и та стала постепенно терять свое выстрадавшее жизнью недоверие к будущему зятю. На свадьбе она искренне желала своей дочке и ее избраннику деток и долгого-долгого счастья.

Счастье и в самом деле случилось. Танечка вскоре забеременела.

Ждать первенца молодые уехали не куда-нибудь, а в собственную «двушку». В «хрущобе» панельной, в рабочем районе, зато своя: у Махмуда деньги и на это дорогое приобретение были уже заработаны.

Единственное, хотя и принципиальное «но» — счастье не было долгим. По крайней мере, совместное.

За месяц до рождения Алима Танечкин муж уехал в очередную командировку на историческую родину. Он часто исчезал по своим делам. Когда на пару дней, когда и на месяц. Однако на этот раз не вернулся совсем.

Сначала от него были звонки — мол, дела так разворачиваются, что уехать нельзя. Потом и они прекратились.

Если честно, Танечка долго плакала по красавцу-мужу, никак не могла поверить, что он исчез из ее жизни навсегда, но искать не пыталась.

В общем, пополнила Танечка бесчисленную когорту матерей-одиночек. Как только смогла, сразу вышла на работу, преподавала в школе физику. Вместе с мамой растили и образовывали любимое дите, благо, материал попался благодатный — сыночек и внимал с удовольствием, и поглощал знания мгновенно.

За этой безумной любовью к своему Алимчику Таня так и не наладила свою личную жизнь. Тем более что времена пошли тяжелые, постперестроечные, учительских зарплат катастрофически не хватало, да и те выдавались с отчаянными задержками.

Интересно, что злость на беглого мужа со временем перешла у Татьяны в какую-то тихую обиду и даже странную жалость. Он точно не ведал, что сотворил. Ведь такую любовь потерял! Такую верность! И такого прекрасного, талантливого сыночка!

Словно в ответ ее мыслям, Махмуд Саттарович Явузов взял, да и снова объявился в их жизни.

— Это я, — просто сказал он, позвонив Татьяне по мобильному телефону.

— Как узнал номер? — почему-то спросила она.

— Это совсем не сложно, — рассмеялся Махмуд.

— Чего ты хочешь? — сразу перешла к делу Татьяна.

— Извиниться, — серьезно ответил он. — Мне очень важно, чтобы Алим меня простил.

— Об этом говори с Алимом, — спокойно ответила Татьяна. — У меня на тебя зла нет. Все в прошлом. А захочет ли он с тобой общаться — это его дело.

— Я в тюрьме сидел, — вдруг сказал Махмуд. — Не хотел, чтобы на вас отразилось. Я ведь ничего не прошу. Теперь-то понимаю, что был дураком. Но гордость идиота, не хотел объявляться побежденным.

— Чего ты хочешь? — еще раз, без всякой злости и вражды, спросила Татьяна.

— Помочь вам, тебе и Алиму, хоть как-то загладить свою вину. У меня же теперь бизнес.

— Мне помощь не нужна. Я нормально зарабатываю, да и мама еще преподает. А с сыном разговаривай без меня. Он уже большой, сам решит, нужен ли ему отец.

— Хорошо, — вздохнул Махмуд. Возможно, он рассчитывал на другой ее ответ. — Извини еще раз. — И повесил трубку.

... С чего бы это преуспевающая московская адвокатесса Ольга Шеметова вспомнила душещипательную историю любви кавказца и тулячки? Она и сама бы, наверное, не ответила.

Просто шла сейчас по московской мостовой, радовалась осеннему солнышку, подарившему столице тепло. Как-никак, «бабье лето».

Мимолетно порадовалась, что ей до ее «бабьего лета» пока далеко, что идет в свою любимую контору, к любимым коллегам-адвокатам, и будет заниматься любимым делом.

А что еще нужно в жизни для счастья?

Ах, да. Кое-что еще нужно.

Есть некий Олег Всеволодович Багров. Адвокат высшего класса, огонь, можно сказать, адвокат. Оба они — два ведущих юриста серьезной конторы. Так вот нужно, чтобы он, наконец, сделал ей предложение. «Короче, Олежка, позови меня замуж, пожалуйста», — мысленно произнесла Ольга.

А почему она вдруг вспомнила печальную и не сильно оригинальную тульскую «лав-стори», тоже понятно. Ее рассказал Ольге сам Алим, открытый, словоохотливый мальчишка, вызывающий искреннее уважение: в свои двадцать семь не просто кандидат и почти доктор наук, а практикующий хирург-онколог, чуть не ежедневно собственноручно решающий вопросы жизни и смерти.

Ольга сразу тепло к нему отнеслась, хоть и пришел молодой ученый медик не совсем по адресу. Принес то ли открытие, то ли изобретение. Бывают такие вещи: для открытия — маловато, для патента на изобретение — явно много. Касалось оно раннего обнаружения онкологических заболеваний, а потому, в случае внедрения, могло принести не только медицинский, но и колоссальный экономический эффект. Алим — мальчик мудрый, потому и решил как следует «застолбить» свои находки. Вот так он — через общих знакомых — и оказался в кабинете Ольги Шеметовой.

Конечно, можно было бы вежливо объяснить человеку, что у каждого юриста своя специализация. Ему на данном этапе скорее был нужен грамотный патентовед или юрист, специализирующийся на патентных спорах. Но просто разворачивать парня не хотелось. Она болтала с Алимчиком, потому что было приятно и интересно. И еще потому, что Олег Всеволодович уже дважды заглядывал в кабинет и, похоже, начинал беситься от ревности.

Алим и рассказал про мамину жизнь и внезапное возвращение своего блудного папы.

— И ты его честно простил? — уважительно спросила Шеметова.

— Простил, — утвердительно качнул головой юноша. — Он себе жизнь больше, чем нам, испортил. Остался без жены, без сына. Мама так его любила! А он в тюрьме пятнадцать лет отсидел, всеми брошенный.

«Пятнадцать лет, — машинально отметила адвокат Шеметова. — Уж не убийца ли папа Алима?» Она терпеть не могла убийц и разбойников, защищала только в тех случаях, когда верила в их невиновность. Спрашивать Алима про папину уголовную статью Ольга не стала. Какой смысл?

Хотя конец в «лав-стори» все равно получался мелодраматическим: все друг друга простили, папа присылал брошенному сынишке свежие фрукты, более того — купил ему двухкомнатную квартиру в Марьино.

Короче, не пожалела Шеметова часа, нашла Алиму по своим связям толкового патентоведа, и вчера получила от него сообщение, что искомый патент в скором времени будет получен. Ну и слава богу! Этим вчерашним звонком, наверное, и объясняется, что сейчас вдруг вспомнился рассказ про незадачливую тульскую любовь.

Тем временем Ольга дошла до конторы. Старинный домик в старинном переулке, среди таких же стареньких, позапрошлого века, домов.

Здесь все было, как всегда.

Валентина Семеновна, их бессменный секретарь, вязала носок очередному внуку. Но лишь неопытный новичок мог бы подумать, что занятие увлекало ее целиком. На самом деле не было такого уголка в учреждении и такого тайничка в душах его обитателей, куда бы не заглянуло всевидящее око их контороуправительницы. Ее никогда не уволят из конторы, она же — памятник.

— А где Гескин? — спросила у нее Ольга.

— На обследовании, в 62-й. Муна повезла. — Муновар была молодой женой их старика, что поначалу сильно напрягало всех его друзей. Впрочем, сейчас, по прошествии нескольких лет, уже никто не подвергал сомнению крепость и целесообразность их брака. Вот уж точно — любовь бывает разная.

— Проблемы? — насторожилась Ольга. Старика три года назад оперировали по поводу онкологии, как раз в 62-й больнице.

— Какие у него проблемы? — невесело улыбнулась Валентина Семеновна. — Рак да старость. Да не дергайся ты, всего лишь плановое обследование.

Ольга прошла в свой кабинет и, усевшись за стол, окинула взглядом папки. В них лежат ее восемнадцать дел, которые она сейчас одновременно ведет. А у плохих адвокатов, как известно, по восемнадцать дел не бывает. В каждой папке — чья-то судьба. И в каждой судьбе — страшная угроза. Мало что может быть страшней тюрьмы. И между этими людьми и тюрьмой только она — защитница Шеметова.

Если бы Ольга могла — всегда бы писала слово «Защитница» только с большой буквы. Потому что она — Защитница не только по диплому, но и по жизни. И еще — она теперь точно знает, что десять лет заключения и пять лет заключения — это не просто две большие разницы, а две разные судьбы, особенно, если рассуждать об этом, находясь за решеткой.

Ольга приготовилась к работе — сегодня ей предстояло написать две жалобы и накидать план защиты нового доверителя. Едва она успела включить компьютер, как зазвонил ее сотовый. «Олежка», — тепло подумала Шеметова, однако на экране высветилось другое имя: «Алим Явузов».

«Легок на помине», — усмехнулась Ольга и поднесла к уху трубку.

— Ольга Викторовна! — раздался взволнованный голос Алима.

— Что случилось? — насторожилась Шеметова. Вроде ничего плохого произойти не могло, она сама видела заявку на патент. Хотя когда впереди маячат большие деньги...

— Ольга Викторовна, меня арестовали, — чуть не плача, проговорил Явузов.

— Задержали, — отдаленно послышался чей-то другой голос.

— За что? — коротко спросила Шеметова.

— Скажите, за что? — спросил Алим, однако явно не у нее.

— Ваш подзащитный принес на адрес посылку с наркотиками, — объяснил чужой голос. — Вещество необычное.

— Я не виноват, Ольга Викторовна! — закричал, хватаясь за трубку, как за последнюю надежду, Явузов. — Клянусь мамой!

— Мамой клянется! — заржал кто-то из тех, кто был рядом с Алимом. — Рафик нэ вынуват!

— Дай еще раз трубку офицеру, пожалуйста! — попросила Шеметова. — А сам успокойся и подбери сопли. Драка будет серьезной, от тебя многое зависит...

Она не успела договорить, так как в трубке раздался уже знакомый голос то ли следователя, то ли опера:

— Слушаю!

— Меня зовут Ольга Викторовна Шеметова, я — адвокат, и сейчас к вам приеду.

— Приезжайте, имеете право, — спокойно ответил тот. — Мне-то что хотели сказать?

— Хочу сказать не как юрист, просто как человек. Этот парень, несмотря на молодость, — выдающийся хирург-онколог. Автор открытия, — чуть-чуть преувеличила Ольга. — Докторскую скоро будет защищать. Он материально отлично обеспечен. Наркотики при таком раскладе вообще лишние. Здесь какая-то путаница и хрень. Будем распутывать.

— Давайте, распутывайте, — ответил собеседник и продиктовал адрес. Он явно не поверил в невиновность задержанного. Однако сообщение о специальности и успехах Алима, несомненно, произвело впечатление и на него.

— Я еду, — сказала Ольга вновь взявшему трубку Алиму.

Еще пять минут на выписывание соглашения на защиту, и бегом к метро: на такси по городским пробкам можно и опоздать. В портфель, кроме документов, она бросила и копию заявки на патент Явузова.

Глава 1

.....

Москва. Бауманская улица. «Манкая» Леночка Тобольцева. Наказание и преступление

Да, бывают такие девочки!

Возраст неопределенный — от пятнадцати до двадцати двух.

Стройная, чуть субтильная фигурка. Обычно блондинка, но может быть и шатенкой, и даже брюнеткой.

Волосы, как правило, длинные, или, по крайней мере, удлинненные.

Интеллектуальный коэффициент не важен совсем.

Ибо у мужиков захватывает дух еще до начала разговора. А если он начался, то, читала ли девушка Кафку, уже не имеет никакого значения.

Тетки постарше — и без отмеченных выше особенностей — называют таких девчонок «манкими».

Леночка Тобольцева отвечала сразу всем отмеченным признакам манкости: стройненькая, худенькая, беленькая, большеротая, с красиво очерченными яркими губами. Кафку не читала, более того — до седьмого класса училась в коррекционной школе, так как категорически не успевала усваивать материал в обычной. А с восьмого ее мама, Валентина Степановна, за серьезные деньги — напрягла-таки хиловатый семейный бюджет — наняла педагога-специалиста, мужчину лет тридцати пяти, не только умеющего натаскивать недорослей на математику да физику, но и полноценного кандидата психологических наук. Все оказалось не зря. Тот за год вывел девочку-подростка на уровень слабенькой троешницы, но — уже обычной средней школы.

Почему мама-Тобольцева пошла на такие финансовые жертвы — тоже понятно. Девочка превращалась в девушку, к тому же весьма симпатичную. Коррекционная школа могла сослужить плохую службу при общении с родителями правильных женихов. На тройки же в обычной школе вряд ли кто будет всерьез заморачиваться.

Интересно, что при расставании педагог улыбнулся и сказал:

— Ей бы только школу кончить, а там женихи стаями прибегут.

Мама в дочке, ясное дело, души не чаяла. Та отвечала тем же. Больше им любить было некого, поскольку Ленкин папа покинул семью полтора десятка лет назад. Хорошо, хоть деньгами немного помогал. И плохо — что совсем уж немного.

Сама Леночка о своей манкости, конечно, догадывалась. Вполне этим была удовлетворена, но никогда во зло свои способности не использовала.

Собственно, никак не использовала. Просто нравилась противоположному полу, без каких-либо взаимных последствий, и все тут.

Ситуация изменилась в девятом классе.

В их дворе лидером был Вовчик Коробов. Он уже закончил школу, в институт не попал, от армии откосил. Работать ему тоже не нравилось, а деньги были нужны постоянно.

Поначалу Леночка привлекла его именно своим видом.

Когда она как-то выплыла из подъезда на весеннюю улицу, в белой блузке, в синей юбочке-колокольчике, в его голове словно звоночек прозвенел. Пошел за ней, как собачка на невидимом поводке.

А потом Тобольцева-старшая, подкараулив Вовчика около его подъезда, объяснила ему, что с ним сделает, причины он вред дочке. Большие ножницы в ее руке оказались почти случайно, но случились вполне к месту.

Короче, Коробову все это было не надо. Тем более что в его голову, не отягощенную образованием и нравственными постулатами, уже пришли новые мысли по использованию врожденного таланта Леночки.

Теперь они просто дружили.

Леночка с интересом слушала старшего приятеля, ничем их дружбы не омрачавшего. Руками, куда не надо, не лез. Даже матом старался при Леночке не высказываться.

Зато много говорил про справедливость, в том числе — попорченную. И как бы было неплохо ее восстановить, хотя бы в чем-то.

Не зря Леночку в свое время определили в коррекционную школу. Потому что, во-первых, внимательно слушала всех подряд, во-вторых — почти всему верила.

Далее их «сотрудничество» с Вовчиком было примерно таким.

Бакунинская улица поздним вечером обычно пустовала. Машин, правда, проезжало относительно много, а вот пешеходов почти не было.

Но почти — не значит, что совсем не было. Попадались те, кто, выходя из такси, шел к своему дому. Да и просто мужички тоже имели место быть.

И вот перед ними, летящей походкой, вдруг появляется чудо чудное. Девушка-колокольчик, притягательная и летом, в блузке да юбочке, и зимой, в узеньком приталенном пальтишке.

Даже не склонный к лирике Коробов удивлялся, а у подвыпивших мужичков как будто переключатель в мозгу срабатывал, да и у трезвых частенько тоже.

Вот это и есть манкость.

Кстати, Тобольцева, как правило, с домогавшимися ее общества в разговоры не вступала. Хотя могла улыбнуться или кинуть на мужчину лукавый взгляд. А дальше «бычок на веревочке» шел за Леночкой, иногда оказывая ей знаки внимания, иногда просто следуя за ней в расчете на благоприятную ситуацию.

Затем она сворачивала с Бакунинской в один из многочисленных переулков или сразу во дворик. «Бычок», соответственно, за ней.

Леночка заходила в подъезд, дверь которого кодом не закрывалась, а обрадованный воздыхатель заходил следом.

А там уже стояли Коробов, его отсидевший приятель постарше, Валька Талалаев, и шпанистый Семенчик Куценко, тоже местный, с поставленным в боксерской секции ударом.

— Ну, что, маньяк, давно девочек преследуешь? — спрашивал Коробов у разгоряченного предвкушением мужичка.

Обычно на этом месте народ сдувался, добровольно освобождая карманы от денег, кредиток и телефонов. Иногда, наоборот, лез в драку и получал пару мощных ударов от стоящего в тени Куценко. Как правило, хватало для вразумления.

Когда «операция» заканчивалась, с верхних этажей спускалась Леночка.

Коррекционная школа давала себя знать: она искренне считала, что с помощью благородного Коробова и его не менее благородных друзей очищает родной город от потенциальных маньяков. А поскольку участвовала девочка в правильном деле, то и вознаграждения особого не ожидала. Обычно старшие друзья-соратники покупали ей хорошего шоколада или коробку конфет.

Самое смешное, что длилось все это, ни много ни мало, аж почти два года.

Казалось бы, такое нехитрое преступление обречено на немедленное раскрытие. Все же местные.

Ан нет. Для грабежей выбирались старые дома, многие из которых давно ждали сноса. Там не только видеокамер не стояло, но и кодовых замков. Это первое.

А второе — мало кто из ограбленных ходил в милицию жаловаться. Ведь тогда бы пришлось рассказать, зачем жертва преступления заглянула в этот нечистый, пахнущий кошками, подъезд.

Как правило, жертвы просто выскакивали на улицу, матерясь и кляня девицу, после чего исчезали в бескрайней московской ночи.

Однако недаром старое правило криминалистики гласит: не раскрытое «легкое» преступление рано или поздно родит тяжелое. Теперь порядок «обслуживания» маньяков был изменен в сторону ужесточения. От жертвы больше не ждали тихого поведения, а сами добивались его ударом металлической арматурины, засунутой в резиновую трубку и обмотанной тряпкой.

Сталь появилась в арсенале после неудачного грабежа, когда невзрачный дядька кавказской наружности, в ответ на материализовавшиеся в сумраке три фигуры, с невероятной быстротой вытащил нож и оставил на лицах Коробова и Куценко по паре долго не заживавших отметин.

Конечно, можно было бросить грабежи, Коробов не раз уже думал о том, что такая работа, по большому счету, бесперспективна. Куда лучше «крышевать» мелкий бизнес. Или уж, если грабить, то не ночных кавалеров, а дневных толстых «дойных коров», с большими портфелями и пухлыми бумажниками.

После подобных раздумий атаман Вова принимал решение о смене профиля. Но — деньги кончились, а жизнь — нет. Поэтому глобально смена курса не отменялась, просто сдвигалась на один эпизод дальше.

Вот и сейчас, теплым осенним вечерком, банда пошла на дело исключительно по причине вымывания золотого запаса.

Леночка была одета в светло-серый плащик, замечательно подчеркивавший достоинства ее фигурки, и, не торопясь, шла вдоль улицы с ярко освещенными витринами. За ней, метрах в десяти, брел Андрейчик Ростов, новый парнишка из их компании. Его задача была простой. Он оказывался внезапно встреченным младшим братом, после чего нежелательный процесс ухаживания, как правило, прерывался.

Леночка медленно направлялась в сторону Электrozаводской, как вдруг шестым чувством учуяла интерес к своей особе. Вот и хорошо, а то уже мерзнуть начала.

Из остановившейся длинной машины вылез какой-то мужчина и попытался ее окликнуть. Тобольцева, якобы не замечая преследователя, дошла до переуллка и свернула вправо. Теперь десять шагов через арку, в проходной двор. В тишине двора-колодца она услышала за собой ускорившиеся шаги мужчины, и ей неожиданно стало страшно. Андрейчик — не боец. А бойцы — в подъезде, до которого еще двадцать с лишним метров. Дом, мимо которого она, ускоряя шаги, почти бежала, давно выселен. Услышат ли ее крик парни? И можно ли ей вообще кричать?

Лена прибавила шаг, сердце ее колотилось — она уже поняла, что Андрейчик сбежал. Теперь вся надежда на ребят.

Не успела она открыть дверь в темный подъезд, как сзади раздался хриплый голос:

— Стой, тварь! — Чья-то рука схватила ее за плащ, другая — за тонкую шею.

«Где же вы?» — успела подумать Леночка, в то время как мужчина, швырнув ее на грязный пол, сдирал с нее в темноте плащ.

Больше она ничего не слышала.

Ни вспышку фонарика, ни грохот выстрела — у мужчины оказалось оружие, ни вскрик Куценко.

Не могла она видеть и удара, который нанес мужчине Коробов. Не дубинкой в резиновой трубе и тряпочной обмотке, а ножом. В шею.

— Ты жив? — наклонился Вовчик к Куценко.

— Да. Только ухо болит, — сдавленно ответил тот.

— Заживет, — успокоил его Коробов и осторожно включил фонарик.

Леночка в своем светло-сером плащике недвижно лежала на полу, у самого входа в подъезд. На шаг дальше лежал крепкий мужик в кожаной

куртке. В руке его был зажат пистолет. А из разрезанного горла затухающими толчками вытекала кровь, черная в желтоватом свете фонаря.

— Что теперь будет? — прошептал Семенчик. — Сейчас еще и Андрей припрется.

— Не припрется, — тихо ответил Коробов. — Он сбежал, сучонок. Может, это и к лучшему.

— Что делать будем? — спросил вконец растерявшийся Куценко.

— Берем Ленку и рвем когти. Его раньше, чем завтра, не найдут. А там ливень начнется, и никакая собака им не поможет, — ответил Коробов и навел луч фонарика на Семенчика.

Мужик серьезного вреда ему не нанес — пуля отстрелила небольшой кусочек ушной раковины. Кровь сама по себе понемногу останавливалась. Поняв, что сам он в чувство не придет, Вовчик сильно потряс его за плечи.

— Что? — спросил Семенчик, выходя из ступора.

— Ты ничего не видел, ничего не помнишь, — твердо проговорил Коробов. — Если поплывешь, я скажу, что нож был твой, ты и ударил.

Ножи действительно были Семенчика, их делал его пьющий отец на заводе, для продажи, а он без спроса взял две штуки для их банды.

Вовчик нагнулся к девушке. Она и без его помощи уже приходила в себя. Широко раскрыв глаза, прошептала, глядя на Коробова:

— Что тут было?

— Ничего, — буркнул он, чуть оттащив ее в сторону, чтобы она не увидела тела мужика. — Он всего лишь хотел тебя убить. Короче, проехали. Ты ничего не видела и не помнишь. — Вовчик помог ей подняться, внимательно осмотрел плащ. Следов крови на нем не было — девушка упала чуть в стороне от места убийства. Зато сам он был весь в крови, однако в панику не впал. — Леночка, ты упала на улице. На тебя мчалась машина, ты бросилась вперед, споткнулась о бордюр и упала в лужу.

— Да, — односложно повторила она. — Упала в лужу.

Коробов повернулся к Куценко:

— Семенчик, проводишь Ленку, потом отмоешь ухо и сам идешь домой. Ври, что хочешь, но чтобы предки не догадались, иначе «замочу».

— Нет, нет, — прошептал растерянный спортсмен-налетчик. — Могила! Никто ничего не узнает.

Леночка, ведомая Куценко, отправилась домой, а рядом с трупом остался один Коробов. Он осторожно вытащил из цепкой руки убитого пистолет, затем обшарил его карманы и вытащил пухлый бумажник. Когда открыл его — увидел объемистую пачку денег. Здесь были и доллары, и красные пятитысячные рублевые банкноты, и даже немного евро.

Заляпанный кровью паспорт, водительские права и какое-то удостоверение Вовчик тоже забрал с собой: нечего облегчать ментам жизнь.

Выйдя из подъезда, он некоторое время постоял под потоком, стекавшим с крыши дома, и, убедившись, что сверху кровь смыта, двинулся на Бакунинскую.

Жизнь, кажется, начинала налаживаться. В бумажнике, судя по всему, было несколько сот тысяч, если в рублях. О таких доходах при их бизнесе можно только мечтать. Семенчик, конечно, слабое звено, но не идиот, поэтому будет молчать. Валька Талалаев, как чувствовал, на дело не пошел, якобы заболел. Ну и пусть остается не в курсе. С Андрейчиком надо обязательно завтра серьезно поговорить.

А в целом, все неплохо складывается.

Вовчик поднял воротник насквозь промокшей куртки и кружным путем направился к дому.

Ливень не только не стихал, а, наоборот, усиливался. Хрен, какие следы они там обнаружат.

Глава 2

.....

Москва.

Шеметова и Алим.

Нехорошая квартира на Ленинском

Шеметова доехала до Ленинского проспекта, вышла из метро и направилась к нужному дому, который, судя по адресу и Яндекс-карте, стоял во втором ряду от самого проспекта. Топографическим кретинизмом Ольга никогда не страдала, так что уже через несколько минут звонила в дверь квартиры № 48.

Открыли не сразу, ей пришлось подождать, пока, наконец, в дверном проеме не возник долговязый и крепкий молодой парень. Он был в цивильном плаще, сквозь который проглядывали офицерские погоны. Кроме него в квартире находились еще двое, но они были в штатском и без плащей.

Алим Явузов, стоявший у окна, выглядел каким-то несчастным, сникшим и будто потерявшим сантиметров десять в росте.

Ольга предъявила старшему свои документы и соглашение на защиту, уже подписанное Алимом.

На большом круглом столе лежал аккуратно расстеленный кусок полиэтилена. На нем — документы Алима, содержимое его карманов и сумки, а также крошечная белая пластиковая коробочка с неким составом

неопределенного цвета. Издали — вроде не порошок. А еще на краю стола стояла небольшая плетеная корзинка с роскошными южными фруктами и зеленью.

— Отец прислал, попросил отвезти по этому адресу, — тихо сказал Алим.

— Фрукты?

— Нет, фрукты он мне прислал.

— А что?

— Коробочку.

— С чем? — вдруг грозно спросил высокий офицер в плаще.

— Отец сказал — с пергой.

— Что это такое? — поинтересовалась Ольга.

— Что-то от пчел, — невнятно объяснил Алим. — Я его не переспрашивал, это же не для меня прислали.

— А часто ты получал пергу от отца? — спросил второй офицер. Если первый был похож на опера, то второй — на следователя: у Ольги был нюх на это.

— В первый раз, — тихо сказал Явузов. — Фрукты он почти каждый месяц присылал, а чтобы передать что-то кому-то, такого не было.

— А я вот склонна верить Алиму Махмудовичу, — вмешалась в разговор Шеметова.

— Еще б вы не верили, — усмехнулся офицер. — Кто ж тогда ему будет верить?

— Если это наркотик, то сколько он может стоить? — вежливо спросила у него Ольга.

— Где-то тысяч десять «зеленых», — ответил он.

— Вот это и странно, — запустила пробный шар адвокатесса. — Ведь мой доверитель только что получил патент на метод раннего выявления онкологических заболеваний. — Она протянула офицеру предусмотрительно прихваченную ксерокопию, на всякий случай назвав заявку патентом. — Тут только один автор — Алим Махмудович Явузов. Так вот, кроме пользы стране и людям, это еще огромная материальная ценность. Коммерческие медицинские структуры с удовольствием отдадут за технологию миллионы долларов, десятки миллионов. — Тут, конечно, Ольга слегка преувеличила ранее озвученные Алимом цифры. Ну, да какая разница, нолик туда, нолик сюда.

Ее сообщение однозначно возымело действие.

Блестящий молодой ученый, имеющий в активе миллионные изобретения, вряд ли позарится на сильно криминальную «десятку».

— Тем не менее, эту коробочку на конспиративную квартирку принес именно ваш подзащитный, — подумав, сказал высокий офицер в плаще.

— Он просто выполнил просьбу отца, — стояла на своем адвокатесса. — Он не знал, что это за вещество. Да и мы с вами пока не знаем. Может, и в самом деле, перга.

— Может, — неопределенно проговорил тот.

— А нам не пора познакомиться? — обратилась Ольга к мужчинам. — Вы мои документы видели, я ваши — нет.

Те не стали возражать.

Шеметова с удовлетворением обнаружила, что ее предположения оказались верны. «Опер» и был опером, а следак, соответственно, следак. Однако серьезная новость в этом знакомстве все же обнаружилась — дело, как выяснилось, велось не наркоконтролем и не ментами, а Федеральной службой безопасности.

Очень странно.

Наркотики, конечно, вещь серьезная и угрожает стране не меньше ракет потенциального противника. Но чтоб из-за крошечной коробочки нервничала Госбезопасность...

Не менее странно, что следователь лично выехал на место задержания. Они же все перегружены на четыреста процентов! Значит, очень надо. Или на него очень давит начальство, что, в принципе, одно и то же.

— Итак, что мы имеем, — подытожила Ольга. — Мой доверитель, по просьбе своего родного отца, принес коробочку с — как ему казалось — пчелиным продуктом по указанному отцом адресу. Все! Больше ничего.

— Пусть будет так, — не стал спорить следователь (его звали Алексей Павлович Синцов).

Может, в другом случае он предпочел бы и закрыть парня в изолятор временного содержания, туда можно без судебного постановления, в отличие от СИЗО. Однако, посмотрев на вьедливую адвокатессу, решил не напрягать ситуацию.

В итоге Алим, подписав под контролем Шеметовой соответствующие бумаги, вместе с ней покинул «нехорошую» квартиру.

Подписка о невыезде и потенциальная причастность к торговле наркотиками тоже не бог весть какое счастье, но уж куда лучше вонючей камеры изолятора временного содержания.

Ольга была весьма довольна собой и считала, что на этом история закончится. Однако оптимизма у нее, возможно, поубавилось бы, знай она то, что знали «принявшие» Алима офицеры.

История же, приключившаяся дней за десять до описываемых событий, была следующей...

Здоровенный «Ил-86» стартовал в Москву из Сочи.

Вырулил на полосу, дождался очереди на взлет и, разогнавшись по бетонке, легко взмыл в синее небо.

Народ — в основном, отдохнувшие отпускники — настроен был оторваться напоследок по полной.

Коньяк лился рекой, тосты звучали, как на банкете. А, собственно, это и был банкет, разве что поднятый на высоту.

И лишь один пассажир был, мягко говоря, не весел. А если точнее — в полной панике и ужасе.

Такое бывает. Причем гораздо чаще, чем может показаться тем, кто не в теме. Это называется — страх полета. Аэрофобия.

Саид Рзаев летел первый раз в жизни.

И не полетел бы никогда, если бы не приказ Махмуда Явузова, человека, которому не откажешь. Если, конечно, ты не самоубийца или не его любимый сынок, объявившийся совсем недавно.

Саид тоже был не последним человеком в игре. Он пытался убедить Махмуда, что гораздо проще передать крошечную коробочку через чистенького сына-москвича, чем везти ее с человеком, за плечами которого две серьезные ходки.

Или сделать по-другому. Есть же надежные проводники на поезде «Адлер-Москва». Такую коробочку припрятать — да как нечего делать! К прибытию поезда вызвать Алима. Вот и все дела.

Но Махмуд заартачился. Это была уже вторая посылка. Первая поехала в машине, с вооруженным водителем. И бывает же такое невезение — за три сотни километров от столицы машина перевернулась, водитель погиб. Драгоценная крошечная коробочка так и не была найдена. Грозные получатели, не дождавшись заветного груза, выказали недовольство, смешанное с недоверием. Это был сигнал, опасный даже для такого большого человека, как Махмуд Явузов. Вот почему он заставил ребят пахать без выходных. И когда была наработана следующая крошечная порция, с новой коробочкой полетел лично Саид.

Полетел, несмотря на свою аэрофобию.

Самое ужасное, что Махмуд запретил Саиду выпить. Не из-за общечеловеческой морали, и тем более, не из-за требований ислама. А из самых понятных соображений. Если бы пьяный Саид упустил теперь уже вторую коробочку с чудо-составом, то могла бы слететь не только его голова, но и голова его всемогущего работодателя.

Те люди в Москве, акционеры, можно сказать, их нарождавшегося большого бизнеса, наверняка не простили бы вторую подряд осечку. Они начинали подозревать, что вложенные деньги — даже по их меркам

серьезные деньги! — не привели к созданию требуемого вещества. А это, в свою очередь, по законам жанра, могло потребовать человеческих жертв.

В общем, сел Саид в самолет, ни жив ни мертв.

Единственное, что позволил ему Явузов, — своей личной царственной рукой накапал сорок капель валокардина, который помог Рзаеву, как мертвому припарки.

Он держался, сколько мог. Щипал себя за ноги до синяков. Сжимал до боли собственные мизинцы на руках. Надевал на голову специальную повязку для сна.

Все было бесполезно. Ужас пронизывал его насквозь. И понять несчастного могли лишь те, кто сам испытывал в небе подобные чувства.

Но ведь должна же эта мука когда-нибудь кончиться!

По своему опыту Саид знал, что снять парализующий страх можно только одним средством. Грубо обогнав в узком проходе салона какую-то тетку, он забежал в туалет и захлопнул за собой дверь. Достал из внутреннего кармана заветную маленькую коробочку, осторожно открыл. Имевшейся в рукаве иголкой зацепил мелкую крошку. Подумав секунду, сбросил ее обратно, разделил еще примерно надвое, и уже эту едва заметную частичку положил себе на язык, запив водой из бумажного стаканчика.

Никто исчезнувшего миллиграмма не заметит. А даже если заметят, то это уже потом, когда между несчастным Саидом и землей не будет чертовых километров пустоты!

Практически сразу ему стало хорошо. Он едва успел дойти до своего места, как тут же погрузился в чертовски приятный сон.

Но досмотреть его Саид Рзаев не успел: мертвые снов не видят.

Умер курьер тоже практически мгновенно — испуганный сосед слева сказал, что тот только головой успел мотнуть. На губах мертвеца так и осталась сиять счастливая улыбка.

Фээсбэшников же смерть криминального авторитета заинтересовала именно своей стремительностью и этой самой счастливой улыбкой.

Химики сообщили примерно следующее: вещество, прекратившее жизненный путь Рзаева, несомненно, наркотик, причем, очень мощный. Второе «несомненно» — что криминалистике данный тип наркотика неизвестен. Для детального изучения содержимого изъятой на трупе коробочки требовался, как минимум, месяц.

Все это весьма насторожило руководство спецслужбы.

Появление синтетического наркотика, к тому же безумно концентрированного, могло напрямую угрожать безопасности страны.

Вот почему дальнейшее расследование вели специалисты ФСБ.

.....

Подмосковье.
Дедукция по методу профессора
Береславского

В суд сегодня идти было не надо, на следственные действия тоже, хотя дел, как всегда, хватало.

Планы поменялись по двум причинам.

Во-первых, на день раньше вернулся из командировки Багров, а, во-вторых, позвонил Ефим Аркадьевич Береславский и сходу, забыв даже поздороваться, сказал в трубку:

— Опята пошли.

— И что? — не поняла Ольга.

— Как что? — разозлился профессор. — Ты знаешь, сколько они на рынке стоят?

Ольга могла поклясться, что он тоже не знал, сколько опята стоят на рынке, но его энергия и убедительность уже сделали свое дело.

— Хорошо, минут через двадцать выдвинемся, — обреченно сказала Шеметова. Если профессор приглашает так настойчиво, лучше не терять время на споры.

Она перепланировала сегодняшнюю работу и разбудила Олега. Багров совершенно не расстроился предстоящей поездке, ибо любил все сразу: и грибы, включая их поиск, и профессора, и разные события, как правило, совпадающие с выездом на известную всей конторе профессорскую дачу. К тому же у профессора имелась замечательная коллекция европейских — французских, в основном, — вин. И легко предположить, кто ими сегодня станет наслаждаться...

Приехав на место, Ольга с Олегом сразу увидели, что все уже в сборе.

Маленький черный «мерс» Гескина — Муновар научилась водить не хуже лихих московских таксистов. Здоровенный белый «форд-транзи» Волика Томского: сам большой, и машина под стать. Антошка Крымов, «сын их адвокатского полка», пока ездил на бежевой «Ладе-приоре», деньги у талантливого молодого человека уже водились, но как-то быстро исчезали. Впрочем, ситуация могла в скором времени измениться: одна из, казалось бы, многочисленных девушек Антона Маша, похоже, пришлась ко двору и уже сумела прибрать к рукам бывшего десантника.

А вот и Наталья. Стройная, в отличие от мужа, и еще вполне красивая, хотя вряд ли она намного моложе профессора.

Она улыбнулась новым гостям, открыла ворота, и Шеметова загнала свою желтую «фабию» во двор. Он так был устроен, что мог бы поглотить и в два раза большее количество автомобилей.

А вот и сам профессор.

Сверкает лысина, сверкают очки, сверкает улыбка.

Все, как всегда.

Поздоровался с Багровым, поцеловал ручку Ольге.

Кроме гостей, высвеченных Ольгой по их авто, на даче Береславского оказалась и Валентина Семеновна, их нестигаемая контороуправительница, подхваченная по дороге Тошкой. Антон, как и предполагалось, был с Машенькой. Большой и очень талантливый Томский привез с собой миниатюрную Мариночку. Хотя в железной воле Марины в этой компании давно все убедились. Достаточно сказать, что после тяжелой аварии Маринка перенесла множество сложнейших хирургических операций на кисти руки и отдельных пальцах. И все ради того, чтобы вновь заиграть на виолончели в своем любительском коллективе.

Народ приветствовал вновь прибывших, и часть гостей сгруппировалась вокруг хозяина, который хвастался грибами.

— Вот это, — объяснял он важно, тыкая толстым пальцем в грибы, — разновидность белых грибов, называются — «польские». Видите, у них желтая губка снизу черной шляпки. А вот эти — маслята! Ну, свинушки с сыроежками мы пропускаем, слишком банально, хотя и чертовски вкусно. А это — «зонтик», родственник шампиньонов. На пне же, как вы понимаете, растут опята...

— Короче, профессор, — перебил его Гескин. Он один, по причине возраста и старой дружбы, мог позволить себе такое обращение. — Выпускай нас за калитку, пока все грибы без нас не разобрали.

Каждый, перед тем как покинуть участок, получил пластмассовое ведро и ножичек.

— Ни пуха! — пожелал профессор и был раз десять, если не больше, послан к черту.

А Ольга с Натальей отправились на кухню. Ольга давно обещала раскрыть секрет своего фантастического орехового торта.

Багров в лес не пошел, заняв, с разрешения хозяина, качели, на которых сразу и заснул, сморенный лесным воздухом и убаюкивающим чириканьем птичек.

Профессор тоже остался дома. Шеметова уже знала, почему: ему было лень нагибаться за грибами, отчего он ходил за ними только в сопровождении Натальи.

Береславский присоединился к женщинам и поинтересовался у Ольги:

— Чем сейчас заняты, уважаемая Ольга Викторовна?

— Парнишку одного защищать буду, — неожиданно для себя самой подробно начала рассказывать Шеметова. — Супергерой, врач-онколог, закончил лечфак Первого меда и химфак МГУ, обладатель патента на раннее распознавание опухолей. И все это в двадцать семь лет.

— А защищать от кого? — удивился профессор. — От конкурентов?

— От ФСБ, к сожалению, — мотнула она головой.

— Какой-то новый наркотик создал, что ли?

Ольга аж вздрогнула: Береславский обладал уникальной способностью мгновенно проникать в суть вещей.

— С чего вы взяли?

— Ну как же, — невозмутимо объяснил Ефим Аркадьевич. — Закончил химфак и лечфак одновременно. Одаренный ребенок. Наверняка знаком с фармацевтикой. Интересуются им чекисты. К бабке не ходи, новый невиданный наркотик синтезировал. И база для апробации замечательная.

— Тьфу, на вас! — даже разозлилась Ольга. — Нельзя же быть таким циничным! Он чудесный, милый, умнейший человек! Один в семье, и сделал себя сам, без всякой отцовской помощи.

— А где папа? — спросил Береславский.

— Папа в тюрьме просидел.

— И сейчас сидит?

— Нет, вышел недавно. Воссоединился, так сказать, с сыном, правда, заочно. Но квартиру ему в Москве купил.

— Вышел из тюрьмы и купил квартиру, — задумался профессор. — Вот вам и заказчик.

Нет, с ним определенно невозможно было разговаривать!

Очень не хотелось Ольге считать Алима сознательным создателем опасного яда, но она вынуждена была признать:

— Факты, конечно, удобно раскладываются. Но вы не видели парня. Он честный и добрый.

— Ох уж, эти девушки, — проворчал профессор. — Все-то у них честные и добрые. Особенно, если красивые и высокие. Ладно, раз ваш Алим добрый и честный, значит, наркотик синтезировал не он, а его друзья.

— С чего вы взяли? — вновь завелась Ольга.

— Ну, смотрите. Парень поступил одновременно на лечфак в медицинский и химфак МГУ. Так?

— Так.

— «Бабла» на взятки не имел, так?

— Так, — еще раз подтвердила Шеметова, не понимая, куда клонит этот ученый фантаст. Если б еще его домыслы столько раз не оказывались правдой...

— Это значит, что мальчик в мире знаний уже был «засвечен». Научное общество, олимпиады, конкурсы.

— Возможно, — не стала отрицать Ольга.

— Вот и ищите среди его друзей, — посоветовал Береславский. — Новый наркотик, ФСБ, юный гений, гениальные друзья юного гения, богатый папа — бывший уголовник. Пазл не может не сложиться.

Наталья попыталась привлечь Шеметову к рецепту торта, но та уже завелась всерьез и, выйдя на крыльцо, позвонила Алиму.

— Слушаю, — сразу откликнулся тот.

— Ты ведь в олимпиадах участвовал? — спросила она.

— С седьмого класса, — недоуменно ответил Алим. — А я разве не рассказывал? От городских, тульских, до международных. А как бы иначе я в МГУ попал? И в медицинский сразу?

— По каким дисциплинам?

— Химия, биология.

— С кем-то там сдружился?

— Конечно! И сейчас дружу. Отличные ребята. Владик Авдеев и Сергей Агапов. Нас так все и звали — три богатыря. Только они фармацевтический факультет заканчивали. А сейчас...

— Стоп! — прервала его Ольга. — При встрече расскажешь. — Ей вовсе не хотелось, чтобы «прослушка» фээсбэшников узнавала новости одновременно с ней. А такое было вполне возможно...

Потом был приятный день, заполненный общением с приятными людьми и поглощением всяких вкусностей. Как съедобных, так и духовных. Ведь кроме зажаренных в сметане грибов с собственной картошечкой, присутствующие, как обычно, насладились мини-концертом и копошением в несметных запасниках галереи Ефима Аркадьевича.

Музыкальную часть представляла его дочка Лола, джазовая вокалистка. Ей помогали звуковой центр с ритм-секцией и друзья — саксофонист с пианистом, профессиональный инструмент на этой даче имелся с момента ее постройки.

Затем ели сногшибательный торт, созданный Натальей под руководством Ольги, снова гуляли, пели, пекли на костре картошку и спорили о политике.

Поздно вечером гости начали разъезжаться, увозя с собой не только приятные воспоминания, но и береславские ведерки с собственноручно собранными грибами. попрощавшись с хлебосольными хозяевами, села за руль и Ольга.

Они с Олегом уже выехали на Щелковское шоссе, когда позвонил Алим. Голос его был взволнованный, даже какой-то испуганный.

— Отца арестовали! — закричал он в трубку. — Прямо в самолете! Три часа назад! Сейчас привезли в Москву. Вы возьметесь его защищать? Ну, пожалуйста!

— Возьмусь, — ответила Ольга. Чем больше у нее будет возможностей влиять на процесс, тем лучше для результата. Если рук у самой не хватит, подключит Багрова.

— Но это еще не все, — упавшим голосом добавил Алим.

— Что еще? — спросила Шеметова, уже зная, что именно услышит.

— Арестовали моих друзей! Помните, вы спрашивали? Оказывается, еще вчера. Владика и Сережку. Я очень рассчитываю на вас!

— Хорошо, — вздохнула адвокатесса.

Глава 4

.....

Москва. Бауманская. Коробов и Золотарев. Охота на охотников

Это только дилетантам кажется, что преступления совершаются, а полицейские ничего не делают. Конечно, разные люди служат в органах. Однако подавляющее большинство пришедших в уголовный розыск мотивированы правильно. Иначе бы не пошли никогда на эту выворачивающую кишки и личную жизнь работу.

Бандитов, действующих с девчонкой-«живцом», искали уже давно.

Большинство случаев разбоя действительно не вошло в сводки — обобранные не хотели «светиться». Но какие-то все-таки вошли! Через несколько месяцев стало ясно, что на территории района промышляет устойчивая преступная группа.

Разрабатывал ее капитан Иван Золотарев, не карьерный, как говорится, специалист, тридцати четырех лет от роду. Опытный сыскарь, он не сомневался, что, чем дальше, тем опаснее станут преступники. К этому ведет вся скрытая логика подобных деяний.

Обобрали одного, второго, третьего...

Потом попался упертый, пришлось драться, а то и пострадать самим.

Значит — надо вооружиться лучше и «мочить» сильнее.

Так что, если их не остановить, это рано или поздно действительно приведет к убийству.

По делу работали уже несколько оперов, в том числе, МУРовские, и приданные им в усиление специалисты по силовому задержанию. В качестве активной профилактики начали использоваться засады.

Забавно, но в одну из них попала Леночка Тобольцева.

Забавно не только потому, что все хорошо кончилось. Но и потому, что поймав «живца», полицейские так этого и не поняли.

Просто Леночка шла к своей подруге. Та действительно жила в доме, готовящемся под снос, и из него большая часть жильцов уже выехала.

За Леночкой увязался какой-то сладострастный тип с горящими от вождения глазами. Команда же «фас!» по радиации прозвучала потому, что, по стечению обстоятельств, незадолго до Леночки в ветхий подъезд зашла тройка молодых людей — с целью совместно распить бутылку водки.

Итак, трое — в подъезд. Подниматься высоко не стали — кошками и сыростью тут везде пахло одинаково, а «трубы» уже «горели».

Почти сразу за ними вошла Леночка в светлом плащике, который пару раз проходил по оперативным сводкам, а за ней — едва ли не дымящийся от страсти мужчина среднего возраста. На самом деле, неизвестно, как далеко бы он зашел в своих поползновениях. Может, просто хотел познакомиться по-человечески. Все бывает в нашей жизни.

Но в этот раз получилось необычно.

Едва он обратился к девушке, та испуганно вскрикнула. Алкаши — на пролет выше — среагировали мгновенно и кинулись к мужичку. А уж на всех вместе набросились «волкодавы» из полицейского спецназа.

Брали жестко, страхуясь от ножа — сведения о применении холодного оружия в деле уже имелись.

Мужикам разбили не только заветную бутылку, но и лица. Леночку также сгребли невежливо.

Допрос с пристрастием устроили прямо в подъезде, и многоопытные сыскари сразу поняли, что вытянули «пустышку». И мужики на банду не тянули, и девочка действительно пришла в гости к подруге. Да и пострадавший за любовь мужичок тоже ни в чем криминальном замешан не был.

Короче, менты признали, что сегодня — не их день, и поспешили перевернуть эту неудавшуюся страницу. Если б не это, если б девочку показали ранее потерпевшим, если б обратили внимание на ее сходство с ориентировкой — все могло кончиться по-другому, в том числе — без убийства на Бакунинской.

Тобольцева, возможно, даже не поняла, что искали именно ее и ее товарищей — все же большим интеллектуалом она не являлась. Дня три побаивалась выходить из дома, а потом, пройдя «курс психотерапии» от ушлого Коробова, опять вернулась к своей первоначальной «деятельности». «Вот

видишь, как бывает, — отечески внушал ей Вовчик. — А если б там не оказалось мужиков? Так что нам многие девчонки по гроб жизни обязаны, что мы этот мусор фильтруем».

Потом было страшное убийство на Бакунинской.

Вот здесь и ее интеллекта вполне хватило.

Мало что слышала, еще меньше видела, но прониклась таким ужасом, что месяц никуда из дома не выходила.

Коробов же, получив шальные деньги, потратил их очень быстро. Даже быстрее, чем когда получал гораздо меньшие.

Оставшись на мели, попытался сменить криминальный профиль: не дурак же, понимал, что охота за охотниками идет вовсю.

Решил грабануть фастфуд — взял какую-то мелочь. И хоть был в маске, но наверняка оставил некие приметы на камеры.

Ночью полез в магазин — не справился с сигнализацией. А против сирены да прямого провода в ментовку и его «Макаров», с восемью желтенькими смертоносными патронами, был бессилён.

Короче, пришлось вернуться к гоп-стопу с «живцом», благо, времени без активности прошло достаточно. Появилась надежда, что менты, расслабившись, сняли усиление.

И правда, два съема прошли безупречно и бескровно. Куценко, справившийся с испугом, сильно бил в морду, поддатый ухажер падал на грязный пол, его обирали и исчезали в осенних сумерках.

Так что третий выход тоже не предвещал сюрпризов.

Вышло же ровно наоборот.

Иван Фаддеевич Золотарев до больших чинов не дослужился и уже, скорее всего, не дослужится. Однако работу свою любил, и разгуливавшего на свободе бандита рассматривал, как личный укор.

Засады действительно частично снимали — рук в полиции всегда не хватает. Но шустрый сыскарь много чего успел нарыть по своим связям. Где-то кого-то припугнул, где-то, наоборот, кого-то выручил и отмазал. Вот и стекалась к нему тоненькими ручейками разная, не связанная между собой «инфа», чтобы в какой-то момент выложить из кусочков мозаику, в которой крупными буквами будет написано имя преступника. А также, желательно, его адрес.

Правда, волшебная мозаика поначалу показала не на Коробова, а на Вальку Талалаева, самого взрослого парня в банде, уже «топтавшего зону», тем не менее, морально незрелого даже по криминальным понятиям, не только по общечеловеческим.

Молодой человек с неважной биографией был встречен Золотаревым в темном переулке, остановлен и напуган. А, получив весьма болезнен-

ный удар в подреберье — кулак у Ивана основательный, как и его владелец, — он сразу «поплыл» и рассказал все, что можно, и что нельзя.

Оформлять Талалаева по основному делу сыщик сразу не стал, задержал по мелочи, оставив ночевать в одиночной закрытой камере, в изоляторе временного содержания местного отделения. Валька не возражал, полностью подавленный произошедшим.

А Золотарев решил завершить скверное и затянувшееся дело красивым ударом. Причем лично.

Начальство идею одобрило, тем более что в ней ничего подозрительного не наблюдалось. Талалаев «слил» все, что знал, и главное — что на завтра намечен очередной отлов уличных «маньяков». И дом указал, трехэтажный, тоже выселенный. И подъезд. И место, где будет гулять девочка-«наживка».

Почему Валька не придет на дело, тоже было продумано: он напьется. Пьяный, звякнет главарю, предупредит. Те все равно пойдут, не раз уже ходили вдвоем с боксером Куценко, в том числе — после убийства.

Золотарев лично принес в ИВС бутылку и закусь: договоренность с руководством имелась. Талалаев и не подумал отказываться. Увидев бутылку, он вообще перестал что-либо загадывать и, «выжрав» ее почти всю, мгновенно дошел до кондиции.

Убедившись, что клиент созрел, Золотарев с Валькиного телефона набрал заветный номер и сунул его в руку Талалаева.

Далее все было сыграно, как по нотам.

— Во-о-вчик, — нисколько не притворяясь, с трудом протянул Талалаев. — Ты, эта, ну, в общем...

— Ты что, нажрался? — раздался из трубки яростный голос, даже Золотареву было слышно.

— Ну, эта, как его... — попытался сформулировать мысль Валька, однако поделник уже дал отбой.

— Отлично, — сам себе тихо сказал Золотарев.

План Ивана был насколько прост, настолько столь же и убедителен.

Не надо группы захвата в засаде — осторожный Коробов может детально осмотреть место предполагаемой «работы».

Не надо случайных людей в эпицентре событий — роль «маньяка» сыграет лично Золотарев. Страхующие пусть будут на улице или, в крайнем случае, на чердаке — чтобы не спугнуть.

У Ивана все профессиональные чувства перемыкало от одной мысли, что упырь и на этот раз уйдет безнаказанно.

Начальство подумало и согласилось.

Нет ничего вкуснее, чем поймать злодея на месте преступления. Да еще такого злодея, о котором теперь знает весь город.

Пистолет у него есть, но вряд ли Коробов сразу станет стрелять. По крайней мере, в прежних гоп-стопах он не стрелял ни разу.

Одним словом, Золотарев получил «добро».

Ночью отлично выспался, придя в отделение, поделал кое-какие дела, а, получив сигнал о вышедшем из дома Коробове, сразу рванул к месту событий.

Дом, куда тот собирался с подельником, уже был известен от Талаева.

Но почти сразу начались сюрпризы.

Вовчик решил сменить место засады. И пришел... к подъезду, в котором однажды уже убил человека! Ну, наглец!

— Объекты вошли, — пропищал микрофон.

Теперь следовало установить «живца».

Фотографию Ивану уже переслали по мэйлу. Однако одно дело — фотография, и совсем другое — живой человек.

Чтобы не привлекать внимания, капитан стоял под козырьком подъезда, выходящего на Бакунинскую, и озирает окрестности.

— Вон она, — сообщил микрофон.

Золотарев и сам увидел.

Ну и красотка! Причем, лица еще не видно, а уже хочется на ней жениться.

Понятно, почему за ней мгновенно пристраивались.

Леночка Тобольцева категорически не хотела вести очередного ухаже-ра в тот ужасный подъезд. И снова Вовчик поработал бесплатным психо-аналитиком, объяснив несмышленной, что обязательно нужно избавиться от глубоко засевшего страха.

— А уж потом — никогда, — пообещал он ей. — Может, даже вообще сменим тактику.

Леночка, не торопясь, прошла мимо капитана, не обратив на него никакого внимания. Пропустив ее вперед метров на десять, Золотарев вышел из-под своего козырька, но появившийся за его спиной некий гражданин чуть не спутал все карты. Видать, он тоже восхитился легкой походкой «живца» и кинулся ее догонять.

Операция оказалась на грани срыва.

Все решили считанные секунды: девушка свернула во двор, а Иван, одним прыжком нагнав «соперника», схватил его за воротник и мощно отбросил назад. Там гражданин, так и не успевший понять, в чем дело, оказался в руках парней из группы прикрытия.

Оставалось надеяться, что у Коробова не было соглядатаев на Бакунинской. Хотя не должно: их всего-то было четверо, не считая девчонки.

За минусом Талалаева и Андрея Ростова — его пять минут назад тоже «спрофилактировали» прямо на улице, — оставались двое. Оба они, по сообщению наблюдателя, уже вошли в подъезд.

Капитан резко прибавил шаг, почти догнав девчонку перед входной дверью. Она испуганно посмотрела назад, дернула дверь и скрылась в подъезде.

Следом за ней вошел Иван.

А там его уже ждали.

Крепыш, по виду боксер, сейчас даст капитану по голове так, чтобы тому даже не захотелось сопротивляться. Ну, пусть попробует.

Тут Леночка, дойдя до площадки, щелкнула выключателем, и в подъезде зажегся свет.

«Картина маслом»: Иван стоит напротив двоих бандитов. Боксер Куценко уже готов технично ударить, а в опущенной руке Коробова темнеет наверняка заряженный «Макаров».

Теоретически — неоспоримое преимущество на стороне преступников. Но если действовать мгновенно, шансов у бандюков не оставалось вовсе — потому что налетчики ждали подвыпившего кавалера, а пришел Ванька Золотарев.

Он никогда не станет полковником. Но он чертовски ловко умеет обращаться с бандитами, посмевшими вторгнуться на его «землю».

Страшный удар — не по боксеру, по Коробову. Тот с треском упал на ступеньки, звякнул выпавший из руки пистолет.

Девочка-«наживка» завизжала от страха и побежала вверх по лестнице.

Второй удар — опять с правой — достался онемевшему от ужаса Семенчику Куценко. Здесь ведь не избивание пьяненьких. И даже не драка с мастером спорта на ринге. Здесь — просто драка. С умелым и очень недобрым противником.

Когда, сшибая с петель дверь, в подъезд ворвалась подмога, ей, оказывается, уже просто нечем было заняться.

Потому что Семенчик лежал без чувств, хотя, возможно, больше от страха, чем от увечья. Коробов тоже лежал, он был в сознании, но не издавал ни звука — потом врачи установят двойной перелом нижней челюсти, трещину верхней и потерю семи зубов.

Осталось разве что визжащую Леночку догнать и спустить вниз с четвертого этажа — выше убежать было нельзя, чердак на замке.

— Ну что, чучело, — склонился к Коробову капитан. — Еще хочешь? Тот замычал и попытался отрицательно мотнуть головой.

— То-то же, — удовлетворенно заметил Золотарев.

А в подъезд тем временем уже зашло начальство, поздравить себя и подчиненных, а заодно посмотреть на злодеев.

— Надо же, какие плюгавые, — удивился подполковник, зам по розыску, — а всех на уши поставили.

Рядом вовсю рыдала девчонка. Она была такой симпатичной и жалкой, что у Золотарева не выдержали нервы.

— Да ладно тебе, — сказал он Леночке, вытирая ей бумажным платочком щеки и нос. — Все же живы-здоровы. Ну, почти, — поправился Иван, глядя на Коробова.

Неожиданно аргумент сработал, и девочка успокоилась. Поскольку она была несовершеннолетней, начали звонить маме.

Тобольцева-старшая, услышав страшную весть, кинулась к отделению, куда должны были доставить ее единственную и ненаглядную. По пути, унимая грохот собственного сердца, она изо всех сил пыталась вспомнить все, что когда-то слышала про адвокатов.

Наконец вспомнила.

Один совсем недавно удачно защищал сына сотрудницы. Тот угнал четыре автомобиля, а отделался условным наказанием, так всех разжалобил этот ловкий адвокат. Сотрудница называла фамилию — Багров, что ли?

Тобольцева на ходу позвонила ей и, получив заветный номер, набрала самого Багрова, Олега Всеволодовича.

Тот, слава богу, ответил мгновенно и, несмотря на выходной, позднее время и дождь, тоже помчался в отделение...

Глава 5

.....

Москва.

Адвокатская контора у трех вокзалов.

От пикировки к рокировке

Вчерашний денек оказался беспокойным у обоих.

Ольга и Олег набегались так, что тихий грибной лес рядом с дачей Береславского казался не недавним воспоминанием, а чем-то совсем забытым, из другой жизни.

У Шеметовой, к ее восемнадцати делам добавилось девятнадцатое. А у Багрова доверителей и подзащитных было еще больше, чем у его подруги.

Особой радости такая загрузка не вызывала.

Конечно, деньги лишними не бывают. Однако четыре новых папки на Ольгином столе слишком быстро стали наполняться бумагами и докумен-

тами, требующими ее непосредственного вмешательства. А самое главное, Шеметова уже отчетливо понимала, что, даже разорвись она надвое, все равно чего-то не успеет. Слишком разноплановым и многоэпизодным оказалось дело.

Да и территориально оно получилось разбросанным. Двое из «трех богатырей», Сергей и Влад, были арестованы судом и находились в СИЗО «Матросская тишина». Отец Алима, Махмуд Явузов, также был арестован, но сидел в Лефортово. Сейчас он по своим каналам предпринимал какие-то активные действия, чтобы «выломиться» из строгой «чекистской» тюрьмы в «общеуголовную». Ольга уже поняла, что у старшего Явузова, кроме серьезного криминального прошлого, имелись и достаточно серьезные рычаги воздействия на окружающий мир.

В целом планы адвокатессы были следующими.

По младшему Явузову — доказать его полную непричастность к криминальной деятельности, соответственно, с полным же освобождением от уголовной ответственности.

По двум «ученым богатырям» цели были скромнее: за ними осталось столько следов, что закрыть на них глаза судьи не представлялось возможным. Квартирка в Сочи была оборудована не хуже хорошей химической лаборатории. А в ретортах и даже кастрюльках варились такие «блюда», что химики с погонами до сих пор не смогли идентифицировать и половину синтезированных «юными гениями» субстанций. Ольга планировала представить их фанатами химии, не сильно задумывавшимися над тем, что творят. Типа — вовсе не наркотик варганили, а подсластитель.

История с подсластителем возникла во время беседы наедине с Махмудом Явузовым. Оказалось, что это он нашел — точнее, ему нашли — старый химический журнал, еще шестидесятых годов. Мало того — на английском языке.

В статье рассказывалось о веществе — причем, приводилась его сложнейшая, на полстраницы, химическая формула, — обладавшем невероятным коэффициентом сладости, или как он там правильно называется. Махмуда, конечно, не сладость привлекла, хотя в легальной части его бизнеса был маленький заводик, производивший компоты и варенья. Явузов-старший клюнул на известие, что синтезированное полвека назад вещество было полностью запрещено к производству ввиду чрезвычайно сильного наркотического эффекта.

Вот это было серьезно.

Если прибыль от варенья и компотов исчислялась в сотнях тысяч рублей, то возможный профит от нового, невероятной силы, наркотика мог планироваться в миллиардах.

Тут надо чуть отвлечься и сказать, что Шеметова с Махмудом общего языка не нашла. Профессиональный долг она исполняла честно, а вот никакой симпатии или сочувствия к подзащитному найти в своей душе не сумела. Дело в том, что Явузов-старший оказался законченным мерзавцем и подлецом. Единственное человеческое чувство — проснувшаяся любовь к брошенному когда-то сыну. И то она оказалась слегка с деловым привкусом. Махмуд, сблизившись с сыном, ненавязчиво расспрашивал его о жизни и узнал о трех «богатырях», победителях многих олимпиад, в том числе — химических. Сына втягивать не стал, по понятным причинам, да Алим вряд ли бы и втянулся, не те у него были приоритеты.

Зато не сильно жирующих друзей окружил вниманием и заботой. Подавалось все, как часть любви к сыну. Сергей и Владик сначала приехали отдохнуть в Сочи с Алимом, а потом — уже на постоянную работу — самостоятельно.

Махмуд поставил им задачу синтезировать описанное в англоязычном журнале вещество, дал достаточно денег и на науку, и на красивую жизнь.

Про договора с наркобаронами ни Явузов, ни Владик с Сергеем Ольге Шеметовой, естественно, не рассказывали, но цепочка выстраивалась из всей сопутствующей информации и достаточно легко просчитывалась.

Именно жесткими заказчиками объяснялось вменяемое Явузову убийство по неосторожности, когда курьер, зашуганный собственной аэрофобией, принял в самолете крупинку наркотика и умер. Наркобароны же заподозрили, что Явузов-старший просто водит их за нос, не имея искомого вещества. Вот почему после гибели автокурьера он послал с образцом наркотика трясущегося при одной мысли о высоте Рзаева. А когда тот все-таки не довез наработанный образец «товара», Махмуд был вынужден — из страха перед заказчиками — использовать в качестве курьера собственного сына.

— Но как же можно посылать не опробованный материал? — поразилась Ольга. — Его же никто даже на животных не испытывал!

— Своя голова дороже, — коротко пояснил Махмуд. И, чтобы дважды не возвращаться к острой теме, добавил для ясности: — Если бы Саид или Алим довели, получатели сами бы испытали, на свиньях или таджиках.

Так и сказал — на свиньях или таджиках.

Шеметова поняла, что ей будет сложно защищать этого человека. Одно дело — не чувствовать симпатии к подзащитному, и совсем другое — начинать его тихо ненавидеть.

Ольга быстро выяснила, что циничные рассказы Махмуда были вполне правдивы. Ребята-химики, общаясь наедине с адвокатессой, подтвердили практически все, сказанное Явузовым. С той только разницей, что реаль-

но ничего не ведали про масштабы будущего использования синтезированных ими материалов.

Ну, и специфических деталей добавили. Расцветили, так сказать, сухое повествование дополнительными красками.

Они действительно были старыми друзьями Алима, только, в отличие от него, оба закончили фармацевтический факультет. Теперь вместе учились в аспирантуре. Работа была связана с многочисленными экспериментами, сильно зависела от финансирования и шла не быстро, так что зарабатывали друзья очень мало.

Добросердечный Алим очень переживал за них. Даже вину какую-то чувствовал, сам-то он, не без помощи вновь обретенного папаши, материально был устроен очень даже ничего. Болтая раз в неделю с отцом по телефону, рассказал и о проблемах олимпиадных друзей.

Папа согласился помочь и им и пригласил всех на летние каникулы в Сочи. Билеты и месяц отдыха — от папы-Явузова.

Прямо из аэропорта ребят увезли в горы, в огромный дом с деревянной площадкой под виноградным навесом, с видом на далекое синее море и свисающими над двором поспевающими гранатами.

В жару предпочитали поспать, хотя роскошный бассейн во дворе имелся. А поздно вечером, под луной, происходили неспешные беседы. Сын особо не вникал, читал в основном во множестве прихваченные с собой научные журналы по специальности.

Махмуд мгновенно вошел в доверие и предложил ребятам круто подработать, причем прямо в соответствии с их научными интересами. Рассказал про свой консервный заводик, пожаловался на разорительные цены на сахар и подкинул идею. Изобретите, мол, такое вещество, что берешь таблетку, бросаешь в цистерну — и вся цистерна сладкая. Тем более, что в найденном по случаю старом журнале говорилось именно про такое, уже изобретенное, вещество, которое не пошло в производство лишь из-за дурацкого запрета американцев.

Мальчики идиотами не были, заинтересовались, почему американцы запретили дальнейшие исследования. Махмуд скрывать не стал: сочли, мол, что это может быть использовано как наркотик.

В итоге сошлись на том, что Явузов-старший будет оплачивать хорошую жизнь ребят в течение года плюс все расходы на, собственно, химию.

Парни наверняка догадывались о сути сделки, но согласились, а Алима сообща решили в тонкости дела не посвящать.

Сын же был рад за друзей, которые на ниве помощи консервной промышленности имели теперь и красивую науку, и хорошие деньги.

Дважды выслушав из разных уст почти одну и ту же историю, Ольга теперь могла наметить план защиты для каждого.

Алима — выводить из криминального поля напрочь.

Ребят — отмывать от обвинений в осознанном создании наркотика, упирать на научную ценность задачи. И придумать — уже ближе у суду — еще какой-нибудь «фокус», уменьшающий их вину перед обществом и законом.

Вообще говоря, это и есть основная задача адвоката — придумать «фокус». Потому что статьи закона сухи и бесстрастны. А вот бесстрастных судей, применяющих эти статьи к конкретным людским судьбам, как правило, не бывает. Оттого и ломает голову хороший адвокат: на какую струну нажать, какой аспект педалировать, чтобы получить сочувствующий отклик в много чего видавшей судейской душе.

Даже время применения такого «фокуса» — и то необычайно важно. Чем ближе к моменту принятия судьей судьбоносного решения — тем сильнее сработает.

Что же касается Махмуда, то она бы и вовсе отказалась от его защиты, однако расторжение соглашения о защите по личному желанию адвоката законом не предусмотрено.

Махмуд отказаться от адвоката может, а она от него — нет.

С другой стороны, в одновременной защите нескольких фигурантов дела имеются свои неоспоримые преимущества: гораздо легче выстраивать единую линию защиты. Если бы еще не было так противно смотреть в умные и подлые глаза Махмуда Актаевича...

Ольга пыталась поговорить с подзащитным на эту тему. Тот хитро сощурился и открытым текстом выдал:

— Не переживай, ты меня пока всем устраиваешь.

Старый опытный сиделец Явузов, конечно, успел увидеть и по достоинству оценить высокую эффективность деятельности невзлюбившей его защитницы, а, как человек в высшей степени рациональный, ориентировался в первую очередь именно на эффективность оказываемых ему услуг.

У Багрова тоже была тьма-тьмущая дел. Но это его несколько не напрягло, он никогда не сидел без работы. А вот одно обстоятельство заставило-таки Багрова обратиться к Шеметовой по рабочему вопросу, и он пригласил ее в кофейню на углу.

— Олечка, — начал Олег, хитро поглядывая на нее и отпивая глоточек крепкого ароматного напитка. — У меня тут дельце образовалось...

— Не справляешься? — подначила она.

— Справляюсь, конечно, — скромно вздохнул Багров, — но есть такие редкие дела, где женщине оперировать было бы сподручнее.

— Что за дела? — заинтересовалась Шеметова.

— Я тут одну девочку защищаю, — осторожно начал Олег. — Случайный выбор, по рекомендации, раньше не пересекались.

— И в чем ее обвиняют?

— Инкриминируется участие в бандитской группировке.

— А что натворила эта группировка?

— Разбои, убийство.

Лицо Шеметовой непроизвольно скривилось.

— Ты же знаешь... — начала она.

Конечно, он знал.

Ольга терпеть не могла убийц и бандитов. Может быть, бандитов даже больше, чем убийц. Потому что убийца теоретически может убить по неосторожности, или в состоянии аффекта, или защищаясь. Хотя, конечно, может лишить жизни человека из корысти. А вот бандит всегда готов лишить человека жизни из корысти. Ведь разбой — априори корыстное преступление, отъем чужого имущества или денег под угрозой оружия. Если жертва откажется расставаться с нажитым, то оружие, как правило, пускают в ход. Иначе для чего его брать?

Короче, Шеметова по доброй воле никогда не бралась защищать этих нелюдей.

— Не-ет, — сморщилась она. — Сам-сам-сам. Тебе ж без разницы... — (Багров не раз подкалывал ее, что на такую щепетильную защитницу добродетельных преступников не напасешься.)

— Послушай, там все не так однозначно, — не отставал Олег. — Она не убивала, не разбойничала, она была всего-навсего «живцом».

— Еще не легче! — запротестовала Ольга. — Вообще мерзавка!

— Да нет же! — Багров тоже завелся. — Ты хоть выслушай! — Он коротко, но точно пересказал историю своей подзащитной и честно признался: — Нет у меня с ней контакта. Она фантастически сексуальна. Действует на мужиков, как магнит неодимовый.

— Что значит — неодимовый? — спросила Ольга.

— Ну, сильный очень. Следовательница ее уже ненавидит. Заманивала, подставляла под кулаки, а то и нож.

— Я ее тоже уже ненавижу, — зло бросила Шеметова.

— Потому что недослушала. Она наивная совсем. Ей ничего не платили.

— За идею работала, что ли? — усмехнулась Ольга.

— Типа того. Она немного слабовата на голову, училась в коррекционной школе. А главарь, видать, неплохой психолог, типа, чистили город от маньяков. А девчонка хорошая, я нутром чую. Посмотри на нее, я тебя очень прошу.

— А давай баш на баш? — вдруг пришла в голову Шеметовой прикольная идея.

— Это как? — осторожно поинтересовался Олег Всеволодович.

— Я заберу твою разбойницу, а ты моего наркодельца.

— Ты же знаешь, я ненавижу наркодельцов! — вспылил он.

— Ты же знаешь, я ненавижу разбойниц! — передразнила Ольга.

И оба дружно расхохотались.

В этот момент затрезвонил Ольгин мобильный.

— Слушаю внимательно! — мгновенно подобралась она. От веселого настроения не осталось ни следа — постоянная готовность к бою.

— Это майор Копцев, — представился голос. — Мы хотели бы завтра провести опознание подозреваемого.

Ольга задумалась. Против Алима у следствия практически ничего не было. На пакете, который он принес в «нехорошую» квартиру, следы его пальцев отсутствовали. Также не найдены были «пальчики» и на самой коробочке с исследуемым наркотическим веществом. Более того, Махмуд Явузов, движимый родительскими чувствами, четко подтверждал, что попросил сына помочь «втемную», не ставя его в известность о содержании посылки.

Казалось бы, следак должен вывести Алима из игры и больше не портить ему нервы. Ан, нет. В деле имелись показания некоего гражданина Бабаева Кирмана, который утверждал, что перед приездом на квартиру Алим с ним созванивался и сообщил, что везет тому искомый продукт, чуть ли не назвав его в открытую наркотиком.

Звучало все странно, но, к сожалению, письменные показания этого самого Бабаева действительно присутствовали в следственном деле.

Шеметова, узнав про ситуацию, немедленно подала ходатайство следователю о проведении опознания Кирманом Бабаевым голоса Алима Явузова. Разумеется, по телефону, точно так же, как и в момент, предшествовавший доставке наркотика.

Копцев неожиданно легко согласился.

Ольга заподозрила неладное и быстро разобралась, где собака зарыта. Следак мгновенно смекнул, что адвокатесса не сможет раздвоиться и быть сразу с двух сторон телефонного разговора. А значит, результат эксперимента — если понадобится — можно будет подогнать под требуемый.

И вот теперь майор звонил, чтобы предупредить о времени и месте опознания.

Завтра, в одиннадцать утра.

Место она знает. Точнее — два места: телефонных трубок-то две.

— Хорошо, спасибо, — ответила Ольга и, дав отбой, повернулась к Багрову: — Все же тебе придется войти в дело. Завтра опознание Алима, по голосу. Я рассказывала. Чтобы присутствовать с двух сторон, мне придется использовать тебя.

— Давай, конечно, — согласился Олег. Но Багров не был бы Багровым, если б не попытался использовать момент в собственных юридических интересах. — А ты поможешь мне с моей подопечной.

— Согласна, — кивнула Шеметова. Но Ольга не была бы Ольгой, если бы последнее слово осталось не за ней. — А ты заберешь у меня Явузова-старшего, раз такое дело.

Итак, пикировка между любимыми закончилась обоюдно приемлемой компромиссной рокировкой.

Глава 6

.....

Москва.

Следственный эксперимент, девочка-разбойница, а также немного о вечном

День обещал быть томным.

С утра — следственный эксперимент с опознанием голоса Алима по телефону.

Днем — выезд в СИЗО, в не ближнюю Перерву, где находился женский следственный изолятор, общение с юной преступницей, а до этого — с ее несчастной мамой.

Вечером была запланирована встреча с экспертом, специалистом по наркотическим веществам. Встреча неофициальная, просто Шеметова, влезая в какое-либо дело, всегда старалась быть во всеоружии. Если есть возможность подзарядиться знаниями от высокого профессионала — грех ее упускать.

Ольгин телефон зазвонил ровно в восемь. Копцев, надо отдать ему должное, был точен и предупредителен.

— Ольга Викторовна, Кирман Бабаев будет находиться в нашем оперативном помещении, адрес вы знаете. Алим Явузов и участники опознания — у меня в кабинете. Куда вы подъедете? — вежливо осведомился он.

— И туда, и туда, — весело ответила она, представляя сначала недоуменную, а потом недовольную физиономию своего будущего процессуального противника.

— Раздвоение личности? — засмеялся следователь, но как-то невесело. Он уже понял, что его немножечко перехитрили.

— Точно, Александр Гариевич. У вас, если можно, будет адвокат Багров Олег Всеволодович, он со вчерашнего дня официально вошел в дело, соглашение привезет с собой. А с господином Бабаевым буду я.

— Хорошо, — суховато согласился майор. А что ему оставалось делать? Козырь у него и так-то был не очень.

Ольге теперь было уже предельно ясно, с чего вдруг этот товарищ, Кирман Бабаев, пытается притянуть к делу Алима. По своим источникам она установила, что упомянутый гражданин Бабаев заключил со следствием официальную сделку. Он сдает всех, а следствие обеляет его. Ну, не обеляет, конечно, нет такой статьи, чтобы обелили. Зато в Уголовном кодексе Российской Федерации прямо оговорен вывод из числа обвиняемых по делам о наркотиках. Именно в случае добровольного и плодотворного, как говорится, сотрудничества...

При таких условиях уважаемый Кирман Бабаев готов вспомнить даже то, чего никогда не знал.

«А я-то ломала голову...» — усмехнулась Шеметова.

Записанных телефонных переговоров Алима с Кирманом нет. Есть факт его выхода на вокзал, есть телефонный разговор с отцом, в котором речь шла исключительно о фруктах и письме в пакете для передачи. И вдруг заявление Кирмана, что, мол, Явузов-младший с ним лично разговаривал и лично обещал доставить груз. Чуть ли не слово «наркотик» произнес в открытом эфире...

Зачем эти спектакли Копцеву — тоже понятно. Вряд ли майор хочет упечь талантливого ученого за решетку. Скорее собирается использовать его как пешку в оперативной игре. А чем еще он может всерьез надавить на Явузова-старшего?

Сейчас, в предстоящем телефонном опознании, Ольге очень хотелось бы поставить точку на страданиях молодого Явузова. А то получается, что с отцом ему не повезло дважды: сначала — когда бросил, потом — когда нашел.

Ольга приехала к месту проведения эксперимента вовремя, точнее — к одному из двух мест. До второго, надо надеяться, Олежка тоже уже доехал.

Кирман сидел напряженный, ему, видимо, обещали беспроегрешный вариант, с подсказками, а поди, подскажи, когда на обоих концах телефонного провода по адвокату.

Согласованный диалог звучал следующим образом:

— Кирман, ты дома?

— Да.

— Я еду к тебе, отец просил передать порошок.

Слава богу, что «порошок». А то Кирман от рвения мог бы «вспомнить» и химическую формулу присланного зелья, если бы его к этому моменту уже расшифровали.

Диалог прозвучал ровно пять раз.

Ольга смотрела во все глаза, и помощники следователя, даже если собирались мигнуть Кирману, то побоялись это делать.

Алим «выступал» вторым.

Бабаев же неуверенно показал на четвертого невидимого говорившего:

— Вроде он.

Шеметова подскочила, потребовала немедленного протоколирования и себе на руки копию. Присутствовавшие местные парни с удрученными лицами произвели все необходимые действия.

— Ну, вот и славненько, — сказала она, улыбнувшись. Теперь ее подзащитный мог действительно вздохнуть свободно. Больше у них на Алима ничего нет. Обвинений ему не предъявят.

Ольга созвонилась с Багровым, поблагодарила за помощь и помчалась в контору, на встречу с мамой-Тобольцевой.

Валентина Степановна уже ждала в коридоре. Уставшая, но не сломленная одинокая женщина. А ей и нельзя быть сломленной, на ней дочка, которая, к тому же, попала в крайне опасную ситуацию.

— Я буду защищать Лену вместо Олега Всеволодовича, — сказала Шеметова, после того как поздоровались и присели за стол.

— Спасибо, что согласились, — тихо проговорила Тобольцева-старшая.

— Пока не за что. Вот если сумеем добиться мягкого приговора, тогда и порадуемся.

— А ее могут посадить? — вскинулась Валентина Степановна, будто сама не знала, что могут. Но при виде адвоката, как и при приходе врача, у всех вспыхивают надежды, пусть и необоснованные.

— Вы же сами понимаете, там ведь преступная группа. Разбой многочисленные. Даже убийство.

Из усталых глаз Тобольцевой выкатились слезинки.

— Вот плакать точно не надо! — попыталась успокоить ее Ольга. — А надо очень много работать. Надо искать любые детали, которые позволили бы думать про вашу дочь хорошо. Смягчающие обстоятельства. Вот и давайте их искать.

— Сколько ей могут дать?

— Какой смысл это обсуждать? Реально виновные в таких преступлениях получают большие сроки. Нам с вами нужно максимально дистанцировать Лену от деяний преступной группы. Вы же Олегу много интересного про дочку рассказывали. Вот и мне расскажите.

— Она, знаете ли, совсем не жадная девочка, — помолчав, начала Валентина Степановна. — Никогда к деньгам не тянулась. Отец говорит — это из-за ее ущербности.

— Не очень-то деликатная формулировка, — заметила Шеметова. — А отец с вами живет?

— Нет, мы разошлись давно. Но он помогал деньгами все время. Я на алименты не подавала. Не густо, конечно, но лучше, чем ничего. И с Ленкой спортом иногда занимался. Он физруком в школе работает.

— А в чем все-таки он видел ее ущербность?

— Училась с большим трудом. Вы же знаете, по седьмой класс в коррекционной школе. Легко всему верила, доверяла всем.

— А в чем еще выражается Ленина, простите за гадкое слово, ущербность? — спросила Ольга.

— Жизни она не понимает, — расстроено ответила Валентина Степановна.

Зацепки появились. Интересная получалась преступница. Денег и вещей не брала — шоколадки не в счет. Разгульную жизнь не вела. Над этим еще придется много думать, однако Ольга уже чувствовала, что защитой это девушки она будет заниматься не только без отвращения, но и со всем свойственным ей энтузиазмом.

И первая задача — выдернуть ее из СИЗО.

Вторая — перевести в социально защищенные. В школу-то она вряд ли вернется, так что обязательно понадобится место учебы и работы.

Жизнь, как водится, быстро внесла коррективы.

В СИЗО в Перерве объявили карантин по гриппу, поэтому очная встреча с Леной Тобольцевой откладывалась, как минимум, на неделю. Разумеется, Шеметова не будет сиднем сидеть эти семь дней, наоборот, испробует любые дозволенные законом средства, чтобы изменить девочке меру пресечения.

Тем более что следователь хорошо к ней настроен. Если конкретней, то Вадим Александрович Нургинов благосклонно отнесся к идее адвоката поменять ее подзащитной меру пресечения — с содержания в следственном изоляторе на подписку о невыезде.

Тобольцева-младшая честно рассказывала все, что знала. Кстати, ни Коробов, ни Талалаев с Куценко и не пытались прицепить ее к свое-

му преступному сообществу. Может, проявились остатки мужского благородства, а может, понимали, что при первой же беседе в суде с Тобольцевой-младшей версия о девушке-преступнице будет повержена в прах.

Все это было, конечно, хорошо, но к суду надо готовиться основательно. Как ни крути, а статья такая, что и двадцать лет отваливают. Как бы не вышло пропорционально: убийце — максимум, помощникам — половину, ну а инфантильной наживке — лет семь от щедрот. Не дай, как говорится, бог.

Глава 7

.....

Москва. Следственный изолятор. Это сладкое слово — свобода...

На сегодня у Шеметовой был запланирован визит в следственный изолятор, для серьезного разговора с Тобольцевой — карантин, накопец-то, сняли.

Поскольку следствие заканчивалось, нужно было срочно продумывать те самые «фокусы», которые могут произвести впечатление на много чего повидавшую судью. И их не найти без глубокого и серьезного понимания личности подзащитной.

Разрешение на свидание у Нургинова Вадима Александровича, следователя по делу бауманских бандитов, уже было получено.

Вообще-то следователь отказать в этом адвокату не может: право на защиту у подсудимого есть всегда. Но если отношения не сложились, следак способен сильно попортить жизнь защитнику.

Впрочем, обратная ситуация также возможна. Поэтому умные юристы с обеих сторон ведут себя нормально и осмотрительно, без нужды отношения не обостряя.

Нургинов вообще понравился Ольге.

Спокойный, думающий. Без какого-либо адвокатского давления уже в корне поменял свой взгляд на девчонку и ее роль в банде. Понять его первоначальные мысли несложно: «наживка» в таких делах не меньший преступник, чем наносящий удар. А, может, даже больший — провокаторов и подстрекателей не любит никто.

Здесь же все изначально было иначе. Чуть не главная участница разбоя оказалась, во-первых, бескорыстной. А, во-вторых, она и в самом деле ровно ничего не делала!

То, что ее выгораживали подельники, еще могло быть объяснено какой-то их юридической идеей. Но ведь и ограбленные — все как один — подтвердили, что девушка с ними даже не заговаривала! Максимум — лукаво смотрела.

В общем, после встречи с Тобольцевой надо срочно переговорить с Нургиновым. Если он не будет сильно возражать, судья может изменить меру пресечения на не связанную с лишением свободы.

Ольга не захотела мучаться в пробках, а потом нервно искать место для парковки, поэтому поехала на метро. Метро она вообще любила. Иногда читала книжку, иногда просто разглядывала пассажиров в вагоне. Это занятие никогда ей не наскучивало. Какие же люди разные! И какие все интересные!

Зато в самом СИЗО ей предстояли довольно занудные процедуры. Привыкла, конечно, за столько лет, но все равно жаль времени, а порой и нервов. Наконец, когда все необходимые процедуры были завершены, она заняла очередь в кабинет, где и должна была произойти ее встреча с подследственной.

Шеметова приготовилась к долгому ожиданию, однако на этот раз фортуна решила повернуться к ней лицом.

Оказалось, что следователь Нургинов в данный момент как раз находился в СИЗО. Зная, что Ольга вот-вот должна приехать в изолятор, сам ее нашел и предложил, как он выразился, разделить компанию. Она, разумеется, не отказалась, и они без всякой очереди прошли в кабинет, выделенный Нургинову. Еще через пятнадцать минут в открывшуюся дверь кабинета в сопровождении немолодой конвойной вошла Лена Тобольцева, сразу направилась к прикованному к полу железному стулу напротив следователя и села.

— Здравствуйте, — поприветствовала девушку Шеметова.

— Добрый день, — эхом дружелюбно произнес Вадим Александрович.

Ответа оба не расслышали.

Ольга смотрела на подзащитную во все глаза. Невзрачная, даже какая-то безлика, она склонилась низко над столом, стараясь ни на чем не задерживать взгляд: ни на следователе, ни на своей защитнице, ни на обстановке кабинета.

«Может, ее обстановка кабинета и смущает?» — подумала Шеметова, совершенно не понимая, чем же эта девочка околдовывала мужиков всех возрастов, и обратилась к ней с вопросом:

— А почему ты с нами не здороваешься?

— Здравствуйте, — тихо проговорила Лена.

— Вы уже успели побеседовать? — спросила Шеметова у следователя.

— Да, и не раз. Так что встреча у нас далеко не первая, — ответил Нургинов.

— Совпадают ли ее показания с действительностью?

— Вы знаете, ваша подопечная — молодец. Обещала рассказать все, что знает, и сдержала свое слово.

— Оказала существенную помощь следствию в раскрытии целого ряда преступлений, — улыбнулась Ольга.

— Точно, — улыбнулся в ответ следователь.

Редкостная идиллия: адвокат и следователь «играют в одну дудочку». Редкостная, и оттого еще более приятная.

— А вы обратили внимание, — продолжала Шеметова, — что Лена Тобольцева ни разу, ни в одном эпизоде не позвала и не пригласила потерпевших следовать за собой?

— Обратил, — снова улыбнулся Нургинов.

— А заметили, что моя подзащитная ни разу и ни в одном эпизоде не преследовала никакой корысти от своих действий?

— Заметил, конечно, заметил. — Следователь уже открыто посмеивался.

— Ну, так зачем же мы ее здесь держим? — закинула удочку адвоката тесса.

— Да, я думаю, незачем, — опять согласился Нургинов. — Я уже подписал постановление об изменении меры пресечения. Подписка о невыезде. Плюс нахождение по домашнему адресу с 20.00 вечера до 7.30 утра.

— Отлично! — только и сказала Ольга.

— И вообще, зная, что вы приедете, я все подготовил к данному моменту. Так что, если хотите, после формальностей забирайте свою Лену Тобольцеву.

Пока все шло именно так, как и хотелось Шеметовой. Теперь следовало понять, чего «щедрый» Нургинов попросит взамен.

Ждать долго не пришлось.

Надо сказать, что следователь имеет право один на один задавать подследственному любые вопросы. Но протоколы этих допросов будут действительны в суде только в том случае, если следственные действия производились без нарушения процессуального законодательства. В про-

тивном случае они не будут признаны доказательствами и не смогут влиять на приговор. Другими словами, Нургинов предлагал ей — в качестве, так сказать, компенсации за свою «доброту» — максимально быстро помочь «закрепить доказательства» для суда. Чтобы уже непосредственно в судебном процессе вдруг не выползли обвинения в давлении на подследственного, а, казалось бы, железные факты не подверглись атаке со стороны защиты.

Это была хорошая и честная сделка.

Разумеется, Ольга изучит протоколы самым внимательнейшим образом, до последней буквы. Никакого дополнительного вреда подзащитной, ясное дело, от них не будет. Зато следователь, замотанный делами по самое горло, сэкономит море времени.

— И еще, — смущенно начал Нургинов, и Ольга сразу же насторожилась.

Но когда он продолжил, никакого «двойного дна» в его словах не обнаружилось. Нургинов просто хотел, чтобы перед судом Шеметова ознакомилась с материалами дела как можно быстрее, потому что у него близился отпуск, и билеты уже были куплены, и путевки.

— Идет! — с улыбкой кивнула Ольга и посмотрела на Тобольцеву.

И ничего не увидела.

Она, что, и в самом деле не понимает, что ее сейчас отпустят домой?

Да, девочка в плане интеллекта реально тормозила...

После достаточно недолгого ожидания Шеметовой «выдали» юную «зэчку», теперь уже бывшую. Вместе с небольшим рюкзачком, вместившим все ее нехитрые тюремные пожитки.

Ольга пожалела, что не взяла машину — вид у Лены был прямо-таки истощенный, и — никаких тебе признаков «манкости».

Пройдя все процедуры, они вышли, как говорится, из «врат тюрьмы» и двинулись к станции метро.

Тобольцева была такой же вялой и безжизненной, как в следственном кабинете.

В ярком свете вагона электрички Ольга не переставала наблюдать за подопечной. Похоже, к суду требовалось придумать еще какие-то «фенечки» — «манкость» могла и не сработать.

Уж больно сложно доказывать.

И тут...

В вагон вошли трое молодых ребят, видимо, студенты.

Леночка подняла свою симпатичную головку и двумя руками поправила незамысловатую прическу.

Всего-то ничего.

Подняла руки.

Поправила волосы.

Опустила руки.

А двое из трех студентов уже уставились на нее. Причем один из них забыл закрыть рот.

Черт! Не только студенты!

Ольга смотрела и ничего не понимала.

Минимум три мужичка — из сидящих на скамейках — тоже вперились глазами в Тобольцеву!

А та лишь улыбнулась и, услышав, что объявили их остановку, медленно двинулась к выходу.

Пара естественных движений — и теперь на нее смотрела уже половина мужчин в вагоне.

Вот же наваждение!

И как она, Шеметова, покажет это в суде?

Да, Ольге теперь добавилось, над чем поразмышлять.

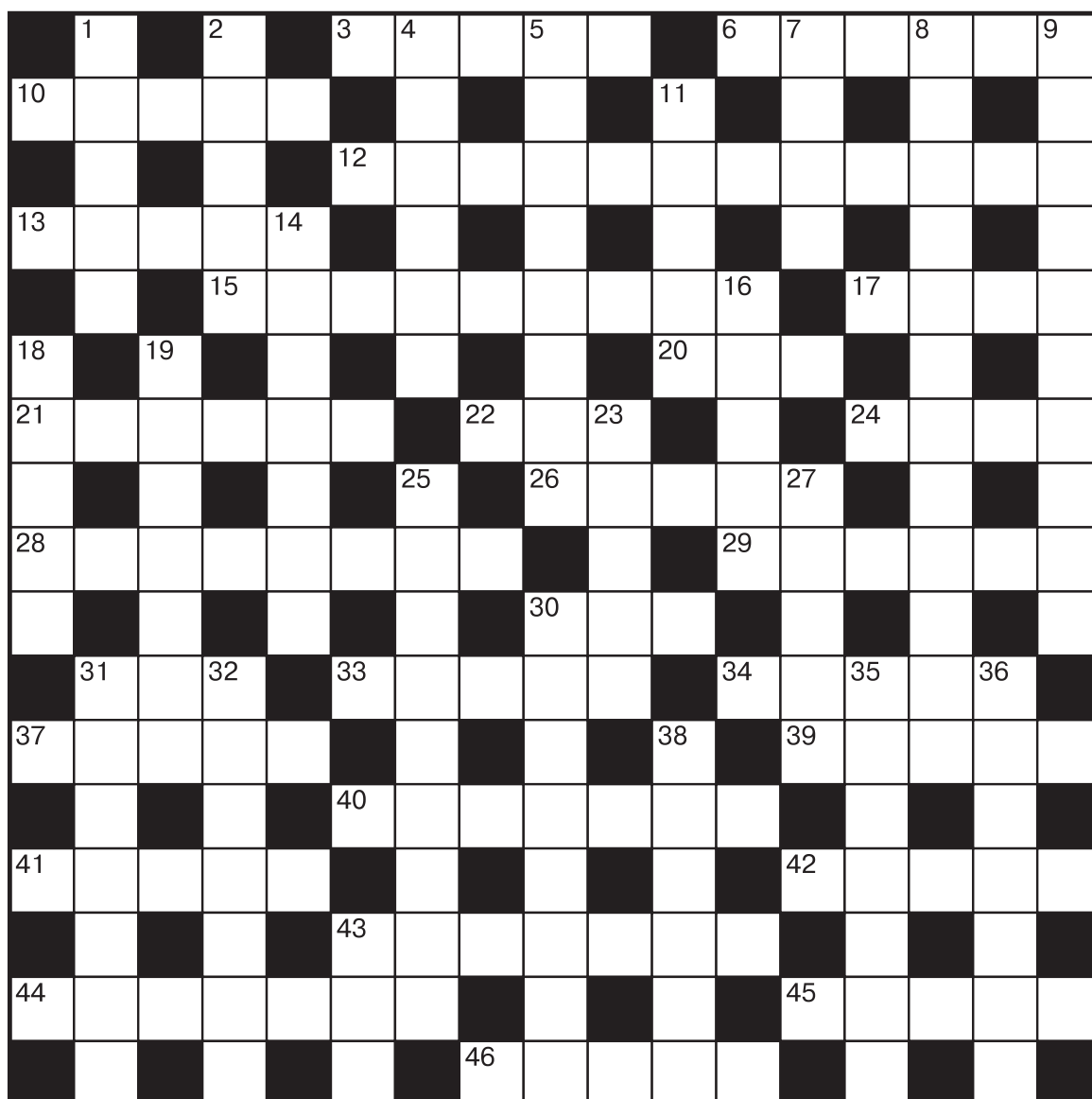
Она пошла с Леной к выходу, уже не удивляясь тому, что один из трех студентов тоже вышел из вагона и нерешительно отправился за ними вслед.

Бывают же загадки там, где все, казалось бы, ясно... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Самолет» с бабой Ягой на борту. **6.** Ягода, чей сок эффективно предотвращает сердечно-сосудистые заболевания. **10.** Литературный каркас. **12.** Кто принимает стратегические решения на фронте? **13.** Чего натерпишься, пока фильм ужасов до конца досмотришь? **15.** Кого «нужно уважить бутылкой, чтобы он уважение к тебе почувствовал» из сериала «Папины дочки»?

17. Деликатес с клешнями. **20.** Мальчик с замороженным сердцем. **21.** Внесение денег за товар. **22.** «В чужой руке ... и больше, и толще». **24.** Что сокращают при экономическом кризисе? **26.** Косметический абразив. **28.** Что царит на кухне после праздника? **29.** Эвенк «во времена оны». **30.** Что особенно вытягивает страус, когда бежит? **31.** Какая собачка «умеет лаять по-японски»?

33. Прима Голливуда, забывшая в уборной свою первую статуэтку премии «Оскар». **34.** «Самая длинная деталь» в смирительной рубашке. **37.** «Газовый киллер» шахтеров. **39.** Мифический ветер или сладкое лакомство. **40.** «Сторож» на входной двери в подъезд. **41.** Где Сережа Усиков готовил товарища Никадилова к лекции из фильма «Карнавальная ночь»? **42.** На какой остров Гомер в своей «Одиссее» поселил сладкоголосых сирен? **43.** «Совещательная ...» для присяжных заседателей. **44.** «Целый букет» из истории болезни. **45.** «Вся ... есть не что иное, как средство не думать о смерти». **46.** Какого зверька американцы считают главным распространителем бешенства?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Композиторский опус. **2.** Какой конь вдохновением ведаёт? **4.** Чем «грохал в асфальт» Владимир Маяковский, прогуливаясь по Москве? **5.** Элитное жильё под крышей небоскреба. **7.** Евгений Жариков в киносказке «Снегурочка».

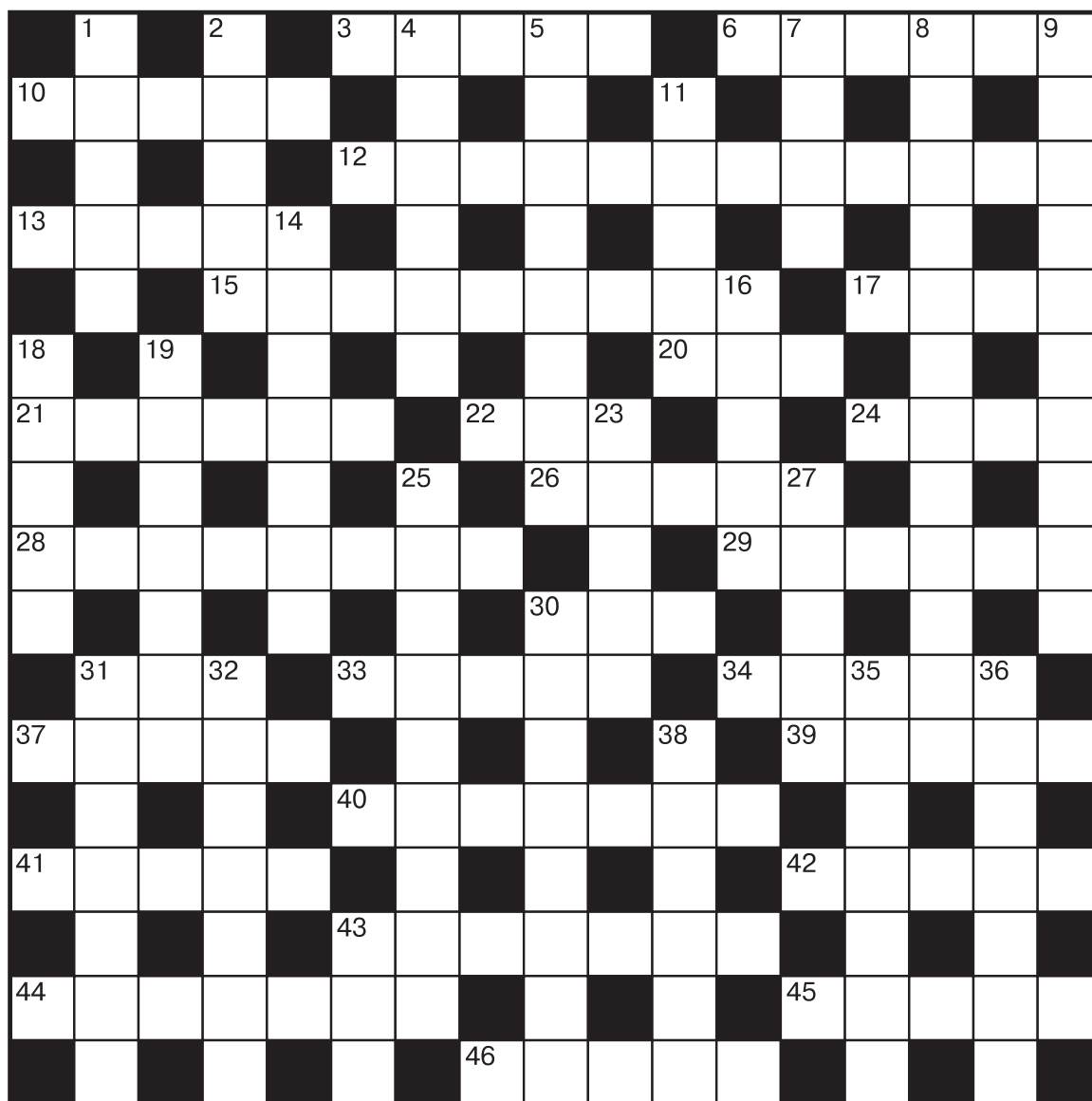
8. Чем шокировали петербургскую публику 4 мая 1896 года, в летнем саду «Аквариум» между вторым и третьим актом оперетты «Альфред-паша в Париже»? **9.** Маньяк порядка. **11.** Студент дневного отделения. **14.** Работа «за вычетом качества». **16.** Веревка, чтобы двум командам перетягивать. **18.** Какой напиток в иные годы приносил чуть ли не треть доходов российской казне? **19.** Что погубило Энрико Карузо? **23.** «Семейное гнездо» на кладбище. **25.** Какой магазин ориентирован на кулинарию? **27.** Совершенно очаровательная кроха. **30.** О какое растение однажды исторически оцарапалась богиня любви Афродита? **31.** Ангел, охраняющий пути к райскому дереву жизни. **32.** «Чем безрассуднее ..., тем она долговечнее». **35.** Благодаря витамину биотин клетки образуют ..., который повышает упругость и эластичность ногтей и волос. **36.** Какое окно придумали для взглядов покупателей? **38.** «Четыре реки» из романа «Ангелы и демоны» Дэна Брауна. **43.** Третий снеговика.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Беда. **3.** Брак. **7.** Жираф. **11.** Врач. **12.** Барракуда. **13.** Литва. **14.** «Сааб». **17.** Автор. **20.** Латынь. **21.** Зло. **22.** Валторна. **24.** Дракон. **28.** Абракадабра. **29.** Взгляд. **30.** Ствол. **34.** Пансионат. **37.** Конверт. **38.** Радио. **39.** Кроль. **41.** Крыса. **42.** Жабры. **43.** Плащ. **44.** Шляпа. **45.** Минск. **46.** Окунь. **47.** Трюк. **48.** Огонь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бобр. **2.** Дерево. **4.** Раут. **5.** Квас. **6.** Лапа. **8.** Идиотка. **9.** Айвенго. **10.** Бажов. **15.** «Аврора». **16.** Блад. **17.** Альбатрос. **18.** Радар. **19.** Страх. **23.** Газосварщик. **25.** Разгар. **26.** Коль. **27.** Нуди. **31.** Пат. **32.** Астролог. **33.** Горлопан. **34.** Присест. **35.** Табаско. **36.** Витрина. **40.** Опыт. **41.** «Камю».

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой памятник установлен на месте сожжения Елены Рерих? **6.** Средневековый клинок из Богемии, попавший на многие орнаменты. **10.** Боевое искусство Китая. **12.** Бег «на двести метров» у древних греков. **13.** Орел с львиной головой из шумерских мифов. **15.** Генрих, чьи сторонники участвовали в войне Алой и Белой розы. **17.** Эротическое аниме. **20.** Информационная метка. **21.** Первые восемь шагов в танго. **22.** Кто изобрел аппарат для измерения артериального давления? **24.** Карточная игра из рассказа «Миллионер» Александра Куприна. **26.** Мистическое истолкование Корана. **28.** «Ледовая оговорка» в договоре страхования судов. **29.** Наталья в женах Льва Троцкого. **30.** Город, чьи окрестности составляют шестой круг «Ада». **31.** Какой

мативная метка. **21.** Первые восемь шагов в танго. **22.** Кто изобрел аппарат для измерения артериального давления? **24.** Карточная игра из рассказа «Миллионер» Александра Куприна. **26.** Мистическое истолкование Корана. **28.** «Ледовая оговорка» в договоре страхования судов. **29.** Наталья в женах Льва Троцкого. **30.** Город, чьи окрестности составляют шестой круг «Ада». **31.** Какой

генерал-полковник стоял во главе заговора против Адольфа Гитлера, провалившегося в 1938 году? **33.** С какой расстановки фигур начиналась игра в шатрандж? **34.** Какая горная река унесла жизнь Фридриха Барбароссы? **37.** Кто готовил напитки на Руси в XIV–XVII веках? **39.** Паровой рулет у узбеков. **40.** Самая безводная пустыня на Земле. **41.** Чем, согласно легенде, «взрывали альпийские скалы», чтобы расчистить дорогу «слонам Ганнибала»? **42.** Кого в Голливуде саркастично прозвали «Татуированной Розой»? **43.** Один из трех гекатонхейров. **44.** Личный психиатр Мэрилин Монро. **45.** Кто принял Драко Малфоя в сборную Слизера по квиддичу? **46.** Паранджа у каракалпаков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Индонезийский театр теней. **2.** Слон для поддержания диска Плоского мира. **4.** Как в своих письмах Иосиф Сталин называл Надежду Аллилуеву? **5.** Мэрия Флоренции во времена Данте. **7.** «Малый хадж». **8.** С каким гормоном был свя-

зан тот недуг, из-за которого семья Лионеля Месси вынуждена была переехать из Буэнос-Айреса в Барселону? **9.** Кто озвучил Жоржа Милославского в сцене телефонного звонка Антону Семеновичу Шпаку? **11.** «Звездный» олень из упряжки Санта-Клауса. **14.** Дождь, «который никак не хотел умирать». **16.** Солнце и луна в образе «сиамских близнецов» у алхимиков. **18.** Шведский король, пожаловавший орден балерине Анне Павловой. **19.** Спиннинговая приманка, на которую рыбаки ловят в «щавелевом супе» — участке водоема, густо заросшем водорослями. **23.** Венгерская порода скакунов. **25.** Армейское звание писателя Алана Милна. **27.** Дощечки, чтобы покрывать купола. **30.** С каким немецким офицером связан самый знаменитый военный роман Коко Шанель? **31.** Материал бутылки коньяка «Louis XIII». **32.** «Красное дерево» из индийских джунглей. **35.** Главный шут при дворе французского короля Людовика XIII. **36.** Танец венецианских гондольеров. **38.** Какой орел охотится на гадов? **43.** Плавучий причал.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Секс. **3.** Окра. **7.** Гвидо. **11.** Лауд. **12.** Буамортье. **13.** Эррол. **14.** Ката. **17.** Касим. **20.** Шешдар. **21.** Дон. **22.** Кудашева. **24.** Ропшин. **28.** Архитриклин. **29.** Сонкок. **30.** Абзех. **34.** Босодзоку. **37.** Армавир. **38.** Рилли. **39.** Строк. **41.** Бенто. **42.** Алани. **43.** Улам. **44.** Отоми. **45.** Волна. **46.** Ориби. **47.** Акат. **48.** Аргян.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Себо. **2.** Кнапан. **4.** Като. **5.** Алек. **6.** Мунт. **8.** Воркшоп. **9.** Диодати. **10.** Ионик. **15.** Афелия. **16.** Ашар. **17.** Корробори. **18.** Муори. **19.** Чавка. **23.** Витенагемот. **25.** Одоакр. **26.** Шако. **27.** Нокс. **31.** Кор. **32.** Гортатор. **33.** Изоосмия. **34.** Билтонг. **35.** «Уиллард». **36.** Слюньба. **40.** Фуфа. **41.** Бава.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

В период с 1 по 11 декабря проходит Всероссийская декада подписки. Можно оформить подписку по льготной цене. Участвуют индексы: 70820, 71518, 70656.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

